

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова**

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 1 (1)

Издается с марта 2023 года

**Нижний Новгород
2023**

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Linguistics University of Nizhny Novgorod

**TECHNOLOGIES OF
SOCIAL AND HUMANITARIAN
RESEARCH**

№ 1 (1)

Published since March 2023

**Nizhny Novgorod
2023**

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Издатель: Нижегородский государственный лингвистический университет

Главный редактор: Устинкин С. В. – д-р ист. наук, профессор, начальник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Зам. главного редактора: Никитин А. В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Редакционная коллегия:

Багровников Н. А. – д-р филос. наук, доцент, НГЛУ;
Дорожкин А. М. – д-р филос. наук, профессор, ННГУ;
Казakov М. А. – д-р полит. наук, профессор, ННГУ;
Колобова С. А. – д-р полит. наук, доцент, НГЛУ;
Кузнецова Е. И. – д-р филос. наук, доцент, НГЛУ;
Никитин А. В. – канд. юрид. наук, доцент НГЛУ;
Ротанова М. Б. – канд. филос. наук, доцент, НГЛУ;
Рыжов И. В. – д-р ист. наук, профессор, ННГУ;
Савруцкая Е. П. – д-р филос. наук, профессор;
Савченко И. А. – д-р соц. наук, доцент, МГПУ;
Седаев П. В. – канд. филос. наук, доцент, НГЛУ;
Сенюткина О. Н. – д-р ист. наук, профессор, НГЛУ;
Старкин С. В. – д-р полит. наук, профессор, ННГУ;
Судьин С. А. – д-р соц. наук, доцент, ННГУ;
Устинкин С. В. – д-р ист. наук, профессор, НГЛУ;
Федорова М. В. – канд. филос. наук, доцент, НГЛУ;
Шамин И. В. – д-р полит. наук, доцент, ННГУ;
Шпилев Д. А. – д-р соц. наук, профессор, ННГУ.

Редактор: Чистякова Н. С., Цымбалова В. М.
Верстка: Медведева Л. В.

Constitutor: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Linguistics University of Nizhny Novgorod"

Publisher: Linguistics University of Nizhny Novgorod

Chief editor: Ustinkin S. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the International Interdisciplinary Research Laboratory "Study of World and Regional Socio-Political Processes" of the Linguistics University of Nizhny Novgorod; Director of the Volga Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy editor: Nikitin A. V. – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Senior Researcher at the International Interdisciplinary Research Laboratory "Study of World and Regional Socio-Political Processes" of the Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Editorial Board:

Bagrovnikov N. A. – D.Sc. in Philosophy, Associate Prof., LUNN;
Dorozhkin A. M. – D.Sc. in Philosophy, Prof., UNN;
Kazakov M. A. – D.Sc. in Political Sciences, Prof., UNN;
Kolobova S. A. – D.Sc. in Political Sciences, Associate Prof., LUNN
Kuznetsova E. I. – D.Sc. in Philosophy, Associate Prof., LUNN;
Nikitin A. V. – PhD in Juridical Sciences, Associate Prof. LUNN;
Rotanova M. B. – PhD in Philosophy, Associate Prof., LUNN;
Ryzhov I. V. – D.Sc. in Historical sciences, Prof., UNN;
Savrutskaya E. P. – D.Sc. in Philosophy, Prof.;
Savchenko I. A. – D.Sc. in Sociological sciences, Associate Prof., MCU;
Sedaev P. V. – PhD in Philosophy, Associate Prof., LUNN;
Senyutkina O. N. – D.Sc. in Historical sciences, Prof., LUNN;
Starkin S. V. – D.Sc. in Political Sciences, Prof., UNN;
Sud'in S. A. – D.Sc. in Sociological sciences, Associate Prof., UNN;
Ustinkin S. V. – D.Sc. in Historical sciences, Prof., LUNN;
Fedorova M. V. – PhD in Philosophy, Associate Prof., LUNN;
Shamin I. V. – D.Sc. in Political Sciences, Associate Prof., UNN;
Shpilev D. A. – D.Sc. in Sociological sciences, Prof., UNN.

Editor: Chistyakova N. S., Tsymbalova V. M.
Layout: Medvedeva L. V.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-80026 от 25.12.2020 г.

Тираж 550. Заказ № 10576
Дата выхода в свет 31.03.2023 г. Свободная цена.
Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

За достоверность и точность данных, приведенных в статьях, ответственность несут авторы статей. Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.

ФИЛОСОФИЯ

Седаев П. В., Устинкин С. В., Никитин А. В.,
Кочкуров А. С.
**Становление консервативной социально-
политической мысли в России** 5

Лагунова И. С., Евдокимов А. В.
**Проблема практической пользы философии
для современного человека и общества** 13

Федорова М. В.
**Особенности религиозной коммуникации в со-
временном цифровом обществе** 21

СОЦИОЛОГИЯ

Устинкин С. В., Никитин А. В., Самсонов А. И.
**Отношение молодежи к проявлениям экстре-
мизма и терроризма в современном
обществе** 36

Кузнецова Ю. И.
**Влияние блокировки социальных сетей на поку-
пательную способность потребителей (анализ
результатов студенческого социологического
исследования покупок в интернете** 57

ИСТОРИЯ

Устинкин С. В., Никитин А. В., Седаев П. В.
**Политическое наследие Петра Великого и его
значение для трансформации современной рос-
сийской государственности** 68

ПОЛИТОЛОГИЯ

Горюнова А. А.
**Поворот на Восток в контексте украинского
кризиса: теоретико-игровой подход** 83

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....92

PHILOSOPHY

Sedaev Pavel, Ustinkin Sergey, Nikitin Alexander,
Kochkurov Alexander
**Formation of Conservative Socio-Political
Thought in Russia** 5

Lagunova Irina, Evdokimov Alexey
**The Problem of the Practical use of Philosophy
for a Modern Person and Society** 13

Fedorova Marina
**The Specifics of Religious Communication
in the Modern Digital Society** 21

SOCIOLOGY

Ustinkin Sergey, Nikitin Alexander, Samsonov An-
drey
**The Attitude of Young People to the Manifesta-
tions of Extremism and Terrorism in Modern
Society** 36

Kuznetsova Yulia
**The Impact of Blocking Social Networks on the
Purchasing Power of Consumers (Analysis of the
Results of a Student Sociological Study of Online
Shopping)** 57

HISTORY

Ustinkin Sergey, Nikitin Alexander, Sedaev Pavel
**The Political Legacy of Peter the Great and Its
Significance for the Transformation of Modern
Russian Statehood** 68

POLITICAL SCIENCE

Goryunova Anna
**The Pivot to the East in the Conext of the Ukraini-
an Crisis: a Game-Theoretical Approach** 83

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....92

УДК 304.444

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

*П. В. Седаев*¹, *С. В. Устинкин*², *А. В. Никитин*³, *А. С. Кочкуров*⁴
¹⁻⁴*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется процесс становления консервативной социально-политической мысли в России конца XVIII – начала XIX столетий на основе анализа социально-политических взглядов М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. С. Уварова, которые заложили основы консервативного подхода в изучении закономерностей социально-политического развития российского общества. Авторы приходят к выводу, что знаменитая триада «Православие. Самодержавие. Народность» является одним из первых социально-политических проектов консервативного философского направления в России.

Ключевые слова: консерватизм, народность, патриотизм, религиозность, социально-политические идеи, самодержавие, монархическая государственность.

FORMATION OF CONSERVATIVE SOCIO-POLITICAL THOUGHT IN RUSSIA

*Pavel V. Sedaev*¹, *Sergey V. Ustinkin*², *Alexander V. Nikitin*³,
*Alexander S. Kochkurov*⁴
¹⁻⁴*N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. The article examines the process of formation of conservative socio-political thought in Russia of the late XVIII – early XIX centuries based on the analysis of the socio-political views of M. M. Shcherbatov, N. M. Karamzin, M. P. Pogodin, S. S. Uvarov, who laid the foundations of a conservative approach in the study of the laws of socio-political development of Russian society.

The authors conclude that the famous triad “Orthodoxy. Autocracy. Nationality” is one of the first socio-political projects of the conservative philosophical trend in Russia.

Keywords: conservatism, nationalities, patriotism, religiosity, socio-political ideas, autocracy, monarchical statehood.

Введение

Как известно, в конце XVIII столетия зарождается консервативное движение в Европе – как ответная реакция на революцию во Франции 1789–1793 гг. Вдохновителями данного движения в социально-политической философской мысли были дю Пан, де Местр, Шатобриан и др. Многие из них вынуждены были уехать из своей страны и оказались

в эмиграции, в том числе и в России. Самым известным был Жозеф де Местр, который оказал значительное влияние на развитие консервативной социально-политической мысли в России. Однако можно с уверенностью говорить о том, что в России уже в это время начинает формироваться собственная социально-политическая консервативная идеология.

Обзор литературы

Источниковедческой базой при написании данной статьи стали труды видных мыслителей консервативной философской мысли России начального периода (конец XVIII–XIX вв.). Одним из первых таких мыслителей можно назвать М. М. Щербатова, который в своей работе «О повреждении нравов в России» приходит к выводу о том, что основа российского государства должна состоять из духовно-нравственных начал, традиционных ценностей, присущих только данному народу. Любое заимствование в данной области не может принести ничего полезного для устойчивого развития российской государственности [5].

В дальнейшем данную идею развил Н. М. Карамзин. В своей работе «О древней и новой России» он рассматривает проблему уникальности государственной власти в России и делает вывод о том, что самодержавная власть для русского государства является наиболее приемлемой как для народа, так и для правящей верхушки. Идеи уникальности русской монархической самодержавной власти получили свое развитие в трудах представителей русского консерватизма второй половины XIX – начала XX вв., а именно Л. Н. Тихомирова, М. Н. Каткова, К. П. Победоносцева, М. П. Погодина, А. С. Шишкова и др.

Итогом первого этапа развития русской консервативной философской мысли стала знаменитая триада графа С. С. Уварова – «Православие. Самодержавие. Народность».

Материалы и методы

Методологической основой данного исследования является диалектический подход, и в частности принцип взаимосвязи общего и единичного. Принцип единства логического и исторического позволяет выявить преемственность взглядов представителей консервативной мысли начального периода русской консервативной философии.

Результаты исследования

Зарождение консервативной философской мысли в России связано с именем известного политического деятеля и историка князя Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790). Его имя было хорошо известно в России во второй половине XVIII столетия. Достаточно отметить, что его личная библиотека была одной из самых крупных, если не крупнейшей частной библиотекой в России. Князь М. М. Щербатов получил прекрасное образование, знал несколько иностранных языков, был знаком с философскими трудами зарубежных философов.

Своей главной задачей М. М. Щербатов считал раскрытие «закономерностей общественного и политического развития, причинную связь событий, установление которой, с его точки зрения, позволит не только познать прошлое, лучше понять настоящее, но и предвидеть будущее» [1, с. 248]. Самым известным трудом, который был им написан, является «О повреждении нравов в России». В нем М. М. Щербатов приводит анализ результатов правления русских монархов, в том числе его современницы Екатерины II. Характеризуя последнюю, он высказывает мнение, что те моральные ценности, на которых строилось ее правление, основывались на идеях «новых философов, то есть не утвержденные на твердом основании Закона Божия, и потому, как на колеблющихся светских главностях основа, с ними обще колебанию подвержена» [5, с. 118]. В этом произведении М. М. Щербатов выступает сторонником идеи о том, что в основе социально-политического развития России должны лежать именно духовно-нравственные критерии, которые являются залогом успешного развития русского общества.

Осуществив детальный анализ придворных нравов своего времени, М. М. Щербатов приходит к выводу, что отход от духовно-нравственных оснований, на которых строилось развитие русской государственности до Петра I, привел к тому, что место «привязанности к Божию и гражданскому закону» заняли «зависть, честолюбие, сребролюбие, пышность, уклонность, раболепность и лесть» [5, с. 119]. При этом он не только критикует нравы того времени, но и пытается разобраться в причинах, которые привели к их «повреждению». По его мнению, результатом этого стали реформы Петра I, который попытался перестроить Россию на западный лад и отказался от традиционных, присущих русской цивилизации основ духовно-нравственного развития. В результате реформистской деятельности Петра I была подорвана и без того хрупкая религиозность русского человека, исчезла «любовь к богу и святому его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить» [5, с. 81].

Оценивая результаты петровских реформ, М. М. Щербатов отмечает, что Россия превратилась в одну из самых развитых стран Европы. Была одержана победа в Северной войне, для чего необходимо было построить новую промышленность, новый флот, реформировать армию, создать науку, образование, новое искусство и т.д. Вместе с тем все это было внешним фасадом, который привел к разрушению внутреннего фундамента, на котором строилась русская самодержавная государственность. В результате отхода от традиционного пути развития Россия из самодержавной монархии, в основе которой лежали духовно-нравственные и религиозные принципы, присущие как правящему классу, так и всему народу, превратилась в деспотию. Все петровские реформы проводились вразрез с традициями русского народа, что и привело в дальнейшем к нравственному разложению правящей верхушки и, как следствие, к разложению всего русского этноса.

Можно сделать вывод, что М. М. Щербатовым были заложены основы консервативного подхода в изучении закономерностей социально-политического развития России, суть которого заключалась в том, что русская государственность должна покоиться на религиозных основаниях и уважении русских традиций.

У последователей М. М. Щербатова одними из основных вопросов русской консервативной традиции стали вопросы, связанные с приоритетом духовно-нравственного ценностного идеала, который, по их мнению, должен являться базовым при построении уникальной русской государственности.

Среди таких последователей был Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), который оказал большое влияние на становление русской социально-политической консервативной мысли. Широкому кругу читателей он известен как автор многотомного труда по русской истории. Наряду с М. М. Щербатовым его также можно причислить к родоначальникам русской социально-политической консервативной традиции. Свои идеи по данному вопросу он изложил в статье «О древней и новой России» [2], которая была написана в 1811 году. В ней Н. М. Карамзин развивает идеи и взгляды М. М. Щербатова на социально-политическое устройство Российского государства. Анализ негативных последствий Французской революции конца XVIII века приводит его к выводу о невозможности иного пути развития для России, кроме как на основах самодержавной монархии. Необходимо отметить, что работа Карамзина «О древней и новой России» официально была издана только в 1869 году, хотя с ней был знаком очень широкий круг мыслящих людей России, в том числе и император Александр I. Можно с уверенностью говорить, что взгляды Н. М. Карамзина оказали влияние на Александра I, который в начальный период своего царствования был приверженцем либеральных идей.

В соответствии с социально-политическими взглядами Н. М. Карамзина, на начальном этапе своего становления русская государственность была основана на принципах единоначальной самодержавной власти, где великий князь русский выступал не как верховный начальник, а как «отец среди семейства многочисленного» [2, с. 18], то есть верховная власть в России, по его мнению, формировалась естественным путем, как генезис семейно-родовых отношений. Эта идея Н. М. Карамзина получит развитие в трудах представителей следующего поколения консервативной социально-политической мысли. Однако в дальнейшем, по мнению Н. М. Карамзина, наблюдается утрата духовной связи народа и верховной власти, что впоследствии породило феодальную раздробленность русского государства и утрату им политической независимости. Только в период формирования Московского государства происходит восстановление самодержавного принципа правления и духовной связи народа и власти. Эти исторические процессы послужили идеологической основой к собиранию земель русских, освобождению от монгольской зависимости русского государства и приобретению новых территорий. По утверждению Н. М. Карамзина,

«сие великое творение князей московских было произведено не личным их геройством, ибо кроме Донского, никто из них не славился оным, но единственно умной политической системою, согласно обстоятельствам времени» [2, с. 23].

Смутное время конца XVI начала XVII веков Н. М. Карамзин рассматривает как отход от самодержавного принципа правления и усиление аристократических кланов, что перерастает в войну боярских родов и потерю политической субъектности русского государства. Для возврата независимости Руси единоголосно была восстановлена самодержавная власть в России в лице рода Романовых. При этом Н. М. Карамзин утверждал, что само избрание Михаила Романова как единовластного правителя было желанием всего русского народа. Известно, что были и более родовитые претенденты на царский трон, однако они, «имея множество знатных родственников, легко могли дать им власть аристократическую и тем ослабить самодержавие» [2, с. 30], что, по мнению Н. М. Карамзина, абсолютно недопустимо.

Петровскую эпоху Карамзин считает эпохой не самостоятельной, а эпохой подражания. Петр I «захотел делать Россию – Голландиею» [2, с. 36], насильственно вводя новые порядки. Однако все же главной ошибкой Петра I было то, что он подорвал авторитет Церкви, лишив ее самостоятельности, отменив патриаршество. Этим он ослабил веру народа в самодержавную форму правления России, одним из столпов которой как раз и была Русская православная церковь. Карамзин был убежден, что именно самодержавная форма правления является необходимой формой для успешного развития России. Он писал: «Самодержавие есть палладиум России, целостность его необходима для ее счастья» [3, с. 386].

Таким образом, с самодержавным принципом правления Н. М. Карамзин связывает весь исторический путь развития российской государственности. Он обосновывает идею единственного приемлемого для России самодержавного принципа правления.

Идея Н. М. Карамзина была подхвачена и получила дальнейшее развитие в трудах И. А. Ильина, Л. А. Тихомирова, И. Л. Солоневича и др., что говорит о преемственности мировоззренческих идей в русской социально-политической консервативной традиции.

Интересно, что Н. М. Карамзин, отстаивая идеи самодержавной верховной власти, не отрицает и значимости парламентского представительства при монархе. Для него таким представительным органом является Боярская дума, которая должна принимать на себя отдельные функции управления государством. По мнению Н. М. Карамзина, этот орган должен носить совещательный характер. Однако в целом он выступал ярким противником ограничения самодержавной власти монарха каким-либо государственным органом. Карамзин задается вопросом о возможности ограничения власти самодержавия, не ослабляя при этом власть самодержца. Он допускал, что за неприкосновенностью закона должен следить либо Сенат, либо Государственный совет. Вместе с тем данный коллегиальный

орган, как бы он не назывался, должен быть подвластен воли монарха. Будучи независимым от монарха, этот государственный орган стал бы претендовать на расширение своих властных полномочий и, как следствие, это привело бы к двоевластию, которое всегда приводило российскую государственность к ослаблению. В силу этого обстоятельства Н. М. Карамзин считал, что основной задачей монарха является обеспечение незыблемости самодержавного принципа правления.

Другим видным представителем отечественной социально-политической традиции этого исторического периода является Александр Семенович Шишков (1754–1841). В своей знаменитой работе «Рассуждения о любви к Отечеству» он выражает негативное отношение ко всем нововведениям императора Павла I, которые, по его мнению, ослабили авторитет России в Европе. А. С. Шишков сначала приветствует восшествие на престол Александра I, однако видя, что на начальном этапе своего правления монарх проводит либеральный курс, он начинает открыто критиковать императора и все его окружение за это.

Как и его предшественники (М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин) А. С. Шишков – яркий представитель консервативного направления в социально-политической мысли России. Он призывает искать пути развития русского общества не в чуждых для российской традиционности доктринах, а обращать внимание на собственный исторический опыт построения российской государственности, самобытность русского народа и первостепенное место религиозного фактора. А. С. Шишков приводит в пример историю Французской революции 1789–1793 гг., к которой привел отход французского народа от религии и увлечение идеями эпохи Просвещения. Пропаганда и распространение идей французских философов-просветителей привели Францию к революционным событиям. «Ядовитые книги, развратные правила, неистовые дела породили чудовищную революцию» [4, с. 325]. По этой причине А. С. Шишков предложил прервать все культурные связи с Францией и сосредоточить внимание на традиционных ценностях, идеях самодержавия и идеалах православия при построении русской государственности.

Идеи Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова нашли свое воплощение в социально-политической идеологической концепции «теории официальной народности», состоящей из трех составляющих – «Православие. Самодержавие. Народность». Она получила свое развитие во время царствования императора Николая I. Основы данной теории были заложены еще Н. М. Карамзиным, который разработал одну из ее составляющих, а именно самодержавный фактор, как «Палладиум России». С тех пор самодержавие в работах консервативных мыслителей является единственным приемлемым способом правления для России. Основным разработчиком «теории официальной народности» является министр народного просвещения и президент Российской Академии наук Сергей Семенович Уваров (1786–1855). Он дополнил идеи Н. М. Карамзина

и придал им завершённый характер, что в итоге нашло воплощение в триаде «Православие, Самодержавие, Народность».

Религиозный фактор – один из важнейших в формировании и становлении любого общества. Церковь является наиболее консервативным общественным институтом, что особенно характерно для России. Русская православная церковь исторически была одной из опор монархической власти. На протяжении своего существования она учила смирению, покорности Божьей воле и следованию традициям, которые установлены свыше. А православная вера наиболее органично вписывалась в социально-политическую и экономическую жизнь русского общества.

Значительную роль в разработке теории официальной народности сыграл профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Занимаясь изучением русских летописей, он убеждается в значительном расхождении исторического процесса развития стран Западной Европы и России. М. П. Погодин доказывает, что современная действительность и будущее должны быть результатом последовательного развития, опирающегося на традицию. Он предупреждает, что нельзя слепо копировать какие-либо социально-политические идеалы других народов. М. П. Погодин утверждал, что «всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень... пересаживать чужие растения, как бы они не были пышны и блистательны, не всегда бывает полезным» [3, с. 374]. Отстаивая идею провиденциализма, он представляет отечественную историю как классический пример руководства Божественного промысла, который ведет Россию к «какой-то высокой цели» [3, с. 375], но для достижения которой необходимо сохранять те порядки, что существовали на протяжении всей истории российского общества и государства.

Обсуждение и заключения

Подводя итог, необходимо отметить, что начальный период развития социально-политических идей русского консерватизма проходил в очень сложное для России время. Рубеж XVIII и XIX веков был ознаменован судьбоносными вызовами для русской цивилизации. Это и европейские революции, и война с Францией 1812 года, и декабристское движение, и ряд других событий. Все это способствовало тому, что в Россию стали проникать и культивироваться западноевропейские либеральные идеи, которые не могли не сказаться на ее политической жизни. Поэтому основной заслугой начального периода русской консервативной социально-политической мысли было определение и обоснование основополагающих ценностей, лежащих в основе самодержавной власти и русского общественного сознания (культ традиций, национальной культуры, патриотизм, приоритет общего над частным и т.д.).

После свержения в 1917 году самодержавной власти в России социально-политические консервативные идеи не были преданы забвению. Они и в настоящее время вызывают интерес у пытливого исследователя,

используются в практике государственного строительства, в воспитании подрастающих поколений, укреплении суверенитета России.

Библиография

1. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 494 с. [Artem'eva T. V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu: filosofiya istorii i utopiya v Rossii ehpokhi Prosveshcheniya. SPb.: Aleteiya, 2005. 494 s.].

2. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с. [Karamzin N. M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh. M.: Nauka, 1991. 125 s.].

3. Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 823 с. [Pogodin M. P. Vechnoe nachalo. Russkii dukh. M.: In-t russkoi tsivilizatsii, 2011. 823 s.].

4. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1-2. Берлин: Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. 480 с. [Shishkov A. S. Zapiski, mneniya i perepiska admirala A. S. Shishkova. T. 1-2. Berlin: N. Kiseleva i YU. Samarina, 1870. 480 s.].

5. Щербатов М. М. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983. 340 с. [Shcherbatov M. M. «O povrezhdenii npravov v Rossii» knyazyu M. Shcherbatova i «Puteshestvie» A. Radishcheva. M.: Nauka, 1983. 340 s.].

Примечание:

Седаев П. В. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта, разработка анкеты, написание раздела «Обсуждение и заключение».

Устинкин С. В. – написание разделов «Введение», «Обзор литературы».

Никитин А.В. – написание раздела «Результаты исследования».

Кочкуров А. С. – написание разделов «Результаты исследования», «Материалы и методы».

ПРОБЛЕМА ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЫ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

И. С. Лагунова¹, А. В. Евдокимов²

*¹⁻²Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. Философия в обыденном сознании современного человека нередко представляется знанием непрактичным. Руководствуясь таким видением философии, можно прийти к выводу о том, что занятие философией имеет значение исключительно для узкого профессионального развития в сфере преподавания философских дисциплин. Вместе с тем и история, и современные реалии содержат огромное количество примеров, подтверждающих определяющее влияние философских концепций, доктрин на всевозможные сферы человеческой деятельности.

Ключевые слова: философия, практическое значение, влияние, философское осмысление, юриспруденция, повседневность, феномен, наука.

THE PROBLEM OF THE PRACTICAL USE OF PHILOSOPHY FOR A MODERN PERSON AND SOCIETY

Irina S. Lagunova¹, Alexey V. Evdokimov²

*¹⁻²N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. Philosophy in the ordinary consciousness of modern man is often represented as impractical knowledge. Guided by this vision of philosophy, one can come to the conclusion that the occupation of philosophy matters only for narrow professional development in the field of teaching philosophical disciplines. At the same time, both history and modern realities contain a huge number of examples confirming the decisive influence of philosophical concepts and doctrines on various spheres of human activity.

Keywords: philosophy, practical significance, influence, philosophical understanding, jurisprudence, everyday life, phenomenon, science.

Введение

Нельзя сказать, что обозначенная нами проблема не изучалась современными философами. Так или иначе проблематика практической пользы и социальных функций философии затрагивается в работах Б. Б. Жабборова [5], О. В. Пашенко, В. А. Кленовской [12] и С. Н. Будяковой [1]. Однако нам представляется, что необходимо новое осмысление данной проблемы. Мы сосредоточимся на анализе взаимного влияния философии и таких важных явлений и сфер жизни человека и общества, как повседневность, профессиональная деятельность, юриспруденция, наука, образование и политика.

Обзор литературы

Исследование проблематики значения философии в жизни человека и общества имело место со времен древнейших цивилизаций, в античном мире – со времен досократиков. Поскольку фокус исследования находится в предметном поле современного общества, авторы обратились преимущественно к трудам философов XX–XXI вв., в частности В. И. Ленина [8], А. Шюца [15], Б. Б. Жабборова [5], Ч. Пирса [21], Н. Бострома [18], М. Мора [20] и др.

Материалы и методы

В ходе научного исследования авторы обращались к трудам Г.-Э. Дебора, В. И. Ленина, К. Маркса, Б. Б. Жабборова и др.

Научная работа опирается на такие методы исследования, как диалектический, формально-логический, сравнительно-исторический, метод критического анализа и иные. В частности, благодаря сравнительно-историческому методу исследования авторам удалось проследить влияние философских доктрин на трансформацию общественного мировоззрения, социального и политического строя. Посредством использования метода критического анализа были выявлены тенденции разрушающего влияния идей постмодерна на современное общество.

Результаты исследования

В результате исследования было не только осмыслено влияние философии на обозначенные выше сферы жизнедеятельности общества и человека, но и выявлены проблемы, связанные с потерей ценностных ориентиров современного общества. Авторы приходят к выводу о том, что изучение философии имеет огромное значение для каждого человека, так как помогает ему формировать и постоянно развивать собственное наиболее адекватное реальности мировоззрение, становиться мудрее. С учетом же проблем современного человека, связанных с формированием ценностей, изучение философии, на наш взгляд, сможет помочь человеку обрести целостность.

Философия и повседневность. В сознании многих людей в наше время понятие «философия» является чем-то теоретическим и далеким от повседневной жизни человека. Под «повседневностью» вслед за А. Шюцем [15] мы будем понимать сферу повторяющегося человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности.

Рассуждая о месте философии в повседневности современного человека, уместно, на наш взгляд, упомянуть такую характеристику современного общества, как «общество потребления» [2], где большинство людей заняты исключительно удовлетворением своих постоянно возрастающих потребностей (в основном материальных). Как и каждая историческая эпоха, современность [6] имеет свою философскую основу. К примеру, эпоха Средневековья в Европе имела в своей мировоззренческой

основе платонизм, обогащенный христианскими догматами, эпоха Просвещения (в Европе) – рационализм, период правления Советов в России – исторический материализм, концептуально сформулированный К. Марксом [10], Ф. Энгельсом [16] и дополненный В. И. Лениным [8]. Философская основа организации современного общества – постмодерн, провозглашающий неустойчивость и ситуативность жизни, иллюзорность упорядоченности социальных связей.

Опасность постмодерна для повседневности человека заключается в том, что он учит *не тратить* время на поиск истины (раз ее нет, все лишь текст [13]), на то, чтобы разобраться в сущности явлений текущей жизни и их соотношении со своими ценностями (а не гнаться за очередным, еще не успевшим надоесть развлечением / приобретением, будь то гаджет последней модели, автомобиль и др.). Наконец, чтобы как раз определить свои ценности как фундамент жизни, нечто определенное и устойчивое. Благодаря техническому прогрессу эти идеи транслируются во множестве форм, далеко не только в книгах: в фильмах, современном изобразительном искусстве, средствах массовой информации. В таких опосредованных культурой формах философия определяет жизнь людей в большей степени *бессознательно* для них самих.

Отметим, что идея мудрости как вневременной и, казалось бы, незыблемой ценности для человека выхолащивается из его повседневности. Постмодернистская современность являет собой реализацию идей «деконструкции реальности», но это тоже часть философии, и она воплощается.

Постмодерн явился благодатной концептуальной почвой для развития идей технологического усовершенствования человека в рамках трансгуманизма. Современный трансгуманизм, философской основой которого явились труды Ч. Пирса [21], Д. Бострома [18], М. Мора [20], Д. Харауэй [19] и др., предполагает использование различных *NBIC* технологий для «улучшения» человеческих способностей. Он является философской основой для множества современных исследований в области биологии, медицины, генетики, предлагающих человеку все новые способы решения «проблем его природы», витальности. Трудно, пожалуй, найти большее влияние реализации философских идей на жизнь человечества.

Говоря о примерах влияния философии на повседневность человека, нельзя не упомянуть определяющее значение различных философских учений на уклад жизни многих народов. Например, в России буддизм, являющийся одновременно и религиозным учением, оказывает значительное влияние на организацию жизни народности калмыков.

В случае целенаправленного изучения человеком философских трудов в своей повседневной жизни в той или иной мере можно говорить об *осознанном* самим человеком влиянии философии. В таком случае речь идет о духовной эволюции субъекта, которую обеспечивает философия, предоставляя человеку бескрайний материал для осмысления тех или иных феноменов его жизни под другим углом. Знакомство с другими точками зрения по вопросам жизни и смерти, счастья, сознания, страданий и иным

базовым жизненным ценностям позволяет человеку, в свою очередь, осознать множественность интерпретаций одного объекта, субстанции и отличить их от реально существующих. Тем самым мышление человека, изучающего философское наследие мира, становится более адекватным реальности.

Таким образом, философия оказывает определяющее значение на повседневность человека, как в неосознаваемых им формах (преимущественно), так и в осознанных. Сознательное обращение к философии как к сфере познания расширяет мировоззрение человека, предоставляя новые возможности для развития, деятельности.

Философия и профессиональная деятельность. Далеко не все люди по профессии занимаются философией. Обычно это преподаватели в учреждениях среднего специального, высшего и дополнительного образования, научные сотрудники, аналитики и эксперты, редакторы научных журналов, общественные и религиозные деятели. Для всех остальных, казалось бы, философия не важна и вообще не актуальна. Мы полагаем, что это весьма распространенное заблуждение. Дело в том, что в любой профессиональной деятельности есть мировоззренческая основа, система, на которой она базируется. Она может не всегда осознаваться, особенно у начинающих работников, однако это не отменяет ее существования и необходимости усвоения. Без такой базы невозможно становление и совершенствование любого грамотного специалиста и профессионала в своей сфере деятельности, мы уже не говорим о тех сотрудниках, кто претендует на руководящие должности.

В процессе своего профессионального развития любой сотрудник организации усваивает эту глубинную мировоззренческую основу выбранного направления деятельности. Конечно, одних теоретических знаний, полученных еще в период обучения в вузе, часто бывает недостаточно. Но здесь как раз добавляется практический компонент, а именно – освоение основ профессии через деятельность и общение с другими людьми в рамках такой деятельности. Особенно важен опыт передачи знаний и навыков от более опытных и мудрых сотрудников тем, кто только начинает свой профессиональный путь. От успешности освоения такого опыта и зависит дальнейшее развитие в профессии того или иного сотрудника.

Философия и юриспруденция. Говоря о значении философии в юридической сфере, прежде всего отметим, что она оказывает существенное, порой определяющее влияние на содержание правовых документов. Так, «Манифест коммунистической партии» К. Маркса [10] оказал непосредственное идейное влияние на содержание Конституции РСФСР 1918 г. [14]. В частности, оно проявилось в призывах к объединению пролетариев всех стран, декларированию классовой борьбы, национализации всех земель, банковского капитала и др.

Любая конституция основывается на ценностных решениях своих создателей, а по сути отражает основные ценности, философию общества.

На содержание Конституции РФ 1993 года сильнейшее влияние оказала философия либерализма, основы которой берут свое начало в трудах Дж. Милля [11] и Дж. Локка [9].

Философия постмодерна оказывает существенное влияние на развитие российского частного права. В частности, тенденция интернационализации частного права, которую можно проследить в реформе гражданского законодательства последние десять лет, отражает концепцию ризомного устройства общества [3]. Как отмечает В. В. Лазарев, «постмодернизация правового мышления связывается с преодолением формально-догматического метода мышления, поскольку право объявляется открытой, динамичной, постоянно обновляемой системой, а ее понятия – постоянно трансформирующимися, наполняемыми новым содержанием» [7].

Таким образом, под влиянием постмодернистской философии российское частное право становится гибким, постоянно эволюционирующим феноменом.

Философия и наука. Существуют разные точки зрения по поводу соотношения науки и философии, в том числе о том, является ли философия наукой и т.п. На наш взгляд, философия является одновременно одной из социально-гуманитарных наук, а также является метанаукой для всех остальных научных направлений. В любой науке, помимо истории ее развития, есть некие общие основания, системные черты и особенности, которые сформировали данную науку. Поэтому наука и философия взаимосвязаны. Хотя даже среди ученых можно найти людей, которые не понимают, зачем существует философия и для чего, например, необходимо ее изучать в аспирантуре.

На наш взгляд, философию нужно знать и понимать, чтобы развиваться как ученому и профессионалу. Именно благодаря пониманию философских закономерностей развития науки можно не только достичь успеха в той или иной области науки, но и стать первопроходцем, открывать новые направления, выйдя за рамки какой-либо одной науки с применением системного и междисциплинарного подходов.

Философия и образование. Если говорить о школьном образовании, то философия там практически не представлена. Некоторые ее элементы содержатся в курсе обществознания, однако этого, конечно, недостаточно для формирования целостной картины мира выпускника школы. Чаще всего философию изучают в средних специальных учебных заведениях и в вузах, где она справедливо является неотъемлемой составляющей блока общеобразовательных дисциплин. Без освоения основ философии невозможно быть в полной мере культурным и образованным человеком. Изучение философии в рамках образовательных программ высшего образования способствует формированию важных качеств будущего специалиста. Это прежде всего развитие критического мышления, формирование мировоззрения и системного взгляда на мир. Кроме того, очень важно формируемое философией понимание причинно-следственных связей различных событий, процессов и закономерностей развития человека и общества.

Философия во многом формирует культуру мышления не только в рамках изучаемой специальности, но и в самом общем плане культуру мышления человека и гражданина своей страны.

Проблемы отсутствия должного внимания к философии как мировоззренческой основе будущего специалиста в рамках современной системы образования, стремящейся сузить профиль своих специальностей, освещены в работе А. Аветисяна [17]. Можно согласиться с автором, что философия задает некие характеристики идеальной личности, устойчивые ценностные ориентиры, без которых ни один специалист не сможет добиться личностного роста и прогресса.

Философия и политика. Взаимосвязь философии и политики проявляется прежде всего в том, что любой политик имеет определенное мировоззрение и идеологию, оказывающие сильное влияние на принимаемые управленческие решения, которые в свою очередь влияют на общество. Поэтому мы можем говорить о политической философии и мировоззрении как отдельного депутата или чиновника, так и об элите в целом, для формирования и деятельности которой существуют социально-философские и исторические, системные основания [4].

Помимо теоретического изучения различных проблем политики и деятельности политиков (как в прошлом, так и в настоящем), у философии есть практическое значение в виде экспертно-аналитической деятельности в органах власти и консультирования различных политических сил, например, при проведении избирательных кампаний.

Политико-философские системы могут быть весьма устойчивы и сохранять свое влияние на долгие годы. Примером здесь может быть философская программа развития государства и общества, описанная, в частности, в работах В. И. Ленина, в ранее упомянутом «Манифесте Коммунистической партии», результатом которой явилось установление советского режима правления, создание нового типа власти, не существовавшего ранее в истории человечества. Все это во многом продолжает оказывать существенное влияние на разные стороны общественной жизни и мировоззрение политиков в современном российском государстве.

Обсуждение и заключения

Вышеуказанные примеры влияния философии на различные сферы человеческой жизнедеятельности являются всего лишь единичными из постоянно растущего множества примеров такого влияния. Из этого следует, что изучение философии необходимо каждому человеку, поскольку она позволяет расширить свое мировоззрение, узнав о других точках зрения, об устройстве этого мира и его сложности. Соответственно, мы полагаем, что изучению философии как в рамках школы, так и на уровне высшего образования должно быть уделено особое внимание со стороны государства, общества и каждого человека.

Библиография

1. Будякова С. Н. Практическая значимость философии в современном мире // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Часть 2. Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2020. С. 498–501. [Budyakova S. N. Prakticheskaya znachimost' filosofii v sovremennom mire // Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Chast' 2. Nauka: opyt, problemy, perspektivy razvitiya. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. gos. agrar. un-t, 2020. S. 498–501.].
2. Дебор Г.-Э. Общество спектакля / Пер. с фр. Ст. Офертаса, М. Якубович. М.: Логос, 2000. 178 с. [Debor G.-Eh. Obshchestvo spektaklya / Per. s fr. St. Ofertasa, M. Yakubovich. M.: Logos, 2000. 178 s.].
3. Делез Ж. Философия различия. М.: Белый город, 2013. 504 с. [Delez Zh. Filosofiya razlichiya. M.: Belyi gorod, 2013. 504 s.].
4. Евдокимов А. В. Историческая элитология: проблемы историографии и теории // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели (научная монография) / Е. В. Агарин, Э. В. Баркова, А. В. Богомолов, А. В. Грехов, А. А. Давыдов и др. / Под общ. ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. М.: Аквилон, 2019. С. 184–200. [Evdokimov A. V. Istoricheskaya ehilitologiya: problemy istoriografii i teorii // Sotsial'no-gumanitarnoe poznanie: metodologicheskie i sodержatel'nye paralleli (nauchnaya monografiya) / E. V. Agarin, E. V. Barkova, A. V. Bogomolov, A. V. Grekhov, A. A. Davydov i dr. / Pod obshch. red. A. V. Grekhova, A. N. Fatenkova. M.: Akvilon, 2019. S. 184–200.].
5. Жабборов Б. Б. Современный взгляд на социальные функции философии // International Independent Scientific Journal. 2020. № 13-3 (13). С. 49–51. [Zhabborov B. B. Sovremennyi vzglyad na sotsial'nye funktsii filosofii // International Independent Scientific Journal. 2020. № 13-3 (13). S. 49–51.].
6. Лагунова И. С. Какова современность для современного человека // Философская мысль. 2017. № 4. С. 70–83. [Lagunova I. S. Kakova sovremennost' dlya sovremennogo cheloveka // Filosofskaya mysl'. 2017. № 4. S. 70–83.].
7. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28. [Lazarev V. V. Tolkovanie prava: klassika, modern i postmodern // Zhurnal rossiiskogo prava. 2016. № 8. S. 15–28.].
8. Ленин В. И. Государство и революция. М.: АСТ, 2020. 512 с. [Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyutsiya. M.: AST, 2020. 512 s.].
9. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. М.: Азбука, 2022. 864 с. [Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii. M.: Azbuka, 2022. 864 s.].
10. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. М.: Бомбора, 2020. 96 с. [Marks K. Manifest Kommunisticheskoi partii. M.: Bombova, 2020. 96 s.].
11. Милль Дж. Ст. О некоторых важнейших вопросах познания: Через призму философии сэра Вильяма Гамильтона / Пер. с англ. М.: Ленанд, 2022. 534 с. [Mill' Dzh. St. O nekotorykh vazhneishikh voprosakh poznaniya: Cherez prizmu filosofii seh-ra Vil'yama Gamil'tona / Per. s angl. M.: Lenand, 2022. 534 s.].
12. Пашенко О. В., Кленовская В. А. Философская практика как новый язык философского знания // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25. № 1. С. 64–69. [Pashchenko O. V., Klenovskaya V. A. Filosofskaya praktika kak novyi yazyk filosofskogo znaniya // Vestnik Omskogo universiteta. 2020. T. 25. № 1. S. 64–69.].
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с. [Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk / Per. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoi. SPb.: A-cad, 1994. 406 s.].
14. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. 2-е изд., перераб. Москва: Зерцало-М, 2003. 215 с. [Chistyakov O. I. Konstitutsiya RSFSR 1918 goda: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayuyushchiesya po spetsial'nosti «Yurispруденция» / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Yurid. fak. 2-e izd., pererab. Moskva: Zertsalo-M, 2003. 215 s.].

obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya» / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Yurid. fak. 2-e izd., pererab. Moskva: Zertsalo-M, 2003. 215 s.].

15. Шюц А. О. Множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34. [Shyuts A. O. Mnozhestvennosti real'nostei // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2003. T. 3. № 2. S. 3–34.].

16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2020. 288 с. [Ehngel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. M.: AST, 2020. 288 s.].

17. Avetisyan. A. Education Philosophy Issues in Modern World // Wisdom. 2020. № 3 (16). P. 209–214.

18. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. P. 1–25.

19. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // Environmental Humanities. 2015. Vol. 6. P. 159–165.

20. More M. The Overhuman in the Transhuman // Journal of Evolution and Technology. 2010. Vol. 21. Iss. 1. P. 1–4.

21. Peirce Ch. S. The Biointelligence Explosion // Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment / In Amnon H. Eden, et al. (eds.). Berlin: Springer-Verlag, 2012. P. 199–236.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

М. В. Федорова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена определению сущности религиозной коммуникации, выявлению ее специфических черт. Особое внимание уделяется проблеме трансформации религиозной коммуникации в современном обществе.

В результате проведенного исследования автор приходит к заключению, что на современном этапе цивилизационного развития, получившем название «цифрового общества», система коммуникационных связей подвергается резкой трансформации. Основными чертами религиозной коммуникации являются: во-первых, ее разноплановость, устремленность как в горизонтальное, социальное, профанное пространство, так и в вертикальное, трансцендентное, сакральное. Во-вторых, религиозная коммуникация является специфическим видом коммуникации, который обладает широчайшим спектром возможностей сенсорного и эмоционального воздействия на человека. Свойства чувственного опыта (квалиа), продуцируемые в контексте религиозной коммуникации, сложны и многоаспектны. В процессе формирования киберрелигиозных феноменов происходит и трансформация религиозной коммуникации. Происходит переформатирование пластов сакрального и мирского, в виртуальной среде меняются свойства чувственного опыта, а соответственно, и религиозность.

В статье также отмечается, что процессы, протекающие в современном обществе, носят необратимый характер. Оформляется новая религиозная картина, формируется новый тип религиозности и религиозной идентичности.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, цифровое общество, религиозный язык, религиозный символ, семиотика, религиозность.

Благодарности: автор выражает благодарность рецензентам и редакторам издательства за оказанную помощь в подготовке статьи.

THE SPECIFICS OF RELIGIOUS COMMUNICATION IN THE MODERN DIGITAL SOCIETY

Marina V. Fedorova

*N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. The article is devoted to the definition of the essence of religious communication, the identification of its specific features. Special attention is paid to the problem of transformation of religious communication in modern society.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that at the present stage of civilizational development, called the “digital society”, the system of communication links undergoes a sharp transformation. The main features of religious communication are: firstly, its diversity, striving both in the horizontal, social, profane space, and in the vertical,

transcendent, sacred. Secondly, religious communication is a specific type of communication that has the widest range of possibilities of sensory and emotional impact on a person. The properties of sensory experience (qualia) produced in the context of religious communication are complex and multidimensional. In the process of formation of cyberreligious phenomena, religious communication is also being transformed. The layers of the sacred and the mundane are being reformatted, the properties of sensory experience are changing in the virtual environment, and, accordingly, religiosity.

The article also notes that the processes taking place in modern society are irreversible. A new religious picture is being formed, a new type of religiosity and religious identity is being formed.

Keywords: religious communication, digital society, religious language, religious symbol, semiotics, religiosity.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the reviewers and editors of the publishing house for their assistance in preparing the article.

Введение

Специфика современного общества не раз становилась предметом осмысления в трудах философов, социологов и деятелей других областей научного знания. Анализируя данные работы, можно прийти к выводу, что облик современных социально-культурных феноменов определило сложное диалектическое состояние таких факторов, как глобализация и постглобализм, массовая и нишевая культура, мировоззренческие установки постмодернизма и *after*-постмодерн. Однако бесспорным для всех современных исследователей является тот факт, что одним из самых значительных факторов, изменивших образ современной цивилизации, является цифровизация общественной жизни. Цифровизация социальных процессов, которая особенно ускоренно и стремительно началась в период пандемии COVID-19, трансформировала практически все коммуникационные и идентификационные процессы [36, с. 66]. Это не могло не затронуть также и коммуникативные процессы, связанные с религией. Рост количества каналов, групп в социальных сетях и мессенджерах, блогов, рассчитанных на верующих людей, интенсификация социального взаимодействия в интернет-среде, активизация обсуждения о возможности совершения таинств на виртуальных площадках [35, с. 255–256; 32; 20, с. 228] и многие другие факты говорят о том, что религиозная коммуникация претерпевает существенные изменения в цифровом обществе.

Основной целью настоящей статьи является попытка выделить существенные черты религиозной коммуникации и показать специфику трансформаций, затрагивающих данный тип коммуникативных отношений в современном цифровом обществе.

Обзор литературы

Понятие религиозной коммуникации пока не стало предметом комплексного изучения. Долгое время данный феномен осмысливался в рамках лингвистического и филологического научных направлений (Н. Б. Мечковская, И. В. Бугаева, Е. В. Бобырева, В. И. Карасик, М. Войтак,

Р. Баич и др.), где основной исследовательский интерес сосредотачивался вокруг изучения специфики семиотических (прежде всего вербальных) коммуникативных средств религии. Именно благодаря работам указанных авторов в научном обиходе закрепились понятия «религиозный язык», «сакральный язык», «культовый язык», «молитвенный язык», «религиозный дискурс», «духовная словесность» и т. д. [6, с. 4].

Социологическое понимание религиозной коммуникации восходит к теории Э. Дюркгейма о связи ритуалов, их сакральной первоосновы и общественной интеграции. Г. Зиммель находил источник религиозного чувства в социальных отношениях, во взаимосвязи между людьми. В рамках феноменологической социологии (Г. Гарфинкель, Т. Лукман) актуализировалась проблема поиска смыслов религиозных феноменов в единичных социальных актах.

Психологический аспект религиозной коммуникации раскрывается в работах социальных психологов У. Джеймса, Г. Олпорта, С. Д. Бэтсона (C. D. Watson), Р. Райана (R. Ryan) и др.

В неявном виде к проблеме религиозной коммуникации будут обращаться те авторы, которые исследовали взаимосвязь социальных отношений, мифов и ритуалов (А. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс, В. У. Тэрнер (V. W. Turner) и др.).

Осмысление феномена религиозной коммуникации происходит и в религиозной философии. Здесь показательна прежде всего русская религиозная философия, для которой характерны социальная ориентированность, «мелиоризм» [12, с. 315], воплощенные в идеях «живого союза христиан», соборности, «царства Божия на земле», богочеловечества.

Проблема религиозной коммуникации тесно связана с вопросами интерпретации религиозных символов. В рамках данной статьи представить историографический обзор, посвященный теоретическому исследованию символа, не представляется возможным. В настоящее время существует достаточное количество трудов, обращающихся к данной проблеме (можно вспомнить работы Ц. Тодорова, К. А. Свасьяна, И. Е. Фадеевой, С. Г. Сычевой, Г. Г. Почепцова и многие другие). Методические трудности в объяснении природы символа возникают потому, что вопросами его изучения занимаются различные науки: философия, религиоведение, психология, семиотика, лингвистика и другие. Социально-коммуникативный подход к символу обнаруживается в символическом интеракционизме, этнометодологии, культурной антропологии, в ряде работ представителей структурно-функционалистского направления. Однако, как отмечает И. П. Леонтьева, «в своей коммуникативной функции символ в работах представителей этих направлений нередко смешивался или отождествлялся со знаком» [17, с. 2]. Проблема отличия символа от знака (а также отличия символа от «соседних структурно-семантических категорий»: метафоры, образа, аллегии, сравнения, олицетворения, типа, эмблемы, мифа и т. д.) была подробно разработана в трудах А. Ф. Лосева [18] и К. А. Свасьяна [29].

Материалы и методы

Очевидно, что актуальность обращения к проблеме религиозной коммуникации обусловлена необходимостью комплексного осмысления данного феномена и поиском неких единых методологических оснований.

Можно рассматривать религиозную коммуникацию в контексте общей теории коммуникации, представленной теориями Г. Ласвелла, П. Лазарсфельда, Р. О. Якобсона, К. Шеннона и У. Уивера. Исходя из некоторых общих принципов данной теории, представляется возможным предложить следующее определение: религиозная коммуникация – это отношения, в процессе которых происходит передача и обмен информацией религиозного содержания посредством определенной для каждой религии системы знаков.

Также в рамках данной статьи в качестве методологического основания будет использован подход М. Элиаде, предполагающий наличие двух пластов бытия: мирского и сакрального, а также принцип изначальной религиозности любого человеческого существа.

Теория квалиа получила развитие в аналитической философии сознания. Понимаемые как глубинные субъективные переживания, как свойства чувственного опыта, квалиа имеют невыразимый характер, но очень важны для понимания психологических состояний, которыми так богаты религиозная коммуникация и опыт религиозной веры.

В качестве эмпирического материала были использованы результаты масштабного исследования религиозных представлений российской молодежи. Данное исследование проводилось в Нижегородском государственном лингвистическом университете с 2006 года по настоящее время. Всего в исследовании приняли участие более 11 000 человек. Результаты исследования периодически уточнялись с помощью методов фокусированного интервьюирования (опрошено 690 человек в период с 2014 по 2022 год). Длительный период исследования, широкий охват позволяют отследить динамику религиозности молодых людей. Нижегородская область является модельным регионом по всем социальным показателям, поэтому данные, полученные в ходе исследования, могут быть транслированы более масштабно: на всю Российскую Федерацию.

Результаты исследования

Можно выделить ряд черт, присущих религиозной коммуникации. Структура религиозной коммуникации реализуется в векторах вертикальной и горизонтальной направленности. Вертикальная направленность религиозной коммуникации обнаруживает двустороннюю связь между человеком и Богом (между профанным и сакральным), то есть, в сущности, мы имеем дело с моделью коммуникации, подразумевающей некую обратную связь, но поскольку явных свидетельств того, что Бог слышит обращение людей, нет, то религиозная коммуникация – это в некотором смысле «автокоммуникация». В нисходящей модели данная вертикаль проявляется в виде получения Откровения, а в восходящей – в ритуальной практике.

Именно таким образом реализуется процесс «передачи и обмена информацией». Однако необходимо понимать, что главным смыслом выстроенной коммуникативной вертикали будет то, что она носит трансцендентный характер, а само коммуникативное пространство сакрализуется. В горизонтальной плоскости реализуется социальный аспект религиозной коммуникации. Здесь коммуникация представлена взаимодействием внутри религиозной организации («внутрицерковное» общение) и внешними коммуникациями (межконфессиональные отношения, отношения с органами власти и различные виды информационно-коммуникативной деятельности: связи с общественностью, реклама и т. д.).

Собственно, эта разнонаправленность личного и социального религиозного опыта определяет ряд других особенностей религиозной коммуникации.

Например, Н. Б. Мечковская к таким особенностям относит: сакрализацию произведения, в котором содержатся главные религиозные идеи (Священное Писание), опору на авторитеты, иерархизацию религиозных текстов, догматизацию вероучения, примат веры над рациональным осмыслением религиозных идей, эстетизацию религиозных произведений, попытку сохранения текста максимально близко к первоисточнику, ограничение допуска к тексту различных социальных групп, разработку форм передачи учения и создание механизмов контроля за религиозной коммуникацией [22, с. 286–292]. Как представляется, выделяемые Мечковской черты религиозной коммуникации характерны в основном только для авраамических религий, склонных к жесткому формализму в вероучении. В восточных религиях с их тенденцией к синкретизму обнаруживается своя специфика религиозной коммуникации.

Уникальность религиозной коммуникации, на наш взгляд, заключается в том, что она носит преимущественно символический характер. Надо отметить, что именно в религиозной коммуникации (и здесь мы соглашаемся с Мечковской) представлена вся «полнота использования сенсорных модальностей»: тактильные: прикосновения к святыням; обоняния: запах ладана; вкусовые: причастие, пост, разговение [21, с. 330]. Но при всем разнообразии семиотических средств именно символы становятся доминирующими средствами религиозной коммуникации. Даже простое общение внутри религиозной организации оказывается символически насыщенным, что находит свое отражение, например, в обращениях «отец», «братья / сестры». Вместо обычного «здравствуйте» и рукопожатия «внутрицерковная коммуникация» предполагает просьбу: «благословите, батюшка» – и сложение рук крестообразно. Наивысшее свое раскрытие религиозные символы получают в ритуальной практике. В. Тэрнер писал, что ритуал предстает как собрание символов, а символ – как «мельчайшая единица ритуала, сохраняющая специфические особенности ритуального поведения» [34, с. 8].

Таким образом, можно сказать, что религиозная коммуникация представляет символически выраженные коммуникативные акты, актуализируемые в ритуальной практике.

Религиозные символы, безусловно, обладают своей спецификой. Стоит отметить, что предпринятое некоторыми авторами [33, с. 18–23] разделение на собственно религиозные, мифические, магические, мистериальные и мистические символы имеет довольно условный характер. Вопросы о соотношении религии и мифа, религии и магии, религии и мистики являются дискуссионными. Однако наиболее острый характер эта дискуссия приобретает только в контексте анализа авраамических религий, что и продемонстрировали сторонники прамоотеистической концепции. При рассмотрении специфики религиозной коммуникации в других условиях (восточные религии, «ранние формы религий», в условиях современного информационного массового общества) вообще не представляется возможным разделять религию, миф, магию, мистику.

Специфика религиозного символа заключается в обеспечении тесной связи между мифом (вероучением) и ритуалом (культовой деятельностью) за счет интеграции воедино нескольких реальностей (сакральной – профанной, трансцендентной – социальной). В символе, как показал Э. Кассирер, реализуется связь духовного и чувственного. В религиозном символе она предстает еще более выпукло. Кассирер подходит к проблеме трактовки символа с неокантианской / феноменологической позиции, в сущности, его не интересует метафизическое основание символики мифа / религии. «Ни одно из свойств, обычно рассматриваемых метафизикой как аналитические признаки понятия “душа”, – ни ее единство или неделимость, ни ее имматериальность или бессмертие – не оказывается в этом случае связанным с ней с самого начала и необходимым образом – все они означают лишь определенные моменты, постепенно обретаемые в ходе мифологического представления и мышления, и это обретение проходит чрезвычайно различные фазы» [14, с. 167]. Однако в контексте понимания смысла религиозной коммуникации нужно знать, что религиозные символы претендуют именно на онтологическую укоренность, на признание абсолютного характера своего существования. Религиозные символы позволяют обнаружить сакральное в профанном. Или, как отмечал М. Элиаде, символы подобно иерофании, «несут священное» в разные сферы и структуры человеческой жизни. Рассуждая об универсальности символов, Элиаде писал: «Для апологетов христианства символы всегда несут в себе некие послания: они открывают нам священное толкование космических ритмов. Откровения, привнесенные христианством, не разрушали дохристианского значения символов: они лишь добавляли им новые смыслы... для религиозного человека Мир всегда обладает сверхъестественной значимостью; в нем всегда обнаруживается какой-либо аспект священного» [39, с. 87–88].

Таким образом, религиозные символы не связаны с явлениями и предметами реального мира, они не соотносимы не со знаком, не с аллегорией, не с другими семантическими категориями. Религиозные символы

являют истинную ценность сами по себе, поэтому основной их смысл – аксиологический.

Постижение символа (открытие его смысла) – это приобщение к ценностям религии (Бог, вера, Откровение и пр.), предполагающее выход за пределы наличного бытия, трансценденцию. То есть гносеологический аспект религиозной коммуникации всегда сопряжен с онтологическим и аксиологическим.

Говоря о специфике религиозной коммуникации, необходимо подчеркнуть особую роль вербальных средств. Основная функция языка в религии не просто коммуникативная, а «сакрально-коммуникативная», заключающаяся в сакрализации коммуникативного пространства. Однако в последнее время снижается ценность религиозного (сакрального) языка, который в массовом сознании зачастую воспринимается как анахронизм. Это приводит к многочисленным дискуссиям о возможностях и границах его использования. Так, Римско-католическая церковь допустила вероятность использования национальных языков в процессе богослужения, «поскольку и на Мессе, и при преподании Таинств, и в иных частях Литургии использование современного местного языка нередко может оказаться весьма полезным для народа» [10]. Для православной церкви этот вопрос также встал довольно остро, так как использование «религиолектов» [5] в социальном горизонте религиозной коммуникации (особенно в процессе межконфессионального взаимодействия или общения со светскими учреждениями) часто приводит к коммуникативным неудачам. Однако Русская православная церковь более консервативно отнеслась к решению этой проблемы, допустив только чтение проповеди на национальном языке [26].

Дискуссии вокруг религиозного языка отражают изменения религиозной коммуникации в процессе становления глобального информационно-коммуникативного пространства, в котором доминирует массовая культура.

Здесь становится интересно отследить динамику развития религиозной коммуникации. Социальный аспект религиозной коммуникации может быть реализован в форме межличностной, групповой и массовой коммуникации.

Психологическая близость, эмпатия, характерная для межличностной коммуникации, присутствует преимущественно в ранних формах религий, существовавших в дописьменных, слабо стратифицированных обществах. При этом сопереживанием, близостью оказываются пронизаны не только отношения в социальном горизонте, но и в трансцендентальной вертикали. Это объясняется особым отношением человека первобытной культуры к сакральному. «На самых архаических уровнях культуры жить, как подобает человеку, – само по себе суть религиозное действие, потому что принятие пищи, половые отношения и труд имеют сакраментальную ценность» [38, с. 6].

Священное в интерпретации Р. Отто и М. Элиаде выступает «Другим» в отношении человеческого мира, мира профанного (у Р. Отто это противопоставление сакрального – профанного усиливается за счет характеристик *mysterium fascinans* и *mysterium tremendum*) [24].

Однако это «Другое», по мнению ряда авторов [37, с. 26–28], может восприниматься не как противостоящее человеческому «Я» «Оно», а как почти равное «Ты», то есть отличаться некоторой прозрачностью в восприятии. «Ты» не только понимаемо, но и эмоционально переживаемо в динамическом двустороннем взаимоотношении. Е. С. Новик, например, (в отличие от Р. Отто) подчеркивает диалогическую, обменную природу шаманских сеансов, а также промысловых и других обрядов [23].

В структурируемых религиозных объединениях социальный аспект религиозной коммуникации приобретает ярко выраженный характер групповой коммуникации. В групповой коммуникации присутствуют особенности и закономерности межличностной коммуникации, но добавляются такие факторы, как руководство, постановка единой цели, процесс принятия группового решения, формирование определённой структуры коммуникации в группе. Здесь, на наш взгляд, уже отчетливо сформированы горизонтальное и вертикальное направления религиозной коммуникации: сакральное и профанное определено в своих границах.

В условиях распространения технических средств передачи информации на численно большие и рассредоточенные аудитории религия становится формой массовой коммуникации.

Перед религиозными организациями встает необходимость воздействия на эти разобщенные аудитории, что становится причиной активного обращения ко всем средствам массовой коммуникации. Среди этих средств выделяются два типа информационных каналов – традиционные СМИ (телевидение, радио, печатные издания) и интернет. Специфика религиозной коммуникации в традиционных СМИ такова, что религиозное обращение, адаптированное под запросы массовой аудитории, часто характеризуется селективностью и теряет значимое ценностное содержание и сакральный смысл. В среде интернет формируется своя специфика религиозной коммуникации. С одной стороны, эта информационная площадка предоставляет религиозным организациям возможность обращаться к темам, которые остаются на периферии интересов традиционных развлекательных СМИ. С другой стороны, перенос процессов религиозной коммуникации в виртуальное социальное пространство (киберпространство) приводит к тому, что возникают новые коммуникативные площадки, например, форумы, социальные сети.

Наибольшую активность в виртуальном пространстве демонстрируют мусульмане, католики, протестантские деноминации и новые религиозные движения. Русская православная церковь с настороженностью относится к цифровому пространству [36, с. 69; 3, с. 38], хотя в период пандемии COVID-19 произошла известная активизация религиозного поведения именно в цифровой среде. Это нашло свое выражение в появлении большого количества каналов, блогов, которые стали вести священнослужители, также наблюдается активное обсуждение религиозных тем, рост апокалиптических настроений [20, с. 228].

Оформление новых религиозных сообществ в виртуальном социальном пространстве, возможность человека с легкостью участвовать в виртуальной религиозной жизни ведут к разрушению традиционной идентичности. Религиозная идентичность современного человека отличается эклектичностью, свободой конструирования, плюрализмом религиозных ценностей.

Религиозная индивидуализация, по мнению А. Н. Крылова, становится одним из основных факторов, определяющих религиозную субъективность [15, с. 135–136]. М. Н. Эпштейн данное состояние характеризует как «бедную веру», не имеющую «ни храма, ни обряда, ни установленных правил», а «одну только обращенность Богу» [41, с. 28]. В сущности, все эти идеи апеллируют к теории Т. Лукмана о «невидимой религии». Индивидуализация религиозной жизни формирует новый тип религиозности (внецерковная религиозность по Т. Лукману) [19, с. 138–143]. Она проявляется в довольно значимом проценте внеконфессиональных верующих среди молодёжи (14,4 %). В ходе интервьюирования положение о внецерковной религиозности получило своё подтверждение. 90,2 % опрошенных сказали, что собственный духовный опыт и переживания для них более значимы, чем социально одобренная религиозная позиция.

Таким образом, индивидуализация религиозных процессов носит объективный характер, но, с другой стороны, эти процессы наиболее ярко проявляются именно в молодёжной среде. Это отмечала и Ю. Ю. Синелина в своих рассуждениях о религиозной активности и воцерковленности населения [31, с. 52; 30, с. 92]. В более взрослом возрасте наблюдается отход от признания значимости и непогрешимости собственного религиозного опыта и присутствует попытка разделить свои воззрения с единоверцами. Еще одной чертой религиозных представлений молодёжи, зафиксированной в нашем исследовании, становится эклектическое сочетание разнородных религиозных и псевдоэзотерических идей, формирующих «мировоззренческую расщепленность». Это нашло свое отражение в массовом увлечении суевериями, искажении базовых религиозных понятий и учений (о смерти, грехе, воздаянии и т. д.). Эклектика, синкретизм, преобладание суеверий являются одними из часто выделяемых характеристик современной религиозности [1; 2; 7; 22; 27].

В контексте массовой цифровой культуры активно протекают процессы неомифологизации. Мифотворчество современной эпохи характеризуется свободным оперированием существующими религиозными символами, вырванными из контекста собственно религиозного обращения и лишенными их сакрального значения. Сложность взаимодействия секулярных и постсекулярных тенденций в современном обществе привели к тому, что миры сакрального и профанного начинают смещаться, а их горизонты пересекаться. В итоге – происходит «обожествление мирского» и «обмирщение церковного». Это деформирует семиотическую систему религии и её ценностное содержание: религиозные ценности теряют свою значимость (это проявляется также и в утрате ценности сакрального языка). При этом многие утилитарные явления и идеи сакрализируются. Также

в массовой культуре современности происходит продуцирование новой символики (например, брендов, символов компьютерных игр и т. д.) и наделение их некими квазирелигиозными свойствами.

Деформация семиотической системы религиозной коммуникации, наблюдаемая сегодня, приводит к тому, что современный человек оказывается в буквальном смысле «погруженным» в религиозную (и псевдорелигиозную) символику. Узнаваемые религиозные символы начинают использоваться, например, в рекламе и других информационных обращениях. Псевдорелигиозная символика в изобилии продуцируется благодаря деятельности новых религиозных движений, а также тех направлений, «которые не являются религиозными в узком смысле»: например, таких «религиоподобных» явлений, как «гражданская религия», некоторые неомифологии и идеологии, феномены паранауки (экстрасенсорика, уфология), явлений современной массовой культуры и искусства («культы» супергероев) и экономики (приемы сетевого маркетинга иногда скрывают сектантскую подоплеку). Собственно, понятие «символика» (пусть даже и псевдорелигиозная) здесь вряд ли уместно, так как никаких особенностей символов в этих семиотических конструктах не обнаруживается. В сущности, мы имеем дело с симулякрами, которые маскируют кризисное состояние традиционной религиозной коммуникации. Хотя необходимо оговориться, что существует некая неопределенность использования понятия «симулякр». Это привело к тому, что часто сама религия воспринимается как симуляционная модель. Мысль о том, что религия есть симулякр, восходит к Ж. Бодрийяру, писавшему: «что, если самого Бога можно симулировать, то есть свести к знакам, которые свидетельствуют о его существовании? Тогда вся система теряет вес, она сама становится не более чем гигантским симулякром – не ирреальностью, а симулякром, то есть тем, что уже никогда не обменивается на реальное, а обменивается на самое себя, в непрерывном круговороте без референции и предела» [4].

Трансформация семиотической системы религии, описанная выше, является свидетельством кризиса традиционных форм религиозной коммуникации и формирования нового типа религиозности, для которого характерны и ориентация на рациональность, и всплеск интереса к мистицизму. В рамках этой новой религиозности, как отмечает Ю. Рыжов, «отбрасывается трансцендентная вертикаль», а «горизонтальные структуры становятся более сложными, и формируется сеть событий, ризома» [28, с. 158].

Религиозная коммуникация в цифровом пространстве деформируется: во-первых, невыразимые субъективные впечатления (квалиа) становятся сильно обедненными. И хотя современные технологии (например, VR-шлемы) пытаются перенести в интернет-среду сенсорные впечатления (запахи, тактильные чувства), удаётся это пока плохо. Во-вторых, в цифровом мире нет понятия времени и места, которые присутствуют в реальной жизни, поэтому религиозные обряды невозможно полностью сделать цифровыми. Хотя количество социальных контактов в современном мире

возрастает, диджитал-коммуникация максимально упрощена, носит безличный характер, что приводит к потере сакральности религиозного общения.

Обсуждение и заключения

М. Эпштейн, который вводит понятие «постатеистическая религиозность», видит её отличительные черты во «внехрамовом служении», «укоренности в миру», в «каждодневной потребности соотносить жизнь с абсолютным смыслом» [41, с. 29]. По замыслу автора, это становится «опытом переживания священного в чистом виде, вне тех рационализаций и дифференциаций, которые привносятся богословскими догмами и обрядовыми традициями» [41, с. 34]. Таким образом, для Эпштейна новая (постатеистическая) религиозность есть открытие человеком сакрального заново, «новое переживание чувств трепета, страха, тайны, любви, изумления и благоговения, обращенное к неведомому источнику и тем более сильное, что оно не вмещается ни в какую богословскую интерпретацию» [41, с. 34].

Положение Эпштейна можно считать оправданным, если, соглашаясь с концепцией М. Элиаде, предполагать, что каждый человек, в сущности, есть *homo religiosus* и его жизнь наполняется смыслом только тогда, когда она определена связью с сакральным. Или, как это переформулировал А. Кырлежев, что каждый человек имеет некий «метафизический дефект», определяющий его тягу к чему-то «потустороннему человеческому миру» [16]. Тезис об изначальной склонности человека к религиозности достаточно трудно опровергнуть, так как даже атеисты (Р. Доккинз, например, [9, с. 231–245]) вынуждены признавать «общечеловеческий характер» религиозного чувства.

Как мы уже отмечали выше, миры сакрального и профанного в настоящих условиях смещаются. Отсюда возникает закономерный вопрос: что может выступать сакральным для современного человека? Что из обилия квазирелигиозных (религиоподобных) явлений может вызывать сложную гамму чувств, означающих переживание священного? Как будет выстраиваться религиозная коммуникация в современном обществе?

Элиаде видел выход из создавшего мировоззренческого тупика в концепции Нового гуманизма [8, с. 84], предполагавшей обращение к исследованию архаичных и восточных культур. Именно глубинное постижение религиозно-культурных традиций древности и Востока поможет обогатить, обновить западную религиозную традицию, избавить её от деградации. На наш взгляд, эта идея несколько утопична, так как знакомство с архаичными и восточными религиозными традициями осуществляется на поверхностном уровне и приводит к образованию очередных религиоподобных течений, эксплуатирующих эзотерическую тематику.

Все чаще озвучивается концепция, в которой на роль «Другого», потустороннего человеческому бытию, претендует техносфера. Био-, нано-, инфо- и другие технологии в своей совокупности будут конституировать новое пространство, противоположное природе и человеку. Это пространство

уже определяется как «мета-техника» (Т. Имамичи (T. Imamichi) [13]) или «онтотехника» (М. Н. Эпштейн [40, с. 61]).

В настоящий момент в научных кругах активно обсуждается феномен киберрелигии, но однозначного подхода к определению его сущности еще не выработано. С одной стороны, данное понятие используется для описания коммуникативной стратегии религиозных организаций в цифровом пространстве. Но в основном под киберрелигией понимается религиозная формация, в которой «компьютерные технологии наделяются статусом сверхценности, качествами священных объектов и атрибутами божественных сущностей; виртуальная реальность объявляется высшей реальностью, сверхценным инобытием, доминирующим над миром человеческих возможностей» [11, с. 68].

Не ставя в данной статье проблему футурологических прогнозов, стоит только в заключение отметить, что происходящие изменения носят глубинный и необратимый характер. На наш взгляд, мы находимся на пороге оформления новой религиозной картины мира и иного типа религиозной коммуникации.

Библиография

1. Алексеева М. С. Воцерковленность как показатель религиозности // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 97–102. [Alekseeva M. S. Votserkovlennost' kak pokazatel' religioznosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. № 9. S. 97–102.]
2. Аникина А. В. Религиозность современной студенческой молодежи: на примере Нижегородской области: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. 22.00.06. Нижний Новгород, 2008. 25 с. [Anikina A. V. Religioznost' sovremennoi studencheskoi molodezhi: na primere Nizhegorodskoi oblasti: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk. 22.00.06. Nizhnii Novgorod, 2008. 25 s.]
3. Багаева К. А. Социокультурные аспекты интеграции православия в цифровое пространство // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Махачкала: АЛЕФ, 2022. С. 37–41. [Bagaeva K. A. Sotsiokul'turnye aspekty integratsii pravoslaviya v tsifrovoe prostranstvo // Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost': sbornik materialov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Makhachkala: ALEF, 2022. S. 37–41.]
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с. [Bodriiyar ZH. Simulyakry i simulyatsii. M.: Izdatel'skii dom «POSTUM», 2015. 240 s.]
5. Бугаева И. В. Особенности конфессиональной дифференциации речи // Социальные варианты языка: сборник материалов III Международной научной конференции. Н. Новгород: НГЛУ, 2004. С. 292–293. [Bugaeva I. V. Osobennosti konfessional'noi differentsiatsii rechi // Sotsial'nye varianty yazyka: sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. N. Novgorod: NGLU, 2004. S. 292–293.]
6. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.10.02.01. М., 2010. 48 с. [Bugaeva I. V. Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.10.02.01. M., 2010. 48 s.]
7. Варзанова Т. И. Религиозные ориентации молодых россиян (Возрастной и гендерный аспект проблемы). URL: <http://www.scorcher.ru/art/mist/blesseds/blesseds2.php?printing=1> (дата обращения: 20.03.2023). [Varzanova T. I. Religioznye orientatsii molodykh rossiyan (Vozrastnoi i gen-dernyi aspekt problemy). URL:

- <http://www.scorcher.ru/art/mist/blesseds/blesseds2.php?printing=1> (дата обращения: 20.03.2023)].
8. Горохов А. А. Феноменология религии М. Элиаде. СПб.: Алетейя, 2011. 160 с. [Gorokhov A. A. Fenomenologiya religii M. Ehliade. SPb.: Aleteiya, 2011. 160 s.].
  9. Докинз Р. Бог как иллюзия. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. 560 с. [Dokinz R. Bog kak illyuziya. M.: KOLibri, Azbuka-Attikus, 2012. 560 s.].
  10. Документы II Ватиканского собора. URL: <http://www.krotov.info/acts/20/2vatican/dcmnt01.html> (дата обращения: 20.03.2023). [Dokumenty II Vatikanskogo sobora. URL: <http://www.krotov.info/acts/20/2vatican/dcmnt01.html> (дата обращения: 20.03.2023)].
  11. Забияко А. П., Воронкова Е. А., Лапин А. В., Пратына Д. А. и др. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, библиотека журнала «Религиоведение», 2012. 208 с. [Zabiyako A. P., Voronkova E. A., Lapin A. V., Pratyina D. A. i dr. Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsii. Blagoveshchensk: Amurskii gos. un-t, biblioteka zhurnala «Religiovedenie», 2012. 208 s.].
  12. Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. 338 с. [Zamaleev A. F. Lektsii po istorii russkoi filosofii. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1995. 338 s.].
  13. Имамичи Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 74–82. [Imamichi T. Moral'nyi krizis i metatekhnicheskie problemy // Voprosy filosofii. 1995. № 8. S. 74–82.].
  14. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с. [Kassirer Eh. Filosofiya simbolicheskikh form. T. 2. Mifologicheskoe myshlenie. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002. 280 s.].
  15. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Издательство Икар, 2012. 306 с. [Krylov A. N. Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve. M.: Izdatel'stvo Ikar, 2012. 306 s.].
  16. Кырлежев А. Homo religiosus. URL: <https://leveryi.livejournal.com/278687.html> (дата обращения: 20.03.2023). [Kyrlezhev A. Homo religiosus. URL: <https://leveryi.livejournal.com/278687.html> (дата обращения: 20.03.2023)].
  17. Леонтьева И. П. Феномен символа: опыт осмысления и исследования в Европейской культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 24.00.01. М., 2003. 21 с. [Leont'eva I. P. Fenomen simvola: opyt osmysleniya i issledovaniya v Evropeiskoi kul'ture: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 24.00.01. M., 2003. 21 s.].
  18. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 366 с. [Losev A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M.: Iskusstvo, 1976. 366 s.].
  19. Лукман Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» / Пер. с нем. Е. Кострова, И. Забаев // Социологическое обозрение. 2014. № 1. С. 139–154. [Lukman T. Dopolnenie k tret'emu nemetskomu izdaniyu «Nevidimoi religii» / per. s nem. E. Kostrova, I. Zabaev // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2014. № 1. S. 139–154.].
  20. Мартьянова Е. Г., Слобожанин А. В. Трансформация эсхатологических представлений в цифровую эпоху // Университет XXI века: научное измерение: сборник материалов научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2022. С. 227–229. [Mart'yanova E. G., Slobozhanin A. V. Transformatsiya eskhatalogicheskikh predstavlenii v tsifrovuyu epokhu // Universitet XXI veka: nauchnoe izmerenie: sbornik materialov nauchnoi konferentsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov, aspirantov, magistrantov. Tula: TGPU im. L. N. Tolstogo, 2022. S. 227–229.].

21. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Флинта: Наука, 2009. 594 с. [Mechkovskaya N. B. Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii: ot klinopisi do Interneta. M.: Flinta: Nauka, 2009. 594 s.].

22. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 432 с. [Mechkovskaya N. B. Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura: kurs lektzii. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2007. 432 s.].

23. Новик Е. С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору: сборник статей памяти С. А. Токарева. М.: Восточная литература, 1994. С. 110–163. [Novik E. S. Arkhaicheskie verovaniya v svete mezhlichnostnoi kommunikatsii // Istoriko-ethnograficheskie issledovaniya po fol'kloru: sbornik statei pamyati S. A. Tokareva. M.: Vostochnaya literatura, 1994. S. 110–163.].

24. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. 274 с. [Otto R. Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 274 s.].

25. Панкратова Е. В. Религиозная самоидентификация населения России в начале XXI века (в рамках презентации курса «Трансформация традиционной религиозной самоидентификации населения России в XX–XXI вв.»). URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/pankrat.htm> (дата обращения: 20.03.2023). [Pankratova E. V. Religioznaya samoidentifikatsiya naseleniya Rossii v nachale XXI veka (v ramkakh prezentatsii kursa «Transformatsiya traditsionnoi religi-oznoi samoidentifikatsii naseleniya Rossii v XX–XXI vv.»). URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/pankrat.htm> (data obrashcheniya: 20.03.2023)].

26. Проект документа «Церковно-славянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1542499.html> (дата обращения: 20.03.2023). [Proekt dokumenta «Tserkovno-slavyanskii yazyk v zhizni Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XXI veka». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1542499.html> (data obrashcheniya: 20.03.2023)].

27. Пунченко В. Н. Трансформация ценностных ориентиров молодежи под влиянием информационных технологий // Социология религии в обществе позднего модерна: сборник материалов X Международной научной конференции. Белгород: Белгородский гос. науч. исслед. университет, 2021. Т. 10. С. 252–258. [Punchenko V. N. Transformatsiya tsennostnykh orientirov molodezhi pod vliyani-em informatsionnykh tekhnologii // Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna: sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Belgorod: Belgorodskii gos. nauch. issled. universitet, 2021. T. 10. S. 252–258.].

28. Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М.: Смысл, 2006. 328 с. [Ryzhov YU. V. Ignoto Deo: Novaya religioznost' v kul'ture i iskusstve. M.: Smysl, 2006. 328 s.].

29. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии: критика и анализ. М.: Альма Матер, Академический проект, 2010. 206 с. [Svas'yan K. A. Problema simvola v sovremennoi filosofii: kritika i analiz. M.: Al'ma Mater, Akademicheskii proekt, 2010. 206 s.].

30. Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89–96. [Sinolina YU. YU. O kriteriyakh opredeleniya religioznosti naseleniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 7. S. 89–96.].

31. Синелина Ю. Ю. Циклический характер процесса секуляризации в России (Социологический анализ: конец XVII – начало XXI века): Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. 22.00.01. М., 2009. 54 с. [Sinolina YU. YU. Tsiklicheskiy kharakter protsessa sekulyarizatsii v Rossii (Sotsiologicheskii analiz: konets XVII – nachalo XXI veka): Avtoref. dis. ... d-ra sots. nauk. 22.00.01. M., 2009. 54 s.].

32. Синицына О. Э. Участие молодежи в онлайн-богослужениях: некоторые проблемы и поиск их решения (на примере общины АСД города Тулы) // Человек и общество в системе религиозного и социально-гуманитарного знания. 2022. № 8. С. 128–138. [Sinitsyna O. E. Uchastie molodezhi v onlain-bogosluzheniyakh: nekotorye problemy i poisk ikh resheniya (na primere obshchiny ASD goroda Tuly) // Chelovek i obshchestvo v sisteme religioznogo i sotsial'no-gumanitarnogo znaniya. 2022. № 8. S. 128–138.]
33. Сычева С. Г. Проблема символа в философии. Томск: Издательство Томского университета, 2000. 197 с. [Sycheva S. G. Problema simvola v filosofii. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2000. 197 s.]
34. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Издательство «Наука», 1983. 277 с. [Tehrner V. Simvol i ritual. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1983. 277 s.]
35. Федорова М. В., Ротанова М. Б. Коммуникативные особенности религиозного дискурса в современном цифровом обществе // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2019. № 1. С. 254–259. [Fedorova M. V., Rotanova M. B. Kommunikativnye osobennosti religioznogo diskursa v sovremennom tsifrovom obshchestve // Sotsial'nye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiya. 2019. № 1. S. 254–259.]
36. Федорова М. В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. № 6. С. 66–79. [Fedorova M. V. Religioznaya identichnost' v sovremennom tsifrovom mire // Sotsiodinamika. 2020. № 6. S. 66–79.]
37. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А. Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб.: Амфора, 2001. 314 с. [Frankfort G., Frankfort G. A. Uilson Dzh., Yakobsen T. V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka. SPb.: Amfora, 2001. 314 s.]
38. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический проект, 2012. 622 с. [Ehliade M. Istoriya very i religioznykh idei: Ot kamennogo veka do ehlevsinskikh misterii. M.: Akademicheskii proekt, 2012. 622 s.]
39. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. 144 с. [Ehliade M. Svyashchennoe i mirskoe. M.: MGU, 1994. 144 s.]
40. Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с. [Ehpshtein M. N. Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 864 s.]
41. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. 416 с. [Ehpshtein M. N. Religiya posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii. M.: AST-Press Kniga, 2013. 416 s.]

УДК 006.015.8

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. В. Устинкин¹, А. В. Никитин², А. И. Самсонов³

*¹⁻²Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

*³Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН),
Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты социологического исследования среди учащейся молодежи высших учебных заведений города Нижнего Новгорода, в рамках которого была предпринята попытка выяснить их отношение к проявлениям экстремизма и терроризма на территории Нижегородской области и России в целом. Анализ полученных результатов позволил прийти к выводу, что больше половины респондентов понимают социально-политическую опасность экстремизма и терроризма, осуждают их и готовы оказывать содействие институтам государства и гражданского общества в деятельности по противодействию проявлениям экстремизма и терроризма в России.

Вместе с тем выявлено, что определенная часть студенческой молодежи склонна поддерживать молодежные организации экстремистского толка, действующие на территории России, или прямо не осуждает деятельность такого рода.

По итогам исследования делается вывод о необходимости проведения системной просветительской и воспитательной работы среди учащихся школ, средних специальных и высших учебных заведений, направленной на профилактику проявлений экстремизма в молодежной среде. Также было установлено, что в рамках аналогичных социологических исследований студенческая молодежь регулярно ставит вопрос об усилении юридической ответственности за совершение преступлений экстремистского характера и террористической направленности.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, терроризм, дискриминация, просвещение.

Благодарности: Авторы статьи выражают благодарность сотрудникам Приволжского филиала ФНИСЦ РАН, которые любезно согласились оказать содействие в проведении опроса среди студентов 2-го и 3-го курсов очной формы обучения Нижегородского государственного лингвистического университета и Нижегородского государственного педагогического университета с 10 ноября по 20 декабря 2022 года и обработке полученных статистических данных.

THE ATTITUDE OF YOUNG PEOPLE TO THE MANIFESTATIONS OF EXTREMISM AND TERRORISM IN MODERN SOCIETY

*Sergey V. Ustinkin*¹, *Alexander V. Nikitin*², *Andrey I. Samsonov*³

¹⁻²*N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

³*Volga Branch of the FNIS Center of the Russian Academy of Sciences,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. The article presents the results of a sociological study among students of higher educational institutions of Nizhny Novgorod, in which an attempt was made to find out their attitude to manifestations of extremism and terrorism in the Nizhny Novgorod region and Russia as a whole.

The analysis of the obtained results led to the conclusion that more than half of the respondents understand the socio-political danger of extremism and terrorism, condemn them and are ready to assist the institutions of the state and civil society in countering the manifestations of extremism and terrorism in Russia.

At the same time, it turned out that a certain part of the student youth is inclined to support extremist youth organizations operating on the territory of Russia, or not directly condemning such activities.

Based on the results of the study of the attitude of students to the manifestations of extremism and terrorism, it is concluded that it is necessary to carry out systematic educational and educational work among secondary schools students, secondary specialized and higher educational institutions aimed at preventing manifestations of extremism among young people. It was also found out that within the framework of similar sociological studies, students regularly raise the question of strengthening legal responsibility for crimes of an extremist nature and terrorist orientation.

Keywords: youth, extremism, terrorism, discrimination, education.

Acknowledgements: The authors of the article express their gratitude to the staff of the Volga branch of the FNIS Center of the Russian Academy of Sciences, who kindly agreed to assist in conducting a survey among the 2nd and 3rd year full-time students of N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod and K. Minin Pedagogical University of Nizhny Novgorod from November 10 to December 20, 2022 and processing the received statistical data.

Введение

Проблемы молодежного экстремизма и терроризма стали предметом пристального внимания гуманитарных наук начиная с 70-х годов XX века. Именно в это время произошел переход от исследования отдельных проявлений экстремизма и терроризма к их системному изучению, поскольку масштабы этих социальных явлений стали представлять серьезную угрозу не только для отдельных стран, но и человечества в целом.

В ходе исследований было замечено, что наиболее активными участниками различного рода социальных конфликтов чаще всего выступала молодежь в возрасте от 15 до 29 лет. Причина крылась в том, что, не обладая достаточным жизненным опытом, относительно сильной внушаемостью, излишней эмоциональностью при оценке событий, молодежь является более

уязвимым объектом для манипулирования ее сознанием и склонением ее к совершению противоправных и иных общественно опасных деяний [28, с. 45].

Другая причина выразилась в том, что, начиная со второй четверти XX века, под влиянием глубоких изменений в образовании, науке и социальных институтах стала складываться современная массовая молодежная культура. Стали формироваться своеобразные различия между разными поколениями людей в ценностных ориентациях, способах общения, образе жизни в целом. Результатом этих изменений стало удлинение и усложнение процесса социализации личности, смена критериев социальной зрелости и как следствие разрыв между поколениями [22, с. 77].

Процессы формирования современной молодежной культуры способствовали и изменению форм организации и самоорганизации молодежи. Стали возникать неформальные молодежные объединения, которые стремились удовлетворить свои материальные и духовные потребности, выражать свой протест против социальной несправедливости с использованием экстремистских и террористических методов и средств, представляющих опасность для общества. Часто такого рода молодежные группировки намеренно создавались, финансировались и использовались политическими элитами различных стран для решения своих политических задач.

Как показали исследования, чаще всего молодежный экстремизм и терроризм носит политический характер и представляет угрозу безопасности государства. Его проявления направлены против органов государственной власти и местного самоуправления, преследуют цель насильственного изменения конституционного строя, разжигание расовой, национальной, религиозной и иной социальной розни.

В научной и публицистической литературе последних лет обращается внимание на то, что экстремистские настроения среди молодежи с каждым годом растут. Это связывают с тем, что экстремизм приобретает все новые и новые формы [25, с. 750].

Исследование данной проблемы имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Молодежь является особой социальной демографической группой общества. Она выступает важным ресурсом социально-экономического развития и ключевым фактором общественных трансформаций. В настоящее время в России молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет составляют свыше 21 % от общей численности населения страны [22, с. 77].

Теоретические положения, выводы и рекомендации, разработанные социологией молодежи и другими гуманитарными науками, используются в процессе разработки законодательных актов, государственных программ с целью реализации государственной молодежной политики. Важное место среди них занимают правовые акты, направленные на обеспечение национальной безопасности, в том числе предупреждение проявлений экстремизма и терроризма в молодежной среде. По этой причине научные исследования по выявлению факторов и причин, порождающих экстремизм и терроризм, а также разработка мер по их предотвращению среди молодежи являются крайне необходимыми и актуальными.

Предлагаемое читателю исследование, направлено на выявление того, как молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях города Нижнего Новгорода, относится к проявлениям экстремизма и терроризма, какое представление у студентов об этих антисоциальных явлениях, какие факторы, по их мнению, порождают экстремизм и терроризм среди молодежи, а также какие средства и методы необходимо применять для их предупреждения и пресечения.

Целевая аудитория для исследования выбрана не случайно. В высших образовательных учреждениях обучаются представители различных регионов нашей страны, проживающие как в городе, так и в сельской местности и относящиеся к различным возрастным группам молодежи.

По мнению авторов, такой методологический подход позволил получить средневзвешенные результаты, отражающие отношение молодежи к проявлениям экстремизма и терроризма, характерное для Приволжского федерального округа и других регионов Центральной России.

Обзор литературы

Молодежной проблематикой общественные науки стали активно заниматься в 60–70-е гг. XX века. Именно в годы хрущевской оттепели в нашей стране возродилась одна из отраслей социологического знания – социология молодежи. В этот период стали создаваться научно-исследовательские группы и институты, занимавшиеся изучением становления личности, мировоззренческих и нравственных аспектов ее самосознания, что имело значение в воспитании и становлении личности как гражданина своей страны.

Результаты этой деятельности нашли отражение в научных публикациях. Так, в 1962 году выходит в свет монография В. Т. Лисовского «Эскиз к портрету: жизненные планы молодежи», в которой было дано одно из первых определений понятия «молодежь»: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [17, с. 7].

Большое внимание изучению молодежи как особой социально-демографической группы, наряду с В. Т. Лисовским [18; 19], уделяли С. Н. Иконникова [7; 8], И. С. Кон [14; 15] и другие исследователи. В своих работах они рассматривали проблему становления личности и ее сознания в историко-культурном и психологическом аспектах, при этом особый интерес проявляли к мировоззренческим и нравственным аспектам самосознания подрастающего поколения, социальной работе с молодежью.

Начиная со второй четверти XX века под влиянием научно-технической революции и глубоких изменений в образовании, науке и социальных институтах стала складываться современная массовая молодежная культура. Эти процессы стали предметом пристального изучения представителей социальных наук. Так, С. Е. Метелев в своей монографии

«Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности» отмечает, что формирование современной молодежной культуры способствовало изменению форм организации и самоорганизации молодежи. При этом наиболее серьезную угрозу для общества создают неформальные молодежные объединения, которые стремятся к протесту в социально опасных экстремистских и террористических формах. Им выделяется комплекс причин, провоцирующих возникновение такого рода молодежных объединений: 1) вызов обществу, протест; 2) непонимание в семье; 3) нежелание быть как все; 4) желание утвердиться в новой среде; 5) привлечь к себе внимание; 6) неразвитая сфера организации досуга для молодежи в стране; 7) копирование зарубежных (западных, восточных) структур, течений, культуры; 8) религиозные идейные убеждения; 9) дань моде; 10) отсутствие цели в жизни; 11) влияние криминальных структур, хулиганство; 12) возрастные увлечения [22, с. 99].

Среди факторов, провоцирующих возникновение экстремизма в среде молодежи, эксперты обычно выделяют социальные, духовные и экономические противоречия в обществе, основными из них являются:

- деградация духовной жизни общества, разрушение исторических, культурных, нравственных традиций и гуманистических ценностей, утверждение культа индивидуализма, эгоизма, насилия;
- распространение настроений неудовлетворенности политикой государства в различных сферах жизни страны, разочарование во власти, падение ее авторитета (неудовлетворенность состоянием борьбы с преступностью, коррупцией, обеспечением личной и имущественной безопасности граждан и др.);
- неудовлетворенность молодежи уровнем социальной защищенности, материальным уровнем жизни (рост цен, безработица и другие), состоянием социального обеспечения (системы образования и здравоохранения, их доступность и т. д.);
- широкомасштабное распространение криминогенных процессов;
- распространение антигуманных националистических, религиозно-фанатических взглядов и течений;
- стимулирование в своих интересах и поддержка зарубежными государствами и иностранными негосударственными структурами на территории России и стран ближнего зарубежья социально-политических конфликтов;
- и ряд других [2; 4; 5; 24].

По мнению Н. Д. Литвинова, определенный вклад в распространение и развитие экстремистских идей и настроений вносят средства массовой информации. Он пришел к выводу, что ряд средств массовой информации, функционирующих на территории России, формируют и внедряют в общественное сознание исключительно или преимущественно негативный образ страны, распространяют экстремистские идеи среди широких слоев населения. Наряду с популяризацией экстремистских идей одновременно проводится политика по дискредитации государственно-образующих идей и самого государства. В результате проведенного исследования

Н. Д. Литвинов приходит к заключению, что средства массовой информации моделируют поведение значительных слоев населения, и особенно молодежи, как в позитивном, так и негативном смыслах [20; 21].

В начале XXI века появилось много работ, посвященных исследованию сущности экстремизма и терроризма, а также его генезису. Анализ отечественных и зарубежных источников [1; 3; 6; 23; 29; 30; 31] позволяет сделать вывод, что однозначно ответить на вопрос о природе терроризма нельзя. Существуют сотни определений этого понятия. Однако ни одно из них не является всеохватывающим. Это говорит о многоликости и изменчивости этого явления.

В книге «Новый терроризм: фанатизм и оружие массового разрушения» Уолтер Лакер – эксперт по проблемам терроризма – попытался воссоздать историю терроризма, а также предсказать его будущее. Он обратил внимание на то, что такое явление, как терроризм, преследует человечество всю историю его существования. Так, о терроризме упоминалось еще в Ветхом Завете. Однако систематически это явление стало исследоваться только с 70-х годов XX века. В этот период ошибочно полагали, что терроризм в большей или меньшей степени является монополией экстремистских левацких групп, и делался вывод, что терроризм появляется в период сильнейшей эксплуатации и жесточайшего подавления людей. Поэтому считали, что с терроризмом легко покончить, устранив эксплуатацию и подавление. Сделав экскурс в историю, Уолтер Лакер приходит к выводу, что «в целом терроризм это периодическое явление, которое может время от времени возникать в истории. И даже если он оказывается побежденным, позднее он может появиться вновь. В наши дни нет оснований ожидать, что терроризм исчезнет. В эпоху, когда широкомасштабные войны стали слишком опасными и дорогостоящими, терроризм стал доминирующей формой насильственных акций. Пока в мире будут конфликты, будет и терроризм» [16].

Обзор приведенной литературы приводит к осознанию того, что проблемы экстремизма и терроризма носят комплексный характер и будут постоянно находиться под прицелом ученых, государственных и общественных деятелей.

Материалы и методы

С целью изучения отношения учащейся молодежи к проблемам экстремизма и терроризма нами был проведен социологический опрос в период с 10 ноября по 20 декабря 2022 года. В нем приняли участие 200 студентов. В исследуемую группу вошли студенты Нижегородского государственного лингвистического университета и Нижегородского государственного педагогического университета. Выбор исследуемых групп студентов был произведен случайным методом. Для проведения опроса нами была разработана анкета из 16 вопросов, в большинстве своем закрытого типа. Анкетирование проводилось анонимно. Основной акцент в анкете был сделан на определение уровня осведомленности респондентов об экстремизме и терроризме. Возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 25 лет среди них. Респонденты

в возрасте от 18 до 20 лет составили 88,75 %, от 21 до 25 лет – 11,25 %. Большинство анкетированных – 95 % – проживает в Нижнем Новгороде, 5 % – в сельской местности, 71,40 % нижегородцев родились и постоянно проживают в областном центре. Проживают в нем от 5 до 10 лет 1,30 %, а 21,30 % – менее 5 лет.

Результаты исследования

Анализ результатов социологического исследования показал, что большинство молодых людей в целом имеет представление как об экстремизме (88,75 %), так и о терроризме (100 %). Следует отметить, что термин «экстремизм» вызывает значительно больше вопросов и сомнений: при ответе на вопрос 36,25 % респондентов выбрали формулировку «скорее знаю», указывающую на наличие сомнений в знаниях, а в сумме 11,25 % участников опроса либо «скорее не знают», либо затруднились ответить (см. диаграмму 1).

Понятие терроризма благодаря большей распространенности в медиапространстве и массовой культуре вызвало меньшее число сомнений у респондентов: 85 % участников опроса твердо уверены в своем знании сути термина и только 15 % опрошенных испытывают некоторые сомнения (см. диаграмму 2).

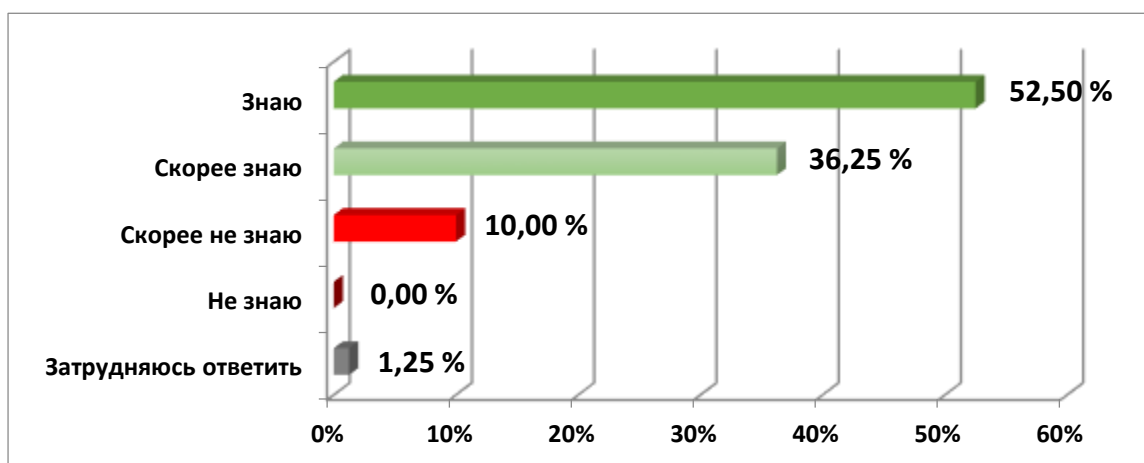

Диаграмма 1. Знаете ли Вы, что такое экстремизм? (% от общего числа респондентов)

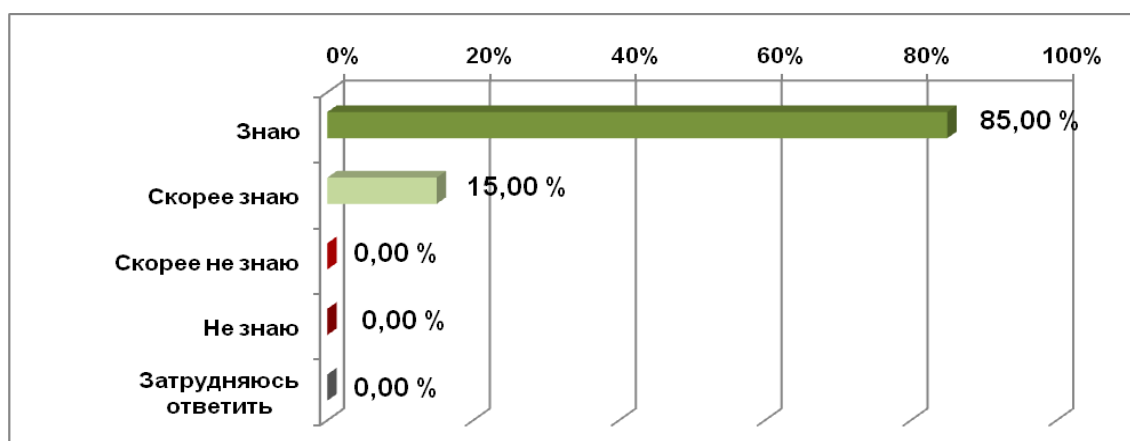

Диаграмма 2. Знаете ли Вы, что такое терроризм? (% от общего числа респондентов)

Вопрос о факторах, способствующих экстремизму и терроризму, допускал несколько вариантов ответа, поэтому их сумма более 100 %. Большинство участников исследования (70 % от числа опрошенных) в качестве основного фактора указали на целенаправленные действия со стороны определенных сил. Важно отметить, что на втором и третьем месте оказались факторы, так или иначе связанные с системой ценностей: «низкий уровень толерантности» (55 %) и «деформация системы ценностей в современном обществе» (53,7 %). Несколько реже участники отмечали в качестве факторов недостатки образования и воспитания: «низкая правовая культура» и «кризис школьного и семейного воспитания» (по 47,5 %). Важно, что многонациональный характер страны отметили лишь 12,5 % (см. диаграмму 3).

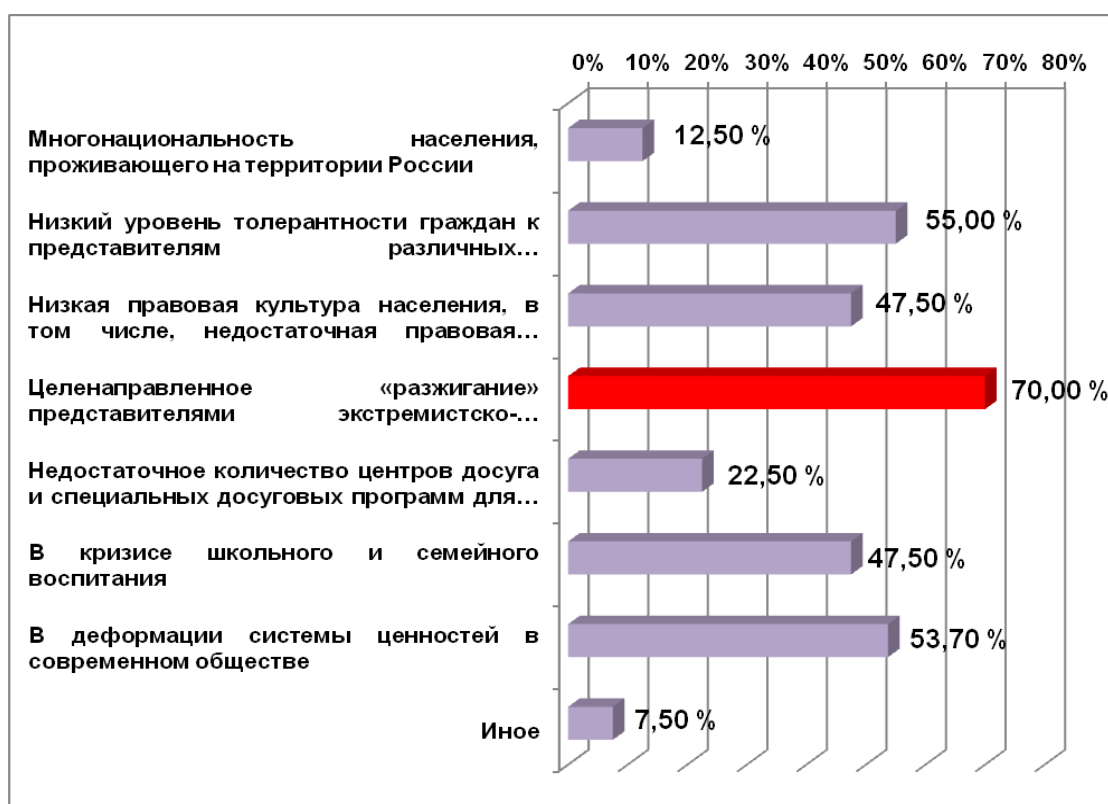

Диаграмма 3. **Какие факторы, по Вашему мнению, способствуют распространению экстремизма / терроризма в России?** (% от общего числа респондентов)

По мнению большинства молодых респондентов, для Нижегородской области проблема экстремизма менее актуальна, чем для страны в целом. Так, если для России этот вопрос в той или иной мере актуальным считает 81,25 % участников опроса, то для Нижегородской области только 52,5 % молодежи. При этом 7,5 % убеждено в безусловной актуальности проблемы для региона (для страны в целом – 43,75 %).

Совокупная доля участников опроса, считающих проблему в целом для страны не актуальной или затруднившихся ответить на вопрос – 18,75 %, в актуальности экстремизма для Нижегородской области сомневаются 47,5 % молодых респондентов (см. диаграмму 4).

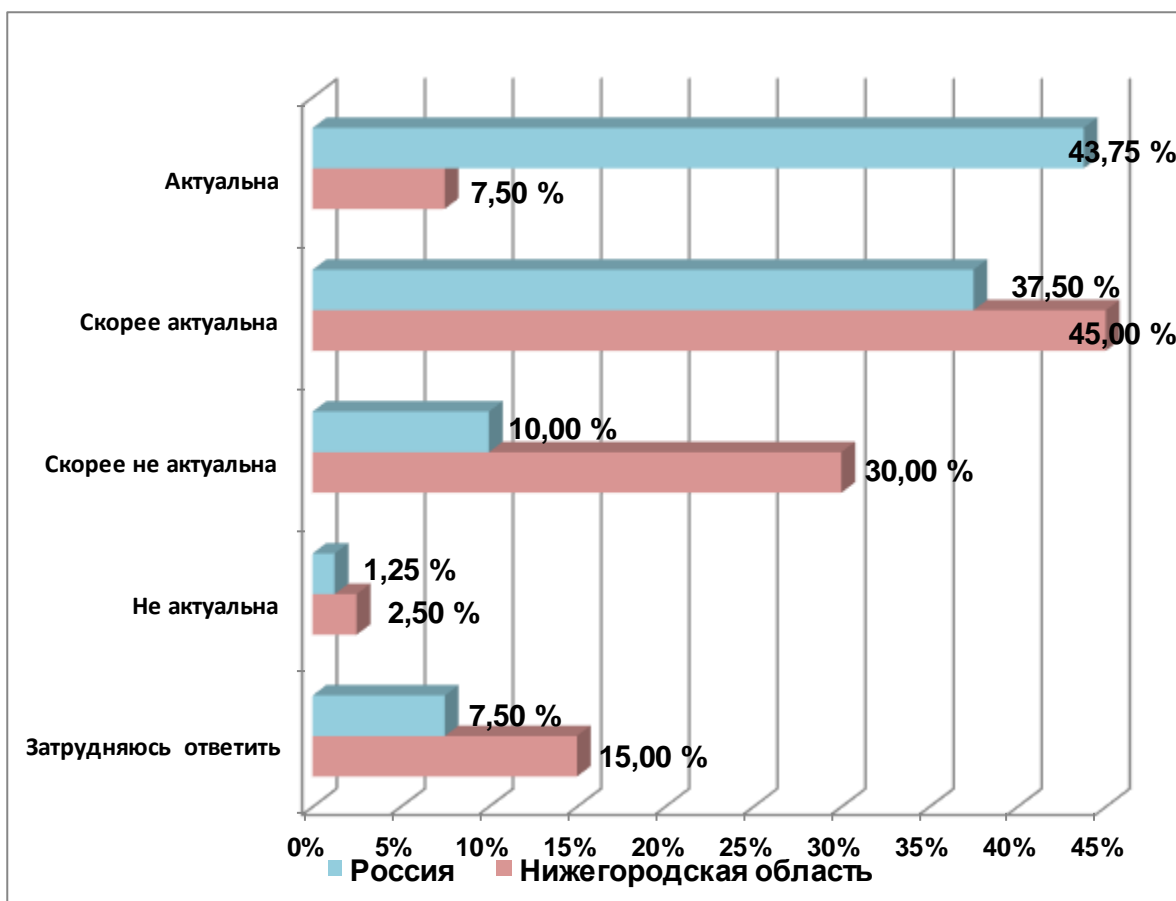

Диаграмма 4. Насколько актуальной, по Вашему мнению, является проблема экстремизма для России в целом, для Нижегородской области в частности? (% от общего числа респондентов)

Ни один из участников опроса не указал на регулярные проявления экстремизма в своем окружении и только 10 % сталкивались с такими проявлениями более одного раза. Большинству (70 %) вообще никогда не приходилось сталкиваться с действиями или иными проявлениями экстремизма (см. диаграмму 5).

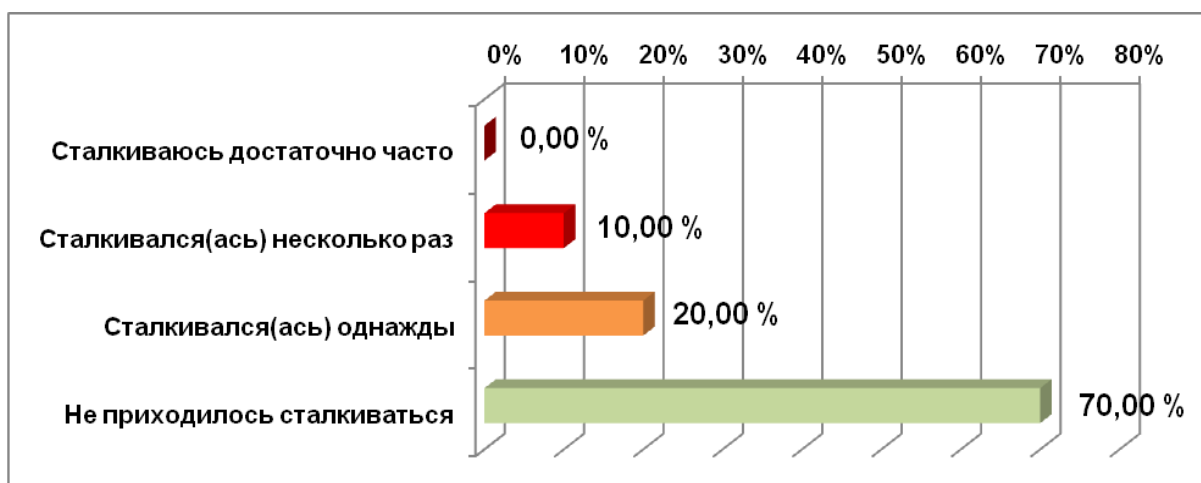

Диаграмма 5. Приходилось ли лично Вам сталкиваться с проявлениями экстремизма в повседневной жизни? (% от общего числа респондентов)

Структура ответов респондентов на вопрос о проявлениях национализма выглядит сходным образом. В совокупности с конфликтами на национальной почве сталкивалось лишь 17,5 % молодых нижегородцев, при этом большинство группы (10 %) – лишь однажды.

Подавляющее большинство (82,5 %) не отмечает такой проблемы в своем окружении или повседневной жизни (см. диаграмму 6).

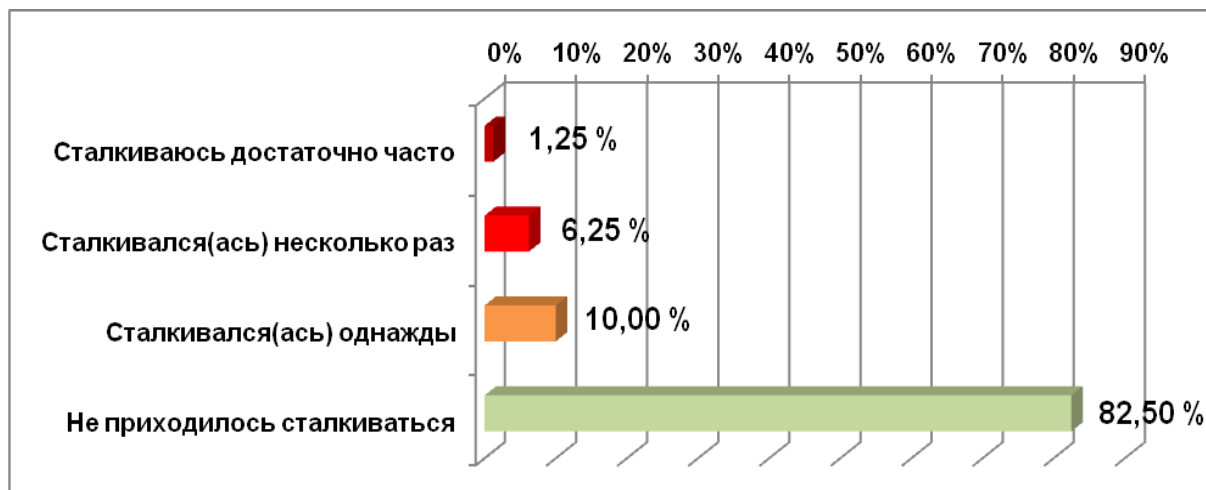

Диаграмма 6. Сталкивались ли Вы с дискриминацией по национальному признаку в отношении Вашей личности? (% от общего числа респондентов)

Аналогичным образом выглядит ситуация и с конфликтами на религиозной почве. Для большинства (82,5 %) данная проблема является абстракцией. В совокупности только 6,25 % от общего числа участников опроса сталкивались с религиозной дискриминацией более одного раза (см. диаграмму 7).

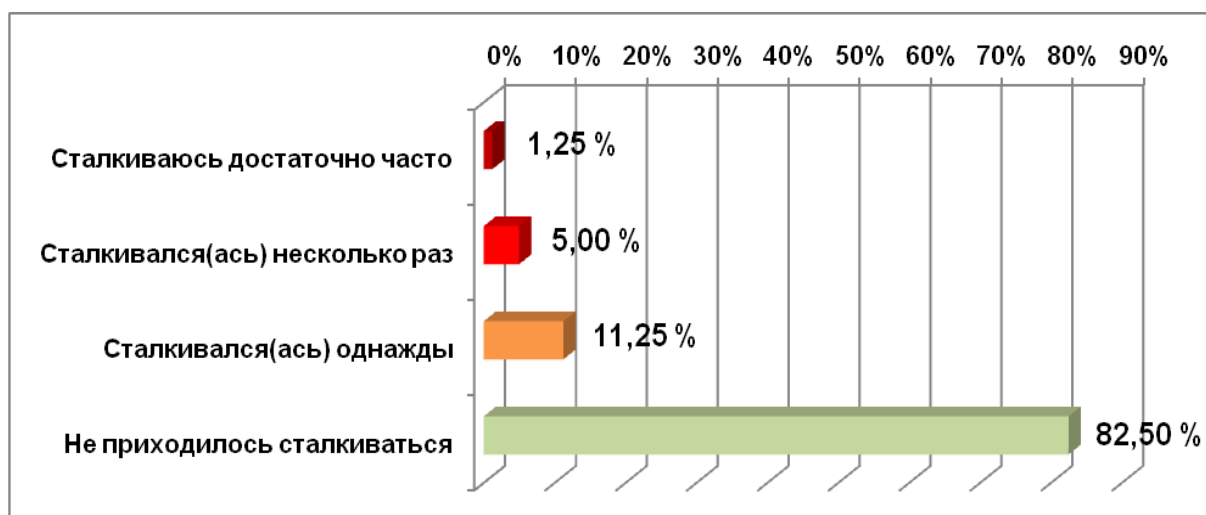

Диаграмма 7. Сталкивались ли Вы с дискриминацией по религиозному признаку в отношении Вашей личности? (% от общего числа респондентов)

Подавляющее большинство тех, кто положительно ответил на вопрос о наличии конфликтов на национальной почве, оказывались лично

вовлеченными в них. Так, на вопрос о личном участии положительно ответило 12,5 % респондентов, причём 17,5 % указали на то, что сталкивались с такими конфликтами. Таким образом, только 5 % от общего числа опрошенных респондентов оказывались свидетелями, а не участниками подобных противоречий (см. диаграмму 8).

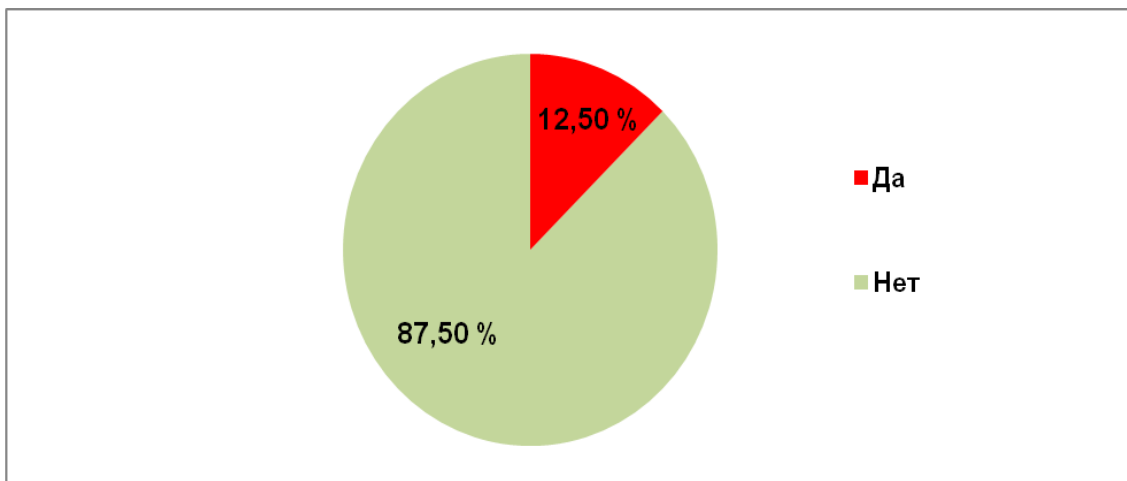

Диаграмма 8. Приходилось ли Вам лично участвовать в конфликтах на национальной почве? (% от общего числа респондентов)

Ещё выше оказалась доля непосредственных участников конфликтов на религиозной почве. Из 17,5 % респондентов, отметивших их наличие, 16,25 % лично участвовали в данных конфликтах, то есть практически все, кто указал на их существование, сомневаются в своей толерантности (см. диаграмму 9).

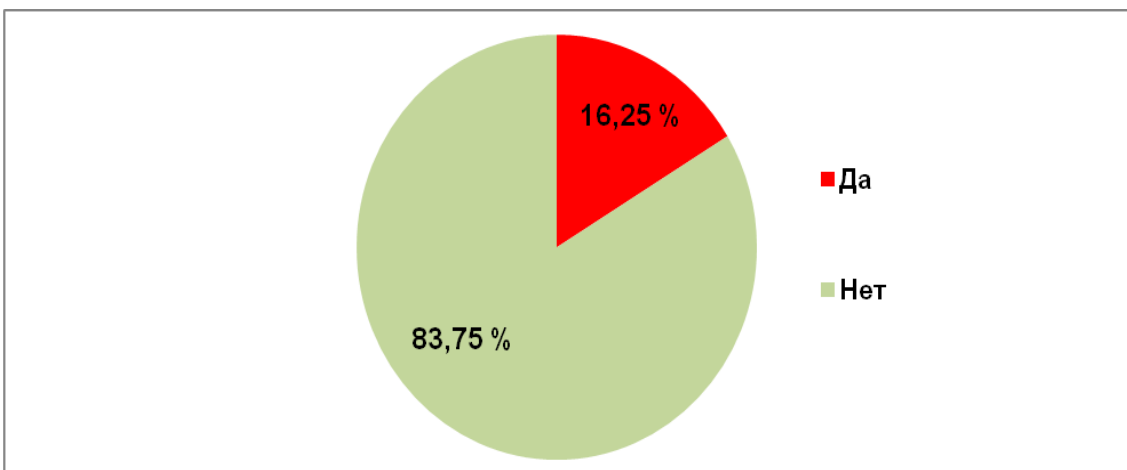

Диаграмма 9. Приходилось ли Вам лично участвовать в конфликтах на религиозной почве? (% от общего числа респондентов)

Подавляющее большинство молодежи не испытывает неприязни или негативных чувств по отношению к представителям других (или какой-то одной) национальностей – в сумме 72,5 % от общего числа опрошенных студентов. При этом 62,5 % твердо уверены в своем отношении, и только

10 % испытывают некоторые сомнения. Следует отметить, что националистические взгляды имеют определенную почву для распространения в молодежной среде: 8,75 % открыто заявили об их наличии, и ещё 17,5 % сомневаются в своей толерантности (см. диаграмму 10).

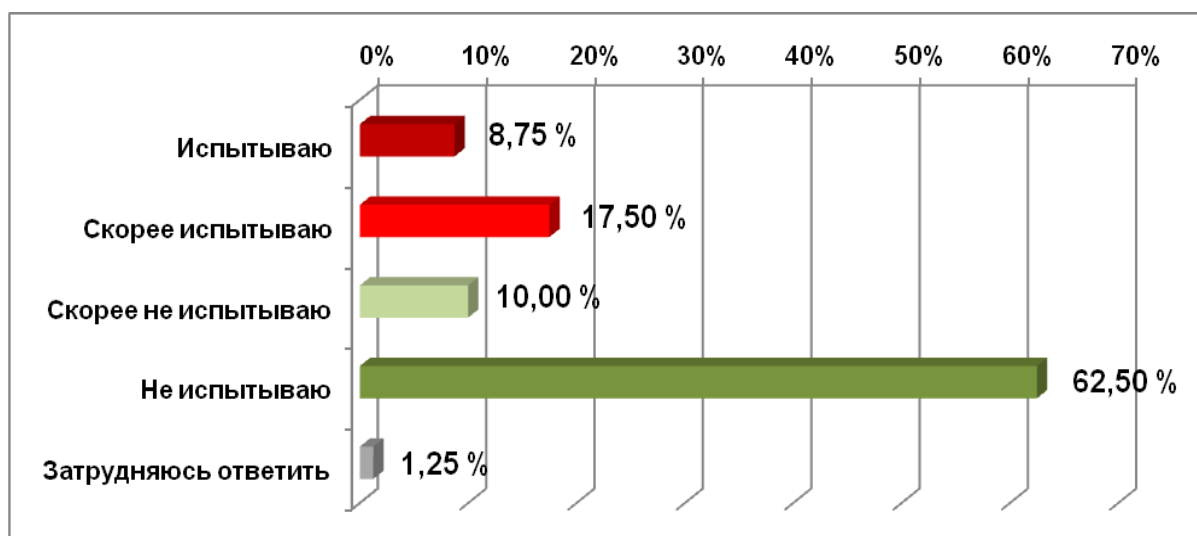

Диаграмма 10. **Вы лично испытываете чувство неприязни по отношению к представителям какой-либо национальности?** (% от общего числа респондентов)

Парадоксально, но даже те, кто открыто заявляют о наличии националистических предубеждений, в целом негативно относятся к деятельности экстремистских организаций. Только 1,25 % от всех опрошенных «скорее одобряют» их деятельность. Большинство (в сумме 98,75 %) в той или иной мере осуждают. Важно отметить, что в данном вопросе 15 % сомневаются в однозначном осуждении, а значит, для этой группы имеет значение не столько экстремистский характер действий представителей какой-либо экстремистской организации, но и их направленность или иные их характеристики (см. диаграмму 11).

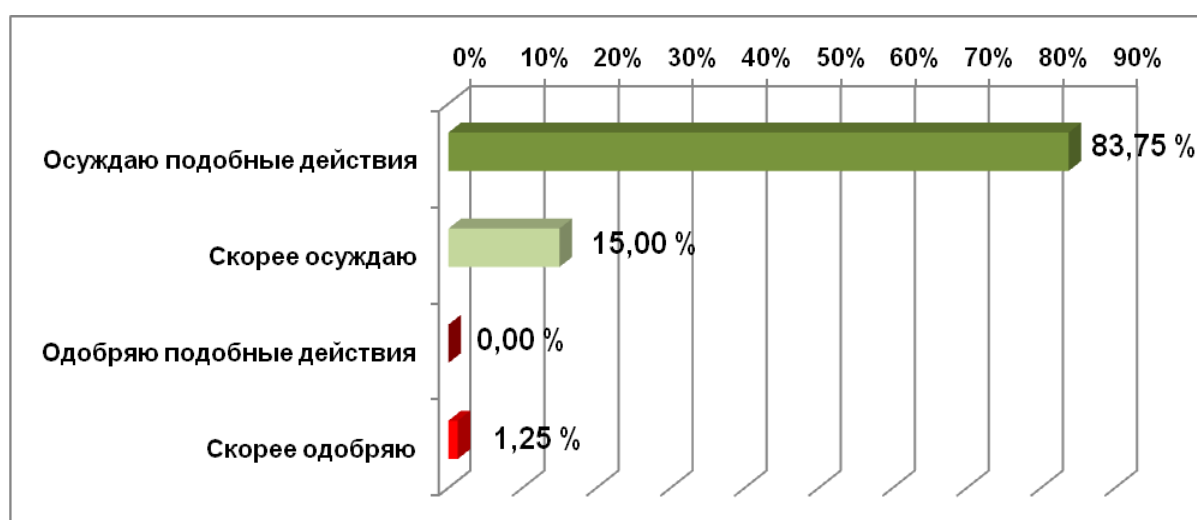

Диаграмма 11. **Как Вы относитесь к действиям представителей экстремистских организаций?** (% от общего числа респондентов)

Большинство (63,75 %) респондентов информировано (считает себя таковым) о том, куда следует обратиться при проявлениях экстремизма. Однако более трети (36,25 %) анкетированных отрицательно ответили на вопрос (см. диаграмму 12).

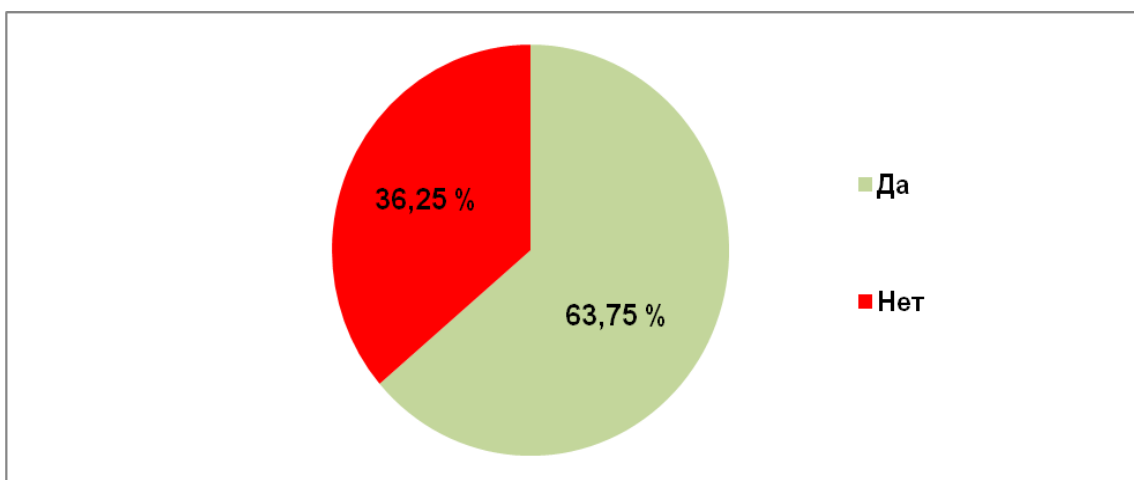

Диаграмма 12. Знаете ли Вы, куда следует обратиться в случае обнаружения фактов проявления экстремизма? (% от общего числа респондентов)

В вопросе об оказании содействия органам по противодействию терроризму и экстремизму мнения молодых людей разделились в пропорции 2/3 против 1/3. Ту или иную форму готовности выразили в сумме 65 % участников опроса, однозначную готовность – только 16,25 %. Противоположную позицию заняли 35 % респондентов, при этом однозначно негативно отнеслись к содействию 11,25 % опрошенных студентов (см. диаграмму 13).

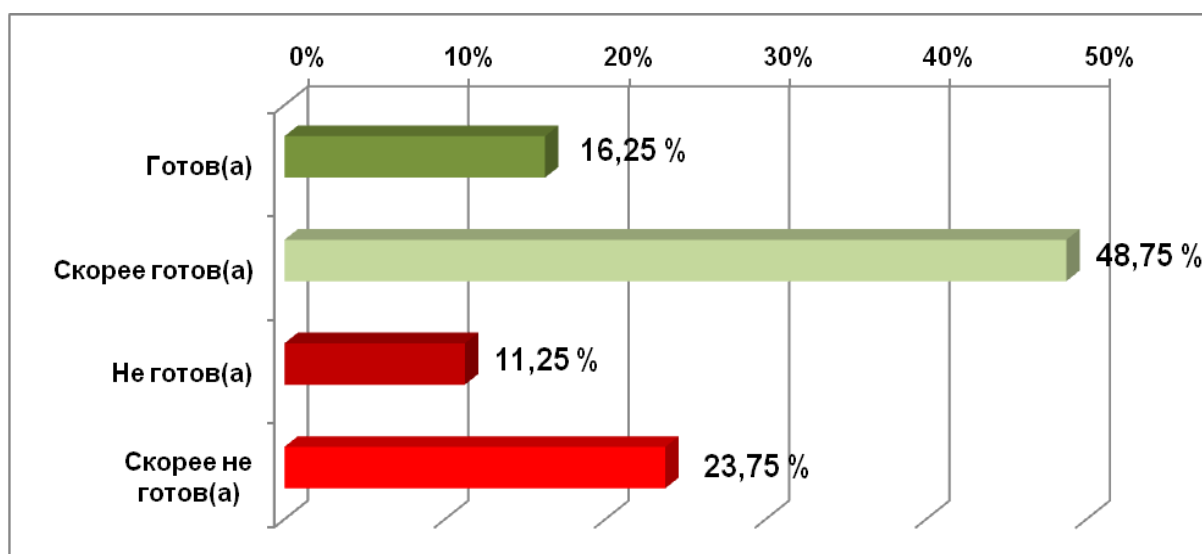

Диаграмма 13. Готовы ли Вы оказывать содействие сотрудникам компетентных органов по противодействию экстремизму / терроризму? (% от общего числа респондентов)

Неоднозначную реакцию вызвал вопрос об ужесточении ответственности за действия экстремистского или террористического характера. Относительное большинство, 40 % студентов, поддержало подобные меры. Однако практически столько же (35 %) респондентов высказалось против таких мер, 25 % затруднились ответить (см. диаграмму 14).

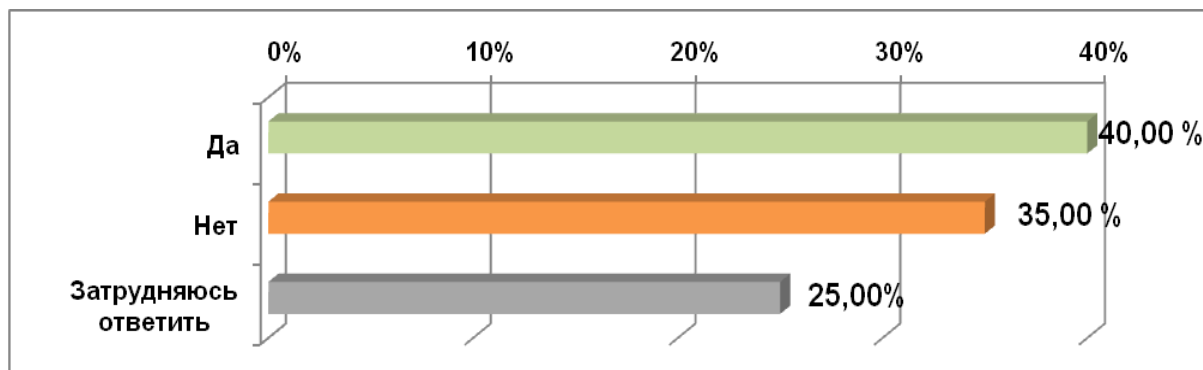

Диаграмма 14. По Вашему мнению, будет ли способствовать искоренению экстремистских проявлений в обществе ужесточение мер уголовной ответственности за действия экстремистского / террористического характера? (% от общего числа респондентов)

В вопросе о том, кто в наибольшей степени может повлиять на решение проблем экстремизма, допускавшем выбор нескольких вариантов ответа, лидерами оказались два варианта, во многом отражающие диаметрально противоположные точки зрения. Первый возлагает основную ответственность за решение проблемы на органы государственной власти (58,75 %). Второй – на общество (население) в целом, подразумевает коллективную ответственность (57,5 %) (см. диаграмму 15).

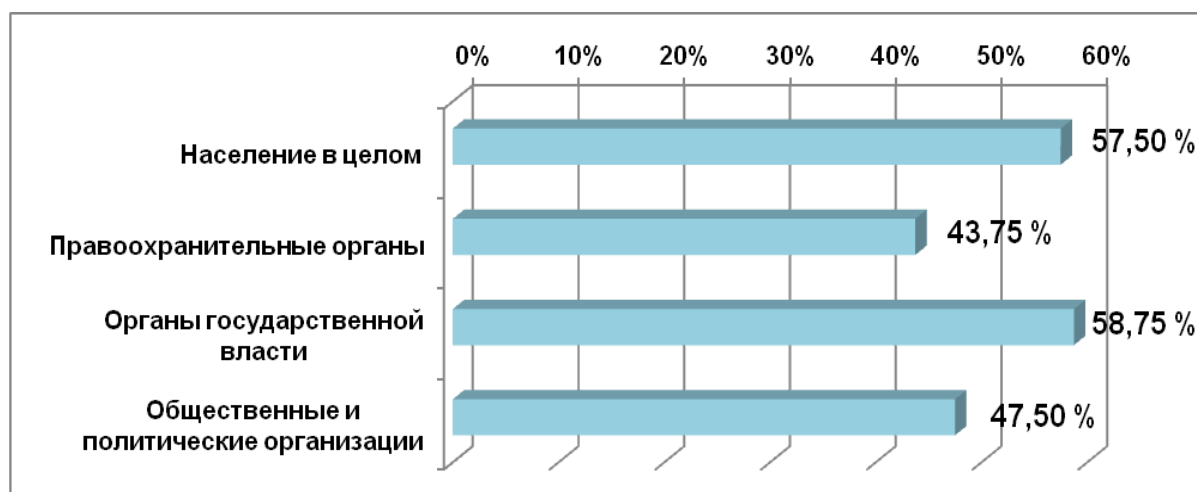

Диаграмма 15. Кто, по Вашему мнению, в наибольшей степени может повлиять на решение проблем экстремизма? (% от общего числа респондентов)

В открытом вопросе о предложениях по улучшению работы органов власти в сфере профилактики и противодействия экстремизму большинство предложений касалось двух направлений деятельности:

- 1) просветительская и воспитательная работа;
- 2) неотвратимость и жесткость наказания.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование показало, что подавляющее большинство опрошенных студентов высших учебных заведений Нижнего Новгорода, как им кажется, имеют представление о таких социальных явлениях, как экстремизм и терроризм. Примечательно, что понимание содержания термина «экстремизм» вызывает у них значительно большее затруднение, чем «терроризм». Возможно, такая ситуация обусловлена отсутствием у респондентов научных представлений об истинной природе экстремизма и терроризма, их генезисе, причинах, путях преодоления. Скорее эти представления сформированы на основе повседневного бытового общения. Они интуитивно осознают опасность этих общественно-политических явлений, поскольку большинство из них ни разу в своей жизни не сталкивались с ними в реальности, и не осознавая их суть, не имеют четких представлений о способах и средствах противостояния им. Такой вывод вытекает из анализа предложений респондентов по улучшению деятельности органов государственной власти в сфере противодействия и профилактики экстремизма: 46,15 % респондентов указывают на необходимость усиления просветительской деятельности со стороны органов государственной власти.

Относительно факторов, способствующих проявлению экстремизма и терроризма, большинство участников анкетирования в качестве основного указали на целенаправленные действия со стороны определенных сил, а на втором и третьем месте оказались факторы, так или иначе связанные с системой ценностей (низкий уровень толерантности и деформация системы ценностей в современном обществе).

В 2016 году аналогичное исследование проводилось среди студентов Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы [25] (далее – БГПУ). Студенты этой образовательной организации к основным причинам, вызывающим напряженность и конфликты между людьми, отнесли неумение уважать и понимать других людей (58 %) и неумение пойти на компромисс (51 %). Смена приоритетов произошла, по нашему мнению, по причине того, что в российском обществе изменилось отношение к самому явлению, обозначаемому термином «толерантность», которое было навязано и насаждалось в сознание российской молодежи западной пропагандой. Понятие «толерантность» все больше приобретает негативную коннотацию в российском обществе.

Любопытно, что среди факторов, способствующих возникновению экстремизма, фактор «многонациональный характер страны» в декабре 2022 года отметили 12,5 % нижегородских студентов, а в 2016 году среди студентов БГПУ на этот фактор указали еще меньше опрошенных – 8 %

[25, с. 752]. Это говорит о том, что в последнее время в нашей стране социальный конфликт на национальной почве возможен, но вероятность его разжигания достаточно низкая.

Мы узнали, что примерно для половины студентов вузов (52,5 %) проблема экстремизма для Нижегородского региона менее актуальна, чем для России в целом (81,25 %). Отметим, что в 2016 году 51 % студентов БГПУ считали эту проблему актуальной для России в целом [25, с. 753]. Как видим, за шесть истекших лет этот показатель вырос на 30 %. Очевидно, этому способствовали события, произошедшие в течение 2022 года, – специальная военная операция, подрывы Северного потока, Крымского моста, убийство Дарьи Дугиной, теракты в Крыму и ряд других событий такого рода.

Если обратиться к анализу статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Главного управления МВД России по Нижегородской области о состоянии преступности в России и Нижегородской области, то мы увидим, что за последние пять лет в среднем процент зарегистрированных преступлений экстремистской направленности от общего числа зарегистрированных правонарушений по России составил 0,048 %, а по Нижегородской области – 0,020 %, то есть в два раза меньше (см. табл. 1). За этот же период средний процент зарегистрированных преступлений террористического характера от общего числа зарегистрированных правонарушений по России составил 0,096 %, а по Нижегородской области – 0,020 %, то есть в 4,8 раза меньше (см. табл. 2).

Таблица 1

Статистика зарегистрированных преступлений экстремистской и террористической направленности по России за 2018–2022 годы [27]

Год	Всего зарегистрировано преступлений	Из них экстремистской направленности		Из них террористического характера	
		абсолютное значение	в %	абсолютное значение	в %
2018	1991532	1265	0,06	1679	0,08
2019	2024337	585	0,02	1806	0,08
2020	2044221	833	0,04	2342	0,11
2021	2004404	1057	0,05	2136	0,10
2022	1966795	1566	0,07	2233	0,11
Средний показатель за пять лет	2006257	10612	0,048	2035	0,096

Статистика зарегистрированных преступлений экстремистской и террористической направленности по Нижегородской области за 2018–2022 годы

Год	Всего зарегистрировано преступлений	Из них экстремистской направленности		Из них террористического характера	
		абсолютное значение	в %	абсолютное значение	в %
2018 [9]	41638	17	0,04	11	0,02
2019 [10]	43029	8	0,01	12	0,02
2020 [11]	42337	9	0,02	9	0,02
2021 [12]	40530	7	0,01	7	0,01
2022 [13]	36926	14	0,03	13	0,03
Средний показатель за пять лет	40892	11,0	0,02	10,4	0,02

Приведенные статистические данные говорят о том, что респонденты, не обладая этими сведения, тем не менее, имеют правильное представление о соотношении степени угрозы преступлений экстремистской и террористической направленности для региона и страны в целом.

Вместе с тем повышенная опасность экстремизма и терроризма определяется не территориальным критерием, а степенью негативного влияния на население определенной территории. По мнению большинства исследователей, противоправные действия террористического и экстремистского характера имеют своей целью устрашение населения, преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности в обществе [23].

Низкий процент зарегистрированных преступлений экстремистской и террористической направленности не должен создавать в сознании молодежи иллюзию их низкой значимости с точки зрения социально-политической опасности. Высказывая свое суждение на этот счет, отдельные представители студенческой молодежи не берут во внимание тот факт, что постоянно или временно проживая в большом городе, в котором много мест, пригодных для совершения террористических актов с большим числом жертв (например, станции метро, вокзалы, крупные торговые центры), они могут столкнуться с проявлениями экстремизма и терроризма в любое время. И здесь уже не важно, сколько преступлений экстремистской и террористической направленности было совершено в Нижегородской области или в России в целом.

Недостаточное понимание высокой опасности экстремизма и терроризма можно объяснить и тем, что подавляющее большинство из опрошенных студентов (70 %) ни разу в жизни лично или их друзья и близкие

не сталкивались с проявлениями экстремизма и терроризма в повседневной жизни. Поэтому мы и наблюдаем тот факт, что только 7,5 % респондентов, безусловно, убеждены в актуальности проблем экстремизма и терроризма для Нижегородской области.

Настораживает и то, что 1,25 % от всех опрошенных студентов проявляют склонность к одобрению деятельности экстремистских организаций, а 15 % сомневаются в однозначном ее осуждении. Если учесть, что в России в 2022 году в вузах обучалось 4044,2 тыс. человек [26], то получается внушительная цифра – 657,2 тыс. человек, которые потенциально могут выражать сочувствие экстремистским группировкам или даже стать их активными участниками.

Исследование показало, что большинство (63,75 %) респондентов, как им кажется, знают, куда надо обращаться в случае столкновения с проявлениями терроризма и экстремизма. Однако более трети опрошенных студентов (36,25 %) не знают, как себя вести в подобных ситуациях и куда обращаться за защитой своих прав. Можно также предположить, что вторая группа респондентов таким образом косвенно выражает свое нежелание вступать во взаимодействие с правоохранительными органами. Это предположение основано на том, что 35 % респондентов выразили нежелание оказывать содействие правоохранительным органам в противодействии экстремизму и терроризму. Несмотря на это, 58,75 % студенческой молодежи возлагает основную ответственность за решение проблемы по противодействию экстремизму и терроризму на органы государственной власти (в том числе 43,75 % эту ответственность возлагают на правоохранительные органы), а 57,5 % – на общество в целом. Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на негативное отношение части молодежи к отдельным структурам государства, они понимают – проблемы, связанные с терроризмом и экстремизмом, можно успешно решать только при условии тесного взаимодействия государства и общества. Такое понимание нашло отражение и в предложениях респондентов по улучшению работы органов государственной власти по противодействию экстремизму и терроризму, которые в целом свелись к двум основным направлениям:

- необходимости проведения системной просветительской и воспитательной работы среди учащихся средних общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений, направленной на профилактику проявлений экстремизма в молодежной среде;

- неотвратимость наказания и усиление ответственности за совершение преступлений экстремистского характера и террористической направленности.

Относительно последнего предложения следует отметить, что в рамках аналогичных социологических исследований студенческая молодежь регулярно обращает на это внимание [25, с. 754].

Библиография

1. Баранов Н. А. Борьба с терроризмом как геополитическая стратегия контроля над пространством. URL: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskieproblemy-evropejskogo-razvitiya/275-tema-11> (дата обращения: 05.01.2023). [Baranov N. A. Bor'ba s terrorizmom kak geopoliticheskaya strategiya kontrolya nad prostranstvom. URL: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskieproblemy-evropejskogo-razvitiya/275-tema-11> (data obrashcheniya: 05.01.2023)].
2. Гайфутдинова А. М. Основные направления в сфере профилактики экстремизма и терроризма в подростково-молодежной среде // Технология культурно-досуговой деятельности как фактор укрепления социального, межнационального и межконфессионального согласия в молодежной среде. Сборник статей по материалам Всероссийской электронной научно-практической конференции / Науч. ред.: Д. В. Шамсутдинова, Р. И. Турханова, Л. Ф. Мустафина. Казань: КазГИК, 2017. С. 150–156. [Gaifutdinova A. M. Osnovnye napravleniya v sfere profilaktiki ehkstremitzma i terrorizma v podrostkovo-molodezhnoi srede // Tekhnologiya kul'turno-dosugovoi deyatelnosti kak faktor ukrepleniya sotsial'nogo, mezhnatsional'nogo i mezhkconfessional'nogo soglasiya v molodezhnoi srede. Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi ehlektronnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Nauch. red.: D. V. Shamsutdinova, R. I. Turkhanova, L. F. Mustafina. Kazan': KaZGIK, 2017. S. 150–156.].
3. Гафнер В. В., Петров С. В., Забара Л. И. Опасности социального характера и защита от них: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 320 с. [Gafner V. V., Petrov S. V., Zabara L. I. Opasnosti sotsial'nogo kharaktera i zashchita ot nikh: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2012. 320 s.].
4. Горфина М. Н., Горфин В. Л. Сущностные характеристики экстремизма и терроризма среди молодежи в России // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 частях. Уфа: Изд-во ООО «Агенство международных исследований», 2018. С. 109–117. [Gorfina M. N., Gorfin V. L. Sushchnostnye kharakteristiki ehkstremitzma i terrorizma sredi molodezhi v Rossii // Dinamika vzaimootnoshenii razlichnykh oblastei nauki v sovremennykh usloviyakh. Sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 chastyakh. Ufa: Izd-vo ООО «Agenstvo mezhdunarodnykh issledovaniI», 2018. S. 109–117.].
5. Долгушев Е. В. Педагогическая профилактика экстремизма и терроризма в подростковой среде школы // Мир образования – образование в мире. 2020. № 1 (77). С. 269–274. [Dolgushev E. V. Pedagogicheskaya profilaktika ehkstremitzma i terrorizma v podrostkovo srede shkoly // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2020. № 1 (77). S. 269–274.].
6. Зазулинский В. Д. Терроризм – глобальная проблема мира. М.: ВАВТ, 2008. 82 с. [Zazulinskii V. D. Terrorizm – global'naya problema mira. M.: VAVT, 2008. 82 s.].
7. Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Молодежь вступает в жизнь: (Социол. исследования проблем молодежи). Ленинград: О-во «Знание» РСФСР. Ленингр. организация, 1969. 40 с. [Ikonnikova S. N., Lisovskii V. T. Molodezh' vstupuet v zhizn': (Sotsiol. issledovaniya problem molodezhi). Leningrad: O-vo «Znanie» RSFSR. Leningr. Organizatsiya, 1969. 40 s.].
8. Иконникова С. Н. Молодежь: Социологический и социально-психологический анализ. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова., 1974. 164 с. [Ikonnikova S. N. Molodezh': Sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii analiz. L.: Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova., 1974. 164 s.].
9. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Нижегородской области за январь – декабрь 2018 года // Главное управление МВД России по Нижегородской области. URL: https://52.мвд.рф/Dejatelnost/Statistika/Arhiv_statistiki/2018/informatsiya-o-sostoyanii-122018 (дата обращения: 15.01.2023). [Informatsiya o sostoyanii prestupnosti i pravoporyadka v Nizhegorodskoi oblasti za yanvar' – dekabr' 2018 goda // Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Nizhegorodskoi oblasti. URL:

https://52.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika/Arhiv_statistiki/2018/informatsiya-o-sostoyanii-122018 (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

10. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Нижегородской области за 12 месяцев 2019 года // Главное управление МВД России по Нижегородской области. URL: https://52.mvd.pf/Dejatelnost/Statistika/Arhiv_statistiki/2019g/informatsiya-o-122019 (дата обращения: 15.01.2023). [Informatsiya o sostoyanii prestupnosti i pravoporyadka v Nizhegorodskoi oblasti za 12 mesyatshev 2019 goda // Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Nizhegorodskoi oblasti. URL: https://52.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika/Arhiv_statistiki/2019g/informatsiya-o-122019 (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

11. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Нижегородской области за январь – декабрь 2020 года // Главное управление МВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.mvd.pf/Dejatelnost/Statistika/2020-god/informatsiya-o-sostoyanii-122020> (дата обращения: 15.01.2023). [Informatsiya o sostoyanii prestupnosti i pravoporyadka v Nizhegorodskoi oblasti za yanvar' – dekabr' 2020 goda // Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Nizhegorodskoi oblasti. URL: <https://52.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika/2020-god/informatsiya-o-sostoyanii-122020> (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

12. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Нижегородской области за январь – декабрь 2021 года // Главное управление МВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.mvd.pf/Dejatelnost/Statistika/2021/informatsiya-o-sostoyanii-122021> (дата обращения: 15.01.2023). [Informatsiya o sostoyanii prestupnosti i pravoporyadka v Nizhegorodskoi oblasti za yanvar' – dekabr' 2021 goda // Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Nizhegorodskoi oblasti. URL: <https://52.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika/2021/informatsiya-o-sostoyanii-122021> (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

13. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Нижегородской области за январь – ноябрь 2022 года // Главное управление МВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.mvd.pf/Dejatelnost/Statistika/2022-god/inf-pr-v-nizh-obl-2022> (дата обращения: 15.01.2023). [Informatsiya o sostoyanii prestupnosti i pravoporyadka v Nizhegorodskoi oblasti za yanvar' – noyabr' 2022 goda // Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Nizhegorodskoi oblasti. URL: <https://52.mvd.rf/Dejatelnost/Statistika/2022-god/inf-pr-v-nizh-obl-2022> (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

14. Кон И. С. Молодежь // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 478. [Kon I. S. Molodezh' // Bol'shaya sovetskaya ehntsiklopediya. 3-e izd. T. 16. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1986. S. 478].

15. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Прогресс, 1990. 367 с. [Kon I. S. V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie. M.: Progress, 1990. 367 s.].

16. Лакер Уолтер. Терроризм: краткая история. URL: <https://webarchive.library.unt.edu/web/20081004100949/http://usinfo.state.gov/journals/itps/0507/ijpr/laqueur.htm> (дата обращения: 12.01.2023). [Laker Uolter. Terrorizm: kratkaya istoriya. URL: <https://webarchive.library.unt.edu/web/20081004100949/http://usinfo.state.gov/journals/itps/0507/ijpr/laqueur.htm> (data obrashcheniya: 12.01.2023)].

17. Лисовский В. Т. Эскиз к портрету: Жизненные планы, интересы, стремления советской молодежи. (По материалам социол. исслед.). М.: Мол. гвардия, 1969. 208 с. [Lisovskii V. T. Ehsbiz k portretu: Zhiznennye plany, interesy, stremleniya sovetskoi molodezhi. (Po materialam sotsiol. issled.). M.: Mol. gvardiya, 1969. 208 s.].

18. Лисовский В. Т., Иконникова С. Н. На пороге гражданской зрелости. Л.: Лениздат, 1982. 175 с. [Lisovskii V. T., Ikonnikova S. N. Na poroge grazhdanskoi zrelosti. L.: Lenizdat, 1982. 175 s.].

19. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодёжи России: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2000. 508 с. [Lisovskii V. T. Dukhovnyi mir i tsennostnyye orientatsii molodezhi Rossii: Ucheb. posobie. SPb.: SPBGUP, 2000. 508 s.].

20. Литвинов Н. Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма. Воронеж: ВИ МВД России, 1999. 118 с. [Litvinov N. D. Rol' idei v razvitii antigosudarstvennogo terrorizma. Voronezh: VI MVD Rossii, 1999. 118 s.]

21. Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность: (политико-правовой анализ). М.: Голос, 1999. 219 с. [Litvinov N. D. Terroristicheskie organizatsii: formirovanie i deyatel'nost': (politiko-pravovoi analiz). M.: Golos, 1999. 219 s.]

22. Метелев С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: монография. Омск: РГТЭУ, 2008. 332 с. [Metelev S. E. Sovremennyi terrorizm i metody antiterroristicheskoi deyatel'nosti: monografiya. Omsk: RGTENU, 2008. 332 s.]

23. Михеев И. Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение (уголовно-правовое исследование). Владивосток: ЮИ ДВГУ, 2003. URL: http://adhdportal.com/book_2998.html (дата обращения: 17.01.2023). [Mikheev I. R. Terrorizm: ponyatie, otvetstvennost', preduprezhdenie (ugolovno-pravovoe issledovanie). Vladivostok: YUI DVGU, 2003. URL: http://adhdportal.com/book_2998.html (data obrashcheniya: 17.01.2023)].

24. Нагорный А. П., Попов А. Н. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 105–115. [Nagornyi A. P., Popov A. N. Profilaktika ehkstremitizma i terrorizma sredi molodezhi Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T. 7 (73). № 1. S. 105–115.]

25. Нурьев Ф. Ф. Изучение отношения современной молодежи к проблеме экстремизма // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 750–754. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31309/> (дата обращения: 15.01.2023). [Nuryev F. F. Izuchenie otnosheniya sovremennoi molodezhi k probleme ehkstremitizma // Molodoi uchenyi. 2016. № 12 (116). S 750–754. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31309/> (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

26. Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, Л. Б. Кузьмичева, О. К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 132 с. [Obrazovanie v tsifrakh: 2022: kratkii statisticheskii sbornik / L. M. Gokhberg, L. B. Kuz'micheva, O. K. Ozerova i dr.; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShEN, 2022. 132 s.]

27. Показатели преступности России // Генеральная Прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 15.01.2023). [Pokazateli prestupnosti Rossii // General'naya Prokuratura RF. Portal pravovoi statistiki. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

28. Рубан Л. С. Молодежь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации: (г. Астрахань и Астрах. обл.): учебное пособие. Астрахань: АГПУ, 1999. 91 с. [Ruban L. S. Molodezh' v poliehtnichnom regione: vzglyady, pozitsii, orientatsii: (g. Astrakhan' i Astrakh. obl.): uchebnoe posobie. Astrakhan': AGPU, 1999. 91 s.]

29. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М.: Юрлитформ, 2002. 559 с. [Ustinov V. V. Mezhdunarodnyi opyt bor'by s terrorizmom: standarty i praktika. M.: Yurlitform, 2002. 559 s.]

30. Laqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1999. VII, 312 p.

31. Jenkins Philip J. Terrorism // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/terrorism> (дата обращения: 10.01.2023).

Примечание:

Устинкин С. В. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта, разработка анкеты, написание раздела «Результаты исследования», «Материалы и методы», «Обсуждение и заключение».

Никитин А. В. – написание разделов «Введение», «Обзор литературы».

Самсонов А. Н. – проведение анкетирования и обработка анкет.

**ВЛИЯНИЕ БЛОКИРОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
НА ПОКУПАТЕЛЬСКУЮ СПОСОБНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
(АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СТУДЕНЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОКУПОК В ИНТЕРНЕТЕ)**

Ю. И. Кузнецова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В условиях нынешней геополитической обстановки вопрос развития информационного бизнеса в России остается актуальным. Проанализировав многочисленные отчеты различных поставщиков исследовательской информации, мы пришли к выводу, что тема покупок в интернете мало изучена. Предмет обсуждения – как блокировка популярнейших социальных сетей повлияла на покупательскую способность россиян – вовсе в исследованиях отсутствует. Для решения этих вопросов было предложено провести студенческую исследовательскую работу и выяснить: кто покупает в интернете, что покупают и где покупают.

Ключевые слова: социологические исследования, метод исследования, опрос, онлайн-опрос, анкета, онлайн-покупки, маркетплейс, социальные сети.

**THE IMPACT OF BLOCKING SOCIAL NETWORKS
ON THE PURCHASING POWER OF CONSUMERS
(ANALYSIS OF THE RESULTS OF A STUDENT SOCIOLOGICAL
STUDY OF ONLINE SHOPPING)**

Yulia I. Kuznetsova

*N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. In the current geopolitical situation, the issue of developing the information business in Russia remains relevant. After analyzing numerous reports from various research information providers, we came to the conclusion that the topic of online shopping has not been studied enough. The subject of discussion - how the blocking of the most popular social networks affected the purchasing power of Russians, is not at all in the studies. To address these issues, it was proposed to conduct student research work and find out: who buys on the Internet, what they buy and where they buy.

Keywords: sociological research, research method, survey, online survey, questionnaire, online shopping, marketplace, social networks.

Введение

Проблема геополитических отношений между Россией и коллективным западом существует достаточно продолжительное время. Решение правительства РФ о проведении специальной военной операции на территории Украины спровоцировало ответную реакцию со стороны стран Запада.

В частности, к России были предъявлены жесткие санкции, которые привели в 2022 году почти к полной изоляции России на международном рынке. Конфликт интересов стран повлек не только уход из России представителей зарубежных компаний, мировых брендов, но фактическую ликвидацию их физических магазинов и представительств на территории Российской Федерации. Руководство РФ приняло решение о блокировке популярных среди российской аудитории социальных сетей. 11 марта 2022 года деятельность *Instagram* и *Facebook* в России была признана экстремистской и запрещена на территории страны по требованию Генеральной прокуратуры РФ. Как пишет РБК, пользователей не будут наказывать за использование соцсетей, однако риски все равно сохранятся. К примеру, привлечь человека к ответственности могут за публичную демонстрацию символики самой компании или социальных сетей — «на сайте, на дверях магазина и кафе, на автомобиле, в соцсетях, на постерах, визитках». Кроме того, законом предусмотрена уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 283 УК). К ней могут привлечь за «заказ рекламы в обеих социальных сетях либо за торговлю акциями *Meta*» [1]¹.

Это означает, что после блокировки *Instagram* и *Facebook* совершать там финансовые транзакции официально стало невозможно. Информационный бизнес в России до 24 февраля 2022 года развивался крайне успешно. Об этом свидетельствуют данные журнала *Forbes*. Так, за 2021 год самыми состоятельными российскими блогерами, по версии *Forbes*, стали: Анастасия Ивлеева с доходом 2,7 млн долларов, Валентин Петухов (*Wylsacom*) – 2,2 млн долларов, Юрий Дудь – 1,8 млн долларов и Дани Милохин – 1,5 млн долларов. Количество подписчиков в 2021 году у Анастасии Ивлеевой в *Instagram* в основном аккаунте было зарегистрировано 18,9 млн, в персональном аккаунте – более 7,3 млн, у Валентина Петухова общее число подписчиков канала *YouTube* составило около 10 млн человек, у Юрия Дудя – 9,3 млн подписчиков и у Дани Милохина – более 4,7 млн подписчиков в *Instagram* [10].

Таким образом, количественные показатели аккаунтов и личных каналов российских блогеров демонстрируют их чрезвычайную популярность среди российской аудитории. Поэтому в условиях нынешней геополитической обстановки вопрос развития информационного бизнеса в России остается актуальным. Проанализировав многочисленные отчеты различных поставщиков исследовательской информации, среди которых ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР и прочие, мы пришли к выводу, что тема покупок в интернете мало изучена. Предмет обсуждения – как блокировка популярнейших соцсетей повлияла на покупательскую способность россиян – вовсе в исследованиях отсутствует. Для решения этих вопросов было предложено провести студенческую исследовательскую работу и выяснить: кто покупает в интернете, что покупают и где покупают. В данной статье мы хотели бы отразить результаты исследования, которое провели

---

¹ Компания *Meta* признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

студенты 4-го курса кафедры рекламы, связей с общественностью и туризма НГЛУ им. Н. А. Добролюбова под руководством преподавателя Ю. И. Кузнецовой.

Обзор литературы

Исследований на тему покупок в интернете достаточно много. Эти исследования проводятся маркетинговыми и рекламными агентствами, рекрутинговыми компаниями и общественными организациями [9]. Однако, проанализировав многочисленные отчеты за 2022 год, мы не обнаружили такие исследования, целью которых было бы выяснение взаимосвязи между блокировкой социальных сетей и изменением покупательского поведения российских потребителей.

Научная проблема данной статьи заключается в выборе метода организации социологического исследования. Для анализа этой части работы обратимся к трудам ученых. А. П. Куприян выделяет три методологические функции теории: ориентирующую, предсказательную и классифицирующую. Первая направляет усилия исследователя в отборе данных, вторая опирается на установление каузальных зависимостей в некоторой специальной области, а третья помогает систематизировать факты путем выявления их существенных свойств и связей, т.е. не случайно [6]. Вебер считал, что важно заниматься поиском мотивов. Статистика и изучение мотивов человеческого поведения – взаимодополняющие части социологического исследования [5].

Э. Гидденс в «Социологии» писал, что исследовательская процедура, или стратегия, связана с планированием и проведением исследования в целом. Это означает выбор соответствующего метода исследования и разработку способа его применения в данной области. К этим методам относятся опросы, интервью, «включенное наблюдение» (полевая работа внутри изучаемого сообщества), интерпретация официальных статистических данных и исторических документов [2].

По мнению В. А. Ядова, ни в отечественной, ни в зарубежной практике нет единого словоупотребления относительно частных приемов социологического исследования [13]. Одну и ту же систему действий некоторые авторы называют методом, другие – техникой, третьи – процедурой или методикой, а иногда – методологией [11]. В данной работе введем следующее словоупотребление. Метод – основной способ сбора, обработки и анализа данных. В нашей исследовательской работе мы использовали метод анкетного опроса. Примечателен тот факт, что современные социологи и журналисты приписывают появление метода опроса американскому социологу и статисту Дж. Гэллапу. Э. Ноэль в своей книге «Массовые опросы. Введение в методику демоскопии» пишет о том, что попытка проведения опросов населения, основывавшихся на законе больших чисел, была предпринята в Англии в конце XVIII столетия, в начале XIX века был проведен первый опрос в США, а с середины того же века были организованы первые опросы во Франции (1848), Германии (1848) и Бельгии (1868–1869). К концу XIX столетия в Англии было уже проведено несколько крупных опросов,

а в начале следующего (1906) в Лондоне профессор статистики Артур Л. Боули сделал доклад в Королевском статистическом обществе о методе составления репрезентативной выборки при опросах населения [8]. В отечественной социологии XX века метод опроса так же широко был представлен, например, в изучении музейной аудитории. Т. Ю. Юренева сообщает, что уже после Октябрьской революции в России появились социологические кафедры в университетах Ярославля и Петрограда, был создан факультет общественных наук с социологическим отделением в Петроградском университете, преобразован в Социологический институт Социобиблиологический институт, возобновилась деятельность Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского, возникали секции и ассоциации по изучению общественных наук, была введена ученая степень по социологии. Наряду с теоретическими изысканиями стали развиваться эмпирические и прикладные исследования, охватившие практически все основные сферы жизнедеятельности общества [12]. Современные ученые также изучают способы и методы проведения социологических исследований. Авторы статьи «Онлайн-исследования в современной России: новые стратегии и тактики» Г. Р. Камалова и Ш. Р. Шакурова отмечают, что традиционные методы трансформировались. Например, в последние годы стали распространены онлайн-опросы. Среди первых онлайн-панели запустили агентство маркетинговых исследований *FDF Group*, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и другие. Основная проблема таких опросов – репрезентативность выборки, сложно описать генеральную совокупность. Прежде всего в список респондентов попадают люди, которые пользуются мобильными телефонами и интернетом (поскольку рекрутинг осуществляется только среди пользователей мобильных телефонов). То есть, в исследовательское поле попадают только активные жители страны, которые освоили современные ИТ-технологии [4]. Автор статьи «Социологические исследования с использованием таргетированной рекламы» А. А. Гурулёв сообщает, что соцопросы начали проводить уже с помощью таргетированной рекламы. Многие компании разрабатывают специальные сервисы, с помощью которых можно эффективно осуществлять сбор анкет через трафик таргетированной рекламы [3].

Материалы и методы

Проанализировав имеющиеся источники, мы определили метод организации студенческого социологического исследования. Таким методом стал анкетный онлайн-опрос интернет-пользователей. Поскольку тема исследования – покупки в сети интернет, мы достаточно легко можем представить репрезентативность выборки. Генеральную совокупность выборки составляют все индивиды, пользующиеся интернетом и имеющие возможность совершать покупки в сети интернет. Далее последовательно опишем фазы социологического исследования. Любое социологическое исследование начинается с определения предмета исследования, формулирования цели, задач, исходных гипотез; продолжается разработкой плана исследования,

сбором данных, обработкой собранных данных; заканчивается научным объяснением и проверкой гипотез [7]. В. А. Ядов в методологический раздел программы включает еще объект исследования [13].

Итак, объект нашего исследования – это индивиды, которые покупают что-либо в сети интернет. Предмет исследования – отношение потребителей к покупкам в сети интернет, в частности к покупкам в социальных сетях. Цель исследования – определить кто, что и где покупает в сети интернет. Задачи исследования – изучить методы организации социологического исследования, составить план, подготовить анкету с вопросами, провести онлайн-опрос, размещенный в *Google Forms*, осуществить анализ, подвести итоги и подтвердить / опровергнуть гипотезу. Предполагаемая гипотеза – индивиды перестали покупать в *Instagram* и *Facebook* после их блокировки на территории РФ. Анкета для онлайн-опроса состояла из 28 открытых и закрытых вопросов. Далее перечислим сформулированные вопросы:

1. Вы покупаете что-либо в интернете? Далее тем, кто не совершает покупки в сети, было предложено завершить опрос.
2. Ваш пол?
3. Какое у Вас образование?
4. Сколько Вам лет?
5. Семейное положение?
6. Какие у Вас интересы?
7. Где Вы живете?
8. Сколько Вы зарабатываете в месяц?
9. Как часто Вы совершаете покупки в интернете (не считая доставки продуктов)?
10. Как часто Вы заказываете доставку продуктов?
11. Что обычно Вы покупаете в интернете?
12. На каких площадках Вы обычно совершаете интернет-покупки?
13. Что для Вас наиболее важно при выборе товаров?
14. Что Вы никогда не купите в интернете?
15. Для кого Вы обычно совершаете покупки в интернете?
16. На какую сумму в среднем Вы делаете покупки в интернете (одноразовая покупка)?
17. Какой, на Ваш взгляд, самый большой минус покупок в интернете?
18. Где Вы перестали покупать онлайн и почему?
19. Как выход на маркетплейсы повлиял на частоту Ваших походок в магазин?
20. Как часто товар, купленный в интернете, не соответствует Вашим ожиданиям?
21. Для Вас цена является показателем высокого качества?
22. Знаете ли Вы, что в социальных сетях можно покупать товары?
23. Покупаете ли Вы товары в социальных сетях?
24. Какой Ваш уровень доверия к покупкам у частных продавцов в социальных сетях?

25. Уменьшилось ли количество Ваших покупок в Инстаграм² после его блокировки?

26. Оцените, пожалуйста, степень Вашего согласия или несогласия со следующим высказыванием о покупках в интернет: «покупки товаров через интернет позволяют больше времени уделять семье и самому себе» (0–5).

27. Оцените, пожалуйста, степень Вашего согласия или несогласия со следующим высказыванием о покупках в интернете: «покупка товаров через интернет позволяет наглядно сравнить товары по отзывам и выбрать самый оптимальный вариант» (0–5).

28. Оцените, пожалуйста, степень вашего согласия или несогласия со следующим высказыванием о покупках в интернете: «зачастую при покупках через интернет привозят товары с браком, приходится оформлять возвраты и немного посуетиться, это приносит значимые неудобства» (0–5).

Результаты исследования

В онлайн-опросе приняли участие 177 человек из разных регионов России. 99,4 % покупали когда-либо что-то в сети интернет. 80 % опрошенных – женщины, остальные 20 % – мужчины.

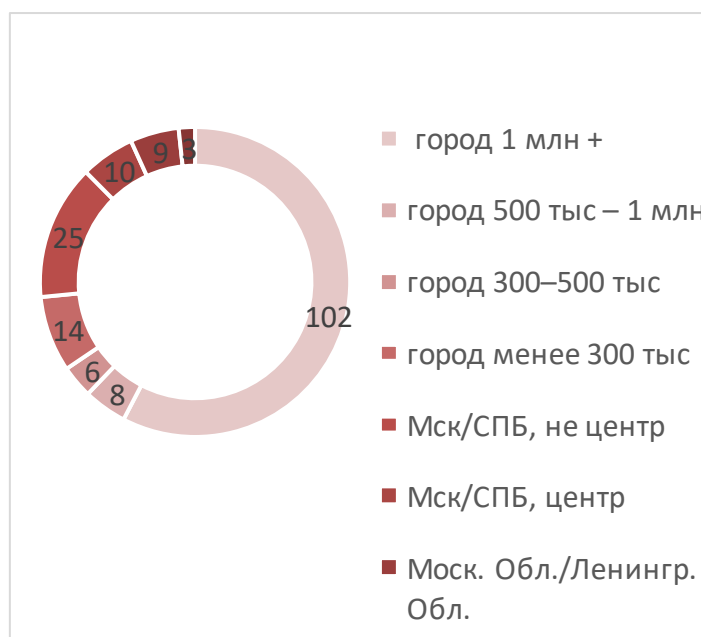

Рис. 1. Местонахождение респондентов, численность в чел.

83 % опрошенных в возрасте 18–36 лет, почти 8 % составляют респонденты 36–45 лет, 11,2 % респондентов в возрасте 45+.

Большинство опрошенных – почти 72 % – не женаты / не замужем, без детей.

² Компания *Meta* признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

На вопрос «какие есть увлечения?», 72,3 % ответили: фильмы, сериалы, 69 % ответили – музыка, 57,6 % указали соцсети, 56,5 % – чтение, почти 28 % – спорт, 24 % – бары и клубы.

65 % опрошенных стали реже ходить в магазин или перестали ходить вовсе благодаря покупкам в сети интернет. 27 % респондентов совершают онлайн-покупки 1–2 раза в неделю или чаще, 46 % – 1–2 раза в месяц.

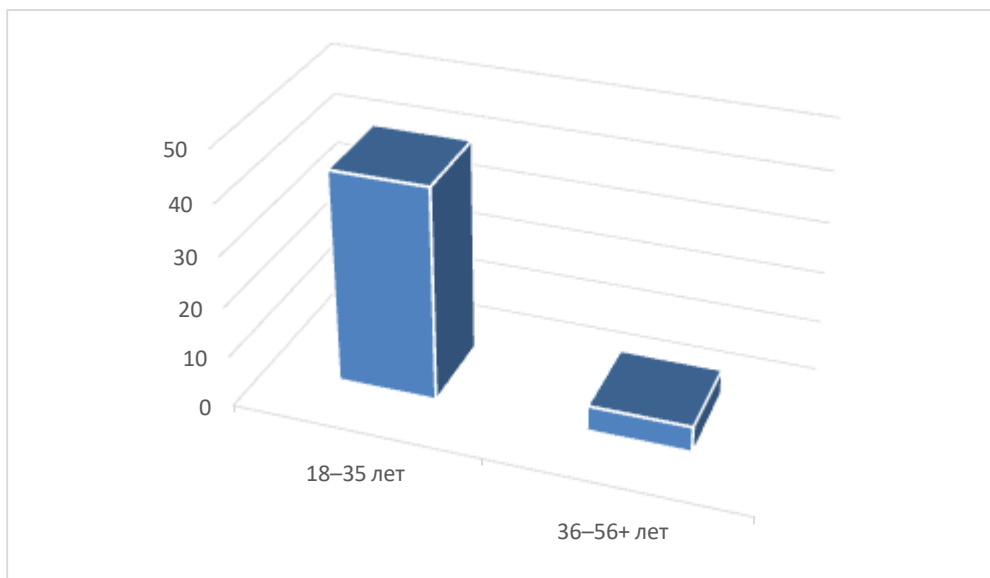

Рис. 2. Частота покупок в интернете.

Согласно нашему исследованию, респонденты в возрасте 36–56+ лет пользуются доставкой продуктов намного реже, нежели люди в возрасте 18–35 лет (см. рис. 2, 3).

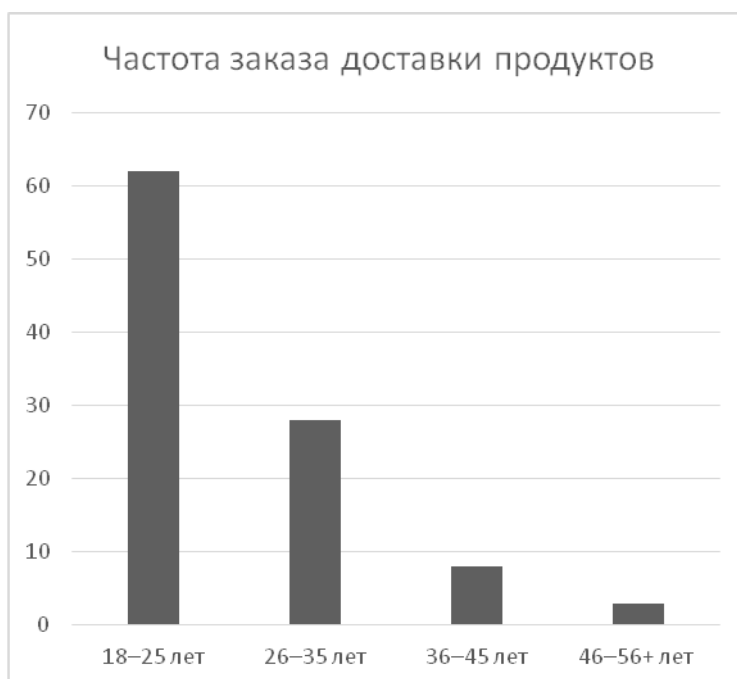

Рис. 3. Частота заказа доставки продуктов, в %.

Большинство опрошенных людей отдают предпочтение покупке товаров для дома (73 %), одежды и обуви (67,8 %), а также косметики (61,6 %) и продуктов питания (56,5 %). Наиболее низким спросом пользуются медикаменты (18 %) и детские товары (12 %).

36 % опрошенных преимущественно выбирают маркетплейсы (*Wildberries, Ozon, Kazanexpress, AliExpress* и т.д.). 24 % респондентов считают отзывы о товаре или услуге одним из самых важных факторов при выборе покупки в интернете. Для 56 % респондентов наиболее комфортной суммой онлайн-покупки является 1000–5000 рублей.

Исследование показало, что покупатели всех возрастных категорий считают самым большим минусом в онлайн-покупках отсутствие тактильного контакта с товаром (64 %).

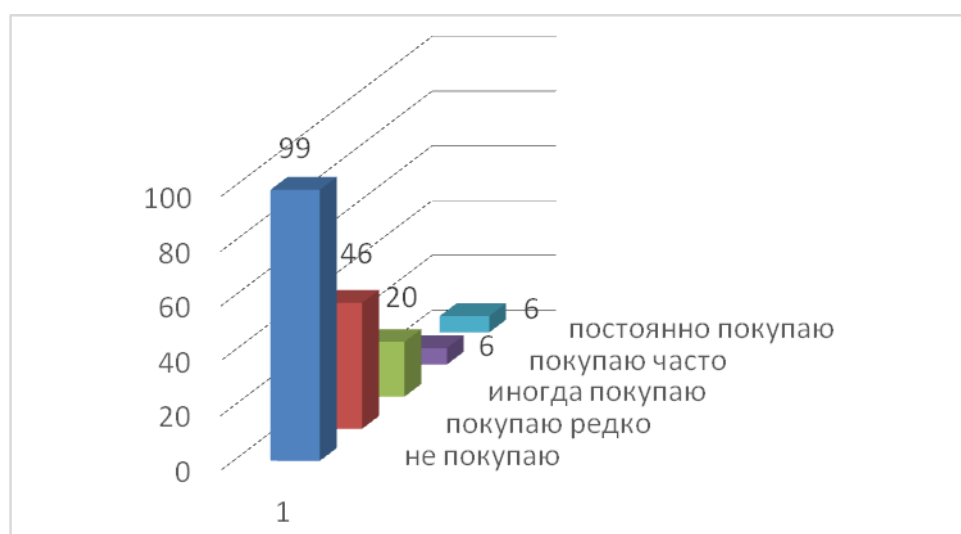

Рис. 4. Ответы на вопрос: покупаете ли Вы товары в социальных сетях, в чел.

Согласно ответам участников опроса, большинство из них (74 %) никогда не совершали покупки через социальные сети и только 12 % регулярно или иногда покупают онлайн. При этом лишь 13 % опрошенных скорее доверяют частным продавцам в социальных сетях. Почти 12 % респондентов продолжают покупать в *Instagram* и *Facebook* даже после их блокировки.

Обсуждение и заключения

Проанализировав исследования различных организаций, среди которых – ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР и прочие, мы пришли к выводу, что тема покупок в интернете мало изучена. Предмет обсуждения – как блокировка популярных соцсетей повлияла на покупательскую способность россиян – вовсе в исследованиях отсутствует. Для решения этих вопросов было предложено провести студенческую исследовательскую работу и выяснить: кто покупает в интернете, что покупают и где покупают.

По итогам проделанной работы можно сделать следующие выводы.

Во-первых, совершать покупки в социальных сетях нетипично для россиян. Всего около 12 % респондентов регулярно совершают покупки в *Instagram* и *Facebook*. После 11 марта 2022 года компания *Meta* была признана экстремистской и запрещена на территории страны по требованию Генеральной прокуратуры РФ.

Во-вторых, как показывает наш опрос, проведенный в период с 01.11.2022 по 13.02.2023, блокировка социальных сетей никак не повлияла на покупательское поведение наших респондентов.

В-третьих, результаты исследования показали, что в России большинство жителей крупных городов пользуются онлайн-покупками (99,4 %) (см. рис. 5).

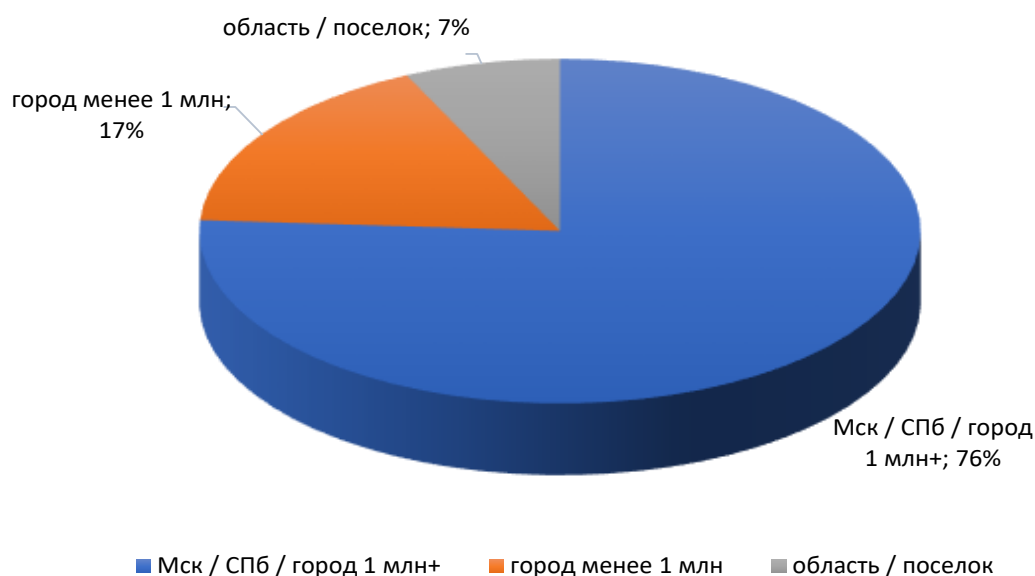

Рис. 5. Частота онлайн-покупок в зависимости от местонахождения, в млн чел.

В-четвертых, 95,5 % опрошенных людей используют самые популярные маркетплейсы для выбора товаров (*Wildberries*, *Ozon*, *Kazanexpress*, *AliExpress* и т.д.), 54 % респондентов пользуются услугами доставки еды (люди в возрасте 36–56+ лет пользуются доставкой продуктов намного реже, нежели люди в возрасте 18–35 лет), 51 % используют приложения (подписка на книги, фильмы, музыку), 47 % пользуются экосистемами (ЯндексМаркет, СберМаркет, МТС, «ВКонтакте»), 32 % предпочитают интернет-магазины («М.Видео», «Зооптторг», *Zarina* и т.д.).

В-пятых, 69 % участников опроса утверждают, что выбирать подходящие товары в интернете можно, опираясь на отзывы, и что интересно – эти же люди практически не сталкивались с браком, совершая покупки через интернет.

В заключении хотелось бы добавить, что использование в качестве метода социологического исследования онлайн-опроса оказалось крайне практичным решением. Все ответы респондентов поступали в *Google Forms* и там же анализировались. Ответы респондентов систематизировались и выстраивались в диаграммы. Данный метод сбора информации

значительно облегчает задачу исследователям. Кроме того, стоит отметить чрезвычайную популярность этого метода организации соцопроса, которую применяют эксперты в педагогике, маркетинге, общественной деятельности, малом и среднем бизнесе. В качестве будущих прогнозов в области проведения социологических исследований можно предположить рост числа онлайн-исследований, причем не только количественных – в виде онлайн-опроса, но и качественных, реализованных в формате онлайн-интервью, либо онлайн фокус-групп. Другим популярным методом проведения онлайн-исследований становится ривер-сэмплинг (*River Sampling*) или принцип поточной выборки, при котором респонденты формируются не из панели (базы данных), а привлекаются среди пользователей интернета под конкретный опрос. Таким образом, привлечение респондента происходит через весь интернет – социальные сети, новостные порталы, приложения и игры, различные блоги и группы, баннеры и др. Еще один метод проведения онлайн-исследований, который в будущем будет пользоваться популярностью, – это сбор анкет с помощью таргетированной рекламы.

Библиография

1. В России признали экстремистскими и запретили Facebook и Instagram // РБК, 21 марта 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab> (дата обращения: 27.02.2023). [V Rossii priznali ehkstremitstskimi i zapretili Facebook i Instagram // RBK, 21 marta 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab> (data obrashcheniya: 27.02.2023)].
2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с. [Giddens EH. Sotsiologiya. M.: Ehditorial URSS, 1999. 704 s.].
3. Гурулёв А. А. Социологические исследования с использованием таргетированной рекламы // Региональные СМИ: пути взаимодействия: сборник трудов конференции. Чита: Забайкальский гос. университет 2021. С. 88–92. [Gurulev A. A. Sotsiologicheskie issledovaniya s ispol'zovaniem targetirovannoi reklamy // Regional'nye SMI: puti vzaimodeistviya: sbornik trudov konferentsii. Chita: Zabaikal'skii gos. universitet 2021. S. 88–92.].
4. Камалова Г. Р., Шакурова Ш. Р. Онлайн-исследования в современной России: новые стратегии и тактики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 4 (166). С. 113–116. [Kamalova G. R., Shakurova SH. R. Onlain-issledovaniya v sovremennoi Rossii: novye strategii i taktiki // Ehkonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal. 2022. № 4 (166). S. 113–116.].
5. Кравченко А. И., Анурин В. Ф. Социология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2010. 432 с. [Kravchenko A. I., Anurin V. F. Sotsiologiya: uchebnik dlya vuzov. SPb.: Piter, 2010. 432 s.].
6. Куприян А. П. Методологические проблемы социального эксперимента. М.: МГУ, 1971. 157 с. [Kupriyan A. P. Metodologicheskie problemy sotsial'nogo ehksperimenta. M.: MGU, 1971. 157 s.].
7. Липатова А. В. Социологические методы исследования конструирования медиаобраза регионального лидера // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 4 (51). С. 27–32. [Lipatova A. V. Sotsiologicheskie metody issledovaniya konstruirovaniya mediaobraza regional'nogo lidera // Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. 2021. № 4 (51). S. 27–32.].

8. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М.: «АВАЭКСТРА», 1993. 272 с. [Noehl' EН. Massovye oprosy. Vvedenie v metodiku demoskopii. M.: «AVAENKSTRA», 1993. 272 s.].
9. Ротанова М. Б. Социология массовой коммуникации: учебное пособие для студентов факультета заочного обучения. Н. Новгород: НГЛУ, 2012. 112 с. [Rotanova M. B. Sotsiologiya massovoi kommunikatsii: uchebnoe posobie dlya studentov fakul'teta zaochnogo obucheniya. N. Novgorod: NGLU, 2012. 112 s.].
10. Самые богатые российские блогеры в рейтинге Forbes // Forbes, 23 августа 2021 г. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/436383-samye-bogatye-rossiyskie-blogery-v-reytinge-forbes> (дата обращения: 17.02.2023). [Samye bogatye rossiiskie blogery v reitinge Forbes // Forbes, 23 avgusta 2021 g. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/436383-samye-bogatye-rossiyskie-blogery-v-reytinge-forbes> (data obrashcheniya: 17.02.2023)].
11. Шахова И. А. Социологические исследования в маркетинге // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 88. С. 80–83. [Shakhova I. A. Sotsiologicheskie issledovaniya v marketinge // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. № 88. S. 80–83.].
12. Юренева Т. Ю. Изучение музейной аудитории: социологические исследования 1920-х – 1930-х гг. // Культурное наследие России. 2020. № 4 (31). С. 47–54. [Yurenova T. YU. Izuchenie muzeinoi auditorii: sotsiologicheskie issledovaniya 1920-kh – 1930-kh gg. // Kul'turnoe nasledie Rossii. 2020. № 4 (31). S. 47–54.].
13. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007. 567 с. [Yadov V. A. Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisaniye, ob'yasneniye, ponimaniye sotsial'noi real'nosti. M.: Omega-L, 2007. 567 s.].

УДК 930.85

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕГО
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

С. В. Устинкин¹, А. В. Никитин², П. В. Седаев³

*¹⁻³Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуется политическое наследие Петра Великого и возможность его использования для трансформации современной российской государственности. Актуальность материалов статьи обусловлена потребностью поиска алгоритмов дальнейшего развития России в условиях формирования нового мирового порядка, сохранения ее идентичности, укрепления суверенитета и обеспечения безопасности. Практическая ценность политических преобразований Петра I очевидна. При нем страна на памяти одного поколения совершила качественный рывок от архаичной по характеру государственности Московской Руси к великой Российской империи, признаваемой как в Европе, так и в Азии.

Исследование показало, что история России имеет циклический характер. Взлеты и успехи сменяются падениями и неудачами. Данная закономерность позволила выявить исторические параллели между Россией эпохи Петра Великого и современной Россией, общность технологий выхода из политического и экономического кризисов, роль и качества политического лидера в кризисные периоды.

Ключевые слова: политическое наследие, политические реформы, государственность, личность главы государства, преемственность власти, армия, флот, финансы государства, население, промышленность.

**THE POLITICAL LEGACY OF PETER THE GREAT AND ITS
SIGNIFICANCE FOR THE TRANSFORMATION OF MODERN
RUSSIAN STATEHOOD**

Sergey V. Ustinkin¹, Alexander V. Nikitin², Pavel V. Sedaev³

*¹⁻³N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. This article examines the political legacy of Peter the Great and the possibility of its use for the transformation of modern Russian statehood. The relevance of the materials of the article is due to the need to search for algorithms for the further development of Russia in the conditions of the formation of a new world order, the preservation of its identity, strengthening sovereignty and ensuring security.

The practical value of Peter I's political transformations is obvious. Under him, the country, in the memory of one generation, made a qualitative leap from the archaic nature of the statehood of Moscow Russ to the Great Russian Empire, recognized both in Europe and in Asia.

The study showed that the history of Russia has a cyclical character. Ups and successes are replaced by downs and failures. This pattern made it possible to identify historical parallels between Russia of the era of Peter the Great and modern Russia, the commonality of technologies for overcoming political and economic crises, the role and qualities of a political leader in crisis periods.

Keywords: political heritage, political reforms, statehood, personality of the head of state, succession of power, army, navy, state finances, population, industry.

Введение

Более чем тысячелетняя история развития российской государственности продемонстрировала некоторую стабильность и известную повторяемость ситуаций. Взлеты и успехи сменялись падениями и неудачами. Были моменты, когда Россия могла исчезнуть с карты мира, уйти в небытие. Несмотря на это, она сохраняла свою идентичность и суверенитет.

Происходящие в мире события свидетельствуют о том, что он приближается к критической точке своего бытия. Вопрос – быть или не быть – уже приобрел экзистенциальный характер. Идет поиск устройства нового мирового порядка, исторически выверенного и наиболее правильного пути дальнейшего развития страны и мира в целом. В процессе такого поиска целесообразно обратиться к историческому опыту выхода России из кризисных ситуаций. Как представляется авторам статьи, весьма полезным будет изучение опыта проведения политических реформ Петром I. В процессе их осуществления он столкнулся с непониманием, а порою и с открытым противодействием их проведению со стороны правящей элиты (бояр и духовенства). На этом тернистом пути были ошибки, неудачи, разочарования, но благодаря твердой воле, настойчивости в достижении поставленной цели, а порою применению жесточайших мер принуждения Россия на памяти одного поколения совершила качественный рывок в своем развитии – от архаичной Московской Руси к великой Российской империи, признаваемой таковой в Европе и Азии.

Обзор литературы

Описанию личности Петра Великого и его политического наследия посвящено большое количество научных и художественных произведений разного жанра. Представить их обзор в рамках настоящей статьи не представляется возможным. Исходя из этого, представим краткий обзор тех из них, которые, по мнению авторов, являются наиболее значимыми для понимания и изучения заявленной темы исследования.

В отечественной научной и художественной литературе личность и деятельность Петра I оцениваются не однозначно. Одни авторы называют его великим реформатором, преданным отечеству и русскому народу, который провел небывалые преобразования во всех сферах жизни России и превратил ее в крупную и сильную европейскую державу. Другие обращают внимание на жестокость и насилие в реализации проводимых им реформ, критикуют за слепое насаждение достижений и опыта Западной

Европы в области науки, техники, культуры на российскую почву, попрание традиций и обычаев, разрушение национальной самобытности. Не вызывает сомнений одно – и те и другие авторы признают, что Петр I был сильной, яркой, незаурядной личностью, оставившей глубокий след в истории России.

Петра Великого и проводимые им реформы высоко ценили А. Н. Радищев, П. Я. Чаадаев и ряд других русских мыслителей XVIII–XIX веков. А. И. Герцен называл его революционером, «одаренным обширным гением с непреклонной волей» [5, с. 39].

Французский философ Вольтер в своей «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» главным достижением петровских реформ считает прогресс, которого русские добились за 50 лет, хотя другие нации не могли этого достигнуть и за 500 лет [4, с. 361]. Для Вольтера Петр I был воплощением идеала просвещенного государя, который поднял международный престиж России на небывалую высоту и заставил европейские державы считаться с «северным колоссом».

Историографы синодального периода высказывали противоположные точки зрения (как во время, так и после правления Петра I) по поводу того, что царь провел реформу, касающуюся Церкви, и ее роли в жизни государства [9]. Представители духовенства называли Петра I «царем-антихристом». Население Российской империи не было единодушно в оценках проводимых императором преобразований и наряду с «антихристом» присвоило самодержцу такие звания, как «герой», «мореплаватель», «реформатор», «работник». А вот образ Петра I как божественного освободителя от шведов не прижился в российском обществе [19].

М. М. Щербатов полагает, что отход от духовно-нравственных оснований, на которых строилось развитие русской государственности до Петра I, привело к тому, что место «привязанности к Божию и гражданскому закону» заняли «зависть, честолюбие, сребролюбие, пышность, уклонность, раболепность и лесть» [27, с. 119]. По его мнению, в результате реформаторской деятельности Петра I была подорвана и без того хрупкая религиозность русского человека, исчезла «любовь к богу и святому его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить» [27, с. 81]. Несмотря на это, он приходит к выводу, что петровские реформы превратили Россию в одну из самых развитых стран Европы. Вместе с тем в результате отхода от традиционного пути развития Россия из самодержавной монархии, в основе которой лежали духовно-нравственные и религиозные принципы, пришедшие как правящему классу, так и всему народу, превратилась в деспотию.

Н. М. Карамзин, признавая Петра I великим государем, вместе с тем критикует его за чрезмерное увлечение иноземным, за стремление «делать Россию – Голландиею» [8, с. 36], за подрыв авторитета Церкви, заключавшийся в лишении ее самостоятельности и отмены патриаршества. По его мнению, резкое изменение «старого» уклада жизни и национальных обычаев, предпринятое царем, не всегда было оправдано. В результате русские

образованные люди «стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России» [8, с. 36].

С. М. Соловьев, подвергая критике указанные взгляды Н. М. Карамзина, доказывал историческую обусловленность и необходимость реформ, которые ощущались всем народом. Он писал: «Необходимость движения на новый путь была осознана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился» [25, с. 37]. Соловьев С. М. считал, что свою основную задачу Петр I видел во внутреннем преобразовании России, а Северная война со Швецией была лишь стимулом к этому.

В. О. Ключевский создал свою, оригинальную систему оценок личности Петра I и его преобразований. Он писал: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно» [10, с. 706]. Наряду с этим Ключевский признавал, что «реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур» [10, с. 706].

П. Н. Милюков считает, что реформы проводились Петром I непродуманно, от случая к случаю, под давлением обстоятельств, без какого-либо плана. Также он указывает, что только «ценой разорения страны, Россия возведена была в ранг европейской державы» [18, с. 687].

С. Ф. Платонов в монографии «Петр Великий. Личность и деятельность» иначе характеризует личность императора: «Люди всех поколений в оценках личности и деятельности Петра сходились в одном: его считали силой ... Петр был заметнейшим и влиятельнейшим деятелем своего времени, вождём всего народа. Никто не считал его ничтожным человеком, бессознательно употребившим власть или же слепо шедшим по случайному пути» [22, с. 10]. Он выделял в Петре ряд положительных качеств: энергию, серьёзность, природный ум, желание во всем разобраться самому.

Много писали о Петре I, его реформах и тех последствиях, которые они оказали на дальнейшее развитие русской цивилизации, представители славянофильского направления. Надо отметить, что славянофильские идеи появились в России в середине XIX века. В это время в европейской социально-философской среде были популярны идеи Гегеля, который утверждал, что германская цивилизация – это конечный путь развития мировой цивилизации, мирового прогресса. Все, что не вписывается в данную концепцию, является не историческим. Другими словами, все цивилизации, которые не могут вписаться в западноевропейские рамки, не являются настоящими. Такую точку зрения отстаивали западники (А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарев, К. Д. Кавелин и др.), с которыми

у славянофилов были яростные споры. По мнению западников, именно Петр I сделал Россию западной страной, направил ее на прогрессивный путь развития. Кстати, сегодня такая же точка зрения является главенствующей среди либерально настроенной российской интеллигенции.

Представители славянофильского течения (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др.) считают, что российская государственность достигла своего наибольшего расцвета в период Московского царства. Именно в эти времена к Московскому государству были присоединены Казанское ханство, Астрахань и сибирские земли. По их мнению, в фигуре московского царя нашел воплощение тот самодержавный идеал правления, который соответствовал «национальному духу» русского народа, а политическая жизнь допетровской Руси служила ярким примером антибюрократической системы правления. Имело место единение власти и народа. Все слои русского общества исповедовали одинаковые традиционные идеалы и ценности, что служило залогом единства страны, а московский царь выступал его гарантом. Петр I своими реформами нарушил эти устои, правящий класс отделился от народа как в экономическом, так и в культурном плане. Со времени Петра I Россия утрачивает свою «русскость». Так, по мнению И. С. Аксакова, «... русская земля подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилению. Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Все, что носило на себе печать народности, было предано осмеянию, поруганию, гонению; одежда, обычай, нравы, самый язык, – все было искажено, изуродовано, изувечено» [1, с. 585]. Славянофилы считали, что петровская реформа уничтожила истинный дух русского народа.

При этом славянофилы признавали некоторые положительные итоги реформаторской деятельности Петра I: создание армии, промышленности и т. д. Однако в целом по итогам реформаторской деятельности Петра I было утрачено то единение верховной власти с народом, что в дальнейшем нашло отражение в восстаниях Емельяна Пугачева, а в начале XX в. – в революционных событиях и свержении монархии в России.

В советский период реформы Петра I рассматривались представителями исторической науки с точки зрения марксистской теории. Например, Н. И. Павленко считал, что преобразования Петра – это крупный шаг по пути к прогрессу [21].

По мнению А. Б. Каменского [6] и Е. В. Анисимова [2], реформы Петра носили противоречивый характер. Несмотря на введение ряда новшеств в жизнь государства и общества, реформы вели к консервации самодержавно-крепостнической системы в России.

В приведенных выше точках зрения известных историков отразились противоречия самих петровских реформ, их масштабы и результаты, которые не всем пришлись по душе. С. М. Соловьев так объясняет многообразие оценок эпохи Петра Великого: «Различие взглядов происходило ... от громадности дела, совершенного Петром, и продолжительности влияния

этого дела; чем значительнее какое-нибудь явление, тем более разноречивых взглядов и мнений порождает оно, и, тем долее толкуют о нем, чем долее ощущают на себе его влияние» [25, с. 13].

Бесспорно одно: благодаря деятельности Петра I в России был дан мощный импульс развитию промышленности, созданы профессиональные армия и флот, заложены основы светской культуры, образования и науки, сформирована сильная вертикаль государственного и местного управления. При Петре Россия получает широкое международное признание. С. М. Соловьев справедливо заметил, что «каковы бы ни были толки о деятельности Петра, эта деятельность резко делит нашу историю на две половины» [25, с. 38].

Материалы и методы

В процессе написания статьи авторы использовали научные и публицистические произведения отечественных и зарубежных исследователей, вышедшие в свет в период с 1788 по 2022 годы, в которых получили отражение их оценки политических реформ Петра Великого.

Методологическую основу работы составили исторический, логический, формальный, статистический, сравнительный и ряд других методов научного познания предмета представленного исследования.

Результаты исследования

Петр I на протяжении своей жизни воплощал совокупность твердо усвоенных им еще в детском и юношеском возрасте установок и взглядов. Можно предположить, что в основе его преобразований лежала мысль о превращении страны в великую державу с передовой наукой, развитой экономикой и профессиональной армией и военно-морским флотом, способными увеличить значимость России на международной арене.

Что изначально способствовало формированию этих взглядов и установок? По мнению П. А. Кротова, ответ на этот вопрос частично дает исследование личной библиотеки Петра Великого. Он выяснил, что истоки «имперского мышления» Петра Великого были заложены еще в раннем детстве, когда к лету 1676 г. для обучения чтению царевича Петра Алексеевича по указанию его отца царя Алексея Михайловича была подготовлена рукопись о деяниях Александра Македонского [16, с. 59–60].

Предположительно определенную роль в формировании этого стиля мышления Петра Великого сыграла рукопись римского автора Квинта Курция Руфа о деяниях Александра Великого Македонского и автобиографическое сочинение первого римского императора Гая Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне», которые хранятся в собрании книг Петра Великого [17]. Возможно, в «Записках о Галльской войне» будущего русского монарха привлекало не столько военное искусство, а описание пути последовательного восхождения к вершине власти человека, исполненного честолюбивых помыслов, неустанным стремлением служить на благо Отечеству, а также какими качества, которыми он должен обладать в движении

к намеченной цели. Примечательно, что «Записки о Галльской войне» были напечатаны по распоряжению царя в 1711 г., а труд Квинта Курция Руфа печатался в годы правления Петра Великого пять раз [3, с. 92, 117–118, 122–123, 221, 400, 459].

Изучение жизни и деятельности Петра I позволяет сделать вывод, что она была направлена на создание сильного независимого централизованного государства с жесткой вертикалью исполнительной власти и контролем над ней со стороны самодержца. Осуществление этой цели могло быть реализовано, по мнению Петра I, только через абсолютную монархию. Петр также понимал, что при такой форме правления многое зависит от того, какая личность стоит во главе государства. По этой причине все проводимые им реформы можно считать политическими, поскольку результатом их осуществления должно было стать такое государство, с которым бы считались другие государства Европы и Азии.

История существования российской государственности полна примеров, которые свидетельствуют, что только тогда наша страна добивается существенных успехов в своем развитии, когда ее политический курс определяет и проводит в жизнь личность или коллегиальный орган, которые ясно представляют себе стратегические перспективы развития страны, долгосрочные и краткосрочные цели, методы и средства их достижения.

По мнению большинства исследователей, Петр I являет собой яркий пример высокой эффективности верховной власти в условиях российской модели государственности и цивилизации. Сильная и твердая «вертикаль власти» и поныне сохраняется в нашей стране³, которая является важной предпосылкой для ее успешного развития. Следует признать, что Россия исторически сформировалась как имперское государство, имеющее огромную территорию, многонациональное и многоконфессиональное население. Очевидно, по этой причине в России слишком многое зависит от того, какая личность стоит во главе государства и определяет его внутреннюю и внешнюю политику, тактику ее реализации. И мы солидарны с позицией П. А. Кротова, который утверждает, что «в условиях Российского государства, российской модели цивилизации в Новый (и новейший) период истории, большое значение имеют масштаб, способности, сила воли той личности, которая оказалась у кормила управления страной» [16, с. 59].

Признавая роль личности в истории, нельзя обойти вниманием механизм преемственности власти, сохранения политического курса страны при смене главы государства, который, согласно ныне действующей Конституции РФ, определяет внутреннюю и внешнюю политику государства и является верховным главнокомандующим его вооруженных сил. Этот механизм должен быть таким, чтобы во власть не попадали «случайные», «лишние» люди, разного рода политические авантюристы без должного опыта государственного управления на всех уровнях.

---

³ Прежде всего, имеется в виду институт президентской власти в России.

Петр I остро осознавал эту проблему, поэтому не случайно законом от 5 февраля 1722 г. он отменил существовавшие ранее порядки престолонаследия (завещание и соборное избрание), заменив их личным назначением царствующего государя. Причиной тому был его сын царевич Алексей, грозивший разрушить дело отца. Спасая свое дело, Петр I пожертвовал сыном и естественным порядком престолонаследия.

В конце своей жизни уставший от болезни, от сознания своей славы и величия «Петр не находил для престола надежного лица, для реформы надежной опоры ни в сотрудиниках, которым знал цену, ни в основных законах, которых не существовало, ни в самом народе, у которого отнята была вековая форма выражения своей воли, земский собор, а вместе и самая воля. Петр остался с глазу на глаз со своей безграничной властью и по привычке в ней искал выхода, предоставив исключительно ей назначение преемника» [10, с. 725].

Закон от 5 февраля 1722 г. сыграл с императором злую шутку. Петр долго колебался в выборе преемника и уже накануне смерти, лишившись языка, успел только написать: «Отдайте все...», а кому – осталось тайной. Лишив верховную власть законного основания, Петр этим законом отдал престол на волю случая. Со смерти Петра I и до воцарения Александра I смена на российском престоле, как правило, не обходилась без дворцовых переворотов.

Чем же еще важен опыт государственной реформы Петра Великого для поступательного развития современной России?

Сподвижник в делах Петра И. Т. Посошков обратил внимание на ключевую для развития России проблему: относительно незначительные финансовые ресурсы страны. Он писал, обращаясь к царю: «Российское царство на просторном месте стоит и многонародно», но сборы в государственную казну, тем не менее, не весьма изобильны и, по его словам, «в военное время не достает того собрания на военные расходы» [23, с. 20].

Тем не менее недостаток финансовых и материальных средств не стал непреодолимым препятствием для России в создании и содержании отвечавших самому передовому европейскому уровню сильного военно-морского флота и армии. О роли вооруженных сил в утверждении престижа государства за пределами страны имеется высказывание монарха в предисловии к Морскому уставу. Он написал: «...всякой потентант (правитель – А. Н.), которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет» [11, с. 2].

Вопрос о необходимости для страны сильного военно-морского флота злободневен и для нынешней России. Некоторые представители либеральной общественности подвергают сомнению необходимость сильного корабельного флота для современной России. Например, В. А. Красиков приводит такие рассуждения: «...идею морского величия петербургские и московские правители не единожды пытались реанимировать. Потуги эти каждый раз неизменно заканчивались очередным крахом. Однако желающих побаловаться широкомасштабными экспериментами с предрешенным

банкротством в финале меньше не становится. Во всяком случае, споры на тему «нужен ли большой флот России» продолжаются в нашей стране и сегодня» [12, с. 175].

Реальные действия Петра Великого показывают, что он придерживался решительно противоположных воззрений на то место, которое Россия должна занимать в мировой системе международных отношений, а также нужен ли стране «мощный флот, ориентированный на наступательные действия». Петр I начал создавать российский флот для Азовского и Балтийского морей еще до обретения страной выхода к этим морям. В основе созидания российского флота лежали постановка цели, определение задач. Понятно поэтому, почему российский флот изначально строился по программам, не хаотично. Появление и развитие флота не было прихотью, забавой монарха, но строго соответствовало внешнеполитическим задачам страны [13; 14; 15].

Почти весь период правления Петра I сопровождался войнами, поэтому государственный бюджет России постоянно носил «военный характер». Анализ источников показывает, что в годы Великой Северной войны и позднее основная часть государственных расходов уходила на военные нужды (от 76,5 % до 95,9 %) [18, с. 120–121; 175; 292–293; 373]. Даже в относительно мирном 1724 г. они составляли 67,6 % всех расходов [18, с. 497].

Следует заметить, что в данный исторический период подобное явление не было особенностью только российского государства. Приблизительно такую же структуру государственных расходов имели и другие ведущие страны Европы. Например, Франция в годы Девятилетней войны (1689–1697 гг.) и Войны за испанское наследство (1702–1714 гг.) затрачивала на армию и флот ежегодно до 75 % своего бюджета [29, р. 115]. Однако для нас здесь важен следующий аспект – все ежегодные расходы России были тогда в десять раз меньше, чем ежегодные расходы Великобритании только на содержание своей армии и флота [16, с. 62–63].

Возникает вопрос, каким образом располагавший меньшей доходной базой государственный бюджет, позволил Петру I вывести Россию в ряд великих военных держав Европы?

Представляется, что правильный ответ на этот вопрос мы можем найти у американского историка Вильяма Фуллера, который полагал, что «... Россия стала великой державой, не столько стремясь превзойти Запад, но изобретя новый способ борьбы, который извлекал выгоду из ее архаичного политического и общественного устройства» [27, р. XIX].

П. А. Кротов в своей статье «Опыт государственной реформы Петра Великого и современная Россия» конкретизирует и развивает эту мысль Фуллера: «Существовавшие при Петре Великом самодержавие и крепостничество соответствовали уровню развития страны, ее географическим, почвенно-климатическим условиям, многоэтническому и многоконфессиональному составу населения, и именно они позволили обеспечить поступательное развитие страны и предотвратить ее распад. Монарх сумел реформировать архаичную по характеру государственности военно-служилую

монархию и сформировать новый тип государственной и военной машины. Абсолютная монархия времен Петра I по своей социальной сущности – «дворянская империя», созданная в ходе и итоге преобразований первого русского императора, сделала возможным, не меняя тогдашних первооснов российской государственности – монархического строя и крепостничества, – встать вровень с другими великими державами по реальному влиянию на дела Европы» [16, с. 63].

Несгибаемая воля монарха, глубоко и правильно осознающего главные нужды страны, позволила сосредоточить сравнительно небольшие финансовые ресурсы на ключевых направлениях ее переустройства. Финансовые, материальные и людские ресурсы были направлены на создание и развитие передовых для того времени отраслей промышленности, ориентированных в первую очередь на создание и техническое переоснащение профессиональной армии и флота.

Это исторический пример для современной России. События, связанные с проведением специальной военной операции на бывшей территории Украины, выявили ряд серьезных стратегических ошибок, которые были допущены руководством страны в деле реформирования Вооруженных сил России в 90-е годы XX века и в начале XXI века (сокращение численности, недостаточное финансирование, закрытие большого количества военных училищ, перевод оборонных предприятий на изготовление продукции гражданского назначения и др.). В 2023 году ситуация в деле военного строительства стала кардинально меняться к лучшему. Вооруженные силы России вошли в число приоритетных направлений деятельности государства (качественно и количественно возросло материально-техническое обеспечение всех родов войск, значительно увеличилось денежное довольствие военнослужащих, пересматривается структура вооруженных сил, увеличивается их численность и др.). Не случайно в последних публичных выступлениях президент России В. В. Путин стал часто упоминать высказывание, предположительно принадлежащее императору Александру III: «Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот, все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас» [24].

Малые финансовые возможности страны на рубеже XVII и XVIII столетий восполняли многомиллионные людские ресурсы России. Согласно данным первой ревизии 1719 г., страна имела население 15,7 млн чел. [6, с. 77]. Эта особенность России при Петре Великом стала одной из предпосылок обретения страной статуса великой державы.

Как и во все времена, большая численность населения имеет огромное значение для пребывания того или иного государства в ранге великих держав. В XVIII в. по численности населения Россия занимала второе место в Европе, а самой многонаселенной страной христианской Европы была Франция (на 1700 г. она располагала примерно 20 млн жителей) [29, р. 128; 30, р. 21]. Напротив, малое число жителей Нидерландов после выхода из Войны за испанское наследство (1713) не позволило правительству этой страны продолжить великодержавную политику [26, с. 16–21].

Таким образом, один из важнейших уроков Петровской эпохи для современности состоит в создании условий для сохранения и роста численности населения страны. Это важнейшая предпосылка для сохранения великодержавного статуса, суверенитета и территориальной целостности России. В настоящее время Россия занимает девятое место в мире по численности населения [20]. Задача увеличения численности народонаселения и улучшения его качественного состава является первоочередной, и государство принимает все возможные усилия по ее решению. В ее реализации также можно опираться на опыт Петра Великого.

Побывав в Западной Европе, Петр навсегда остался под впечатлением от ее успехов, и в первую очередь промышленных достижений. Изучая особенности ее промышленных центров, он усвоил основную мысль, заключающуюся в том, что «каждый народ для того, чтобы не беднеть, должен сам производить все, им потребляемое, не нуждаясь в помощи чужестранного труда, а чтобы богатеть, должен вывозить как можно больше и ввозить как можно меньше» [10, с. 467].

Прискорбно, что в 90-е годы XX века в России упомянутая идея была предана забвению, результатом чего стала утрата нашей страной экономического и технологического суверенитета, превращение ее в региональную державу, сырьевой придаток западной экономики. Россию воспринимали не иначе как «мировой бензоколонкой». Однако, как и во времена Петра I, мощным толчком к переосмыслению сложившейся экономической системы стала угроза существованию России как суверенного государства со стороны стран НАТО. С этого момента страна перешла к экономической политике импортозамещения. Это лишний раз говорит нам о том, что уроки истории забывать не надо.

Вернувшись в Россию, Петр старался организовать в своей стране всевозможные производства на западный манер, при этом он не обращал внимания на то, во что это обойдется государственной казне. И. Т. Посошков так объяснял поведение Петра: «Хотя в первые годы новое домашнее производство обойдется и дороже заморского, зато потом, упрочившись, окупится» [23, с. 59]. Петр понимал, что Россия не уступает другим странам обилием и разнообразием природных богатств и даже превосходит их, но разработку этих богатств должно вести само государство. Очевидно, Петр интуитивно осознавал необходимость сочетания частной предпринимательской инициативы с прямым участием государства в становлении и развитии промышленного производства в России, без которого нельзя было создать мощную армию и флот, а также организовать их материально-техническое обеспечение. Это стало главным предметом хозяйственной деятельности Петра I. Порою для достижения поставленной цели монарх применял жесткие репрессивные методы управления. Сейчас бы сказали, что император пытался создать эффективную для своего времени смешанную систему управления экономикой, то есть решал задачу, которая актуальна и для современной России.

Важным достижением Петра I в проведении промышленной реформы было умелое использование господствовавшей в России крепостнической системы, которая давала возможность за счет применения административных методов управления широко пользоваться дешевым трудом. Незрелость права частной собственности на землю, находившуюся главным образом во владении государства, позволила монарху наладить использование природных богатств в интересах развития отечественной промышленности. В итоге удалось создать высокотехнологичную по тем временам экономику, способную при необходимости, и прежде всего в условиях военных действий, функционировать в обособленном от экономических связей с другими государствами режиме, что составило материальную основу великодержавного положения России в Европе. Кроме того, крепостнический базис производственных отношений в стране в условиях Нового времени, при уверенном развитии в недрах феодальной системы капиталистического уклада в экономике создал предпосылки для того, чтобы сформировать профессиональный, соответствовавший требованиям времени личный состав армии и флота наименее затратным способом – путем рекрутских наборов и обязательной службы дворянства.

В России наших дней путем умелого использования методов административного управления также решается большое количество проблем в различных областях.

Из наблюдений над порядками западноевропейской промышленности и из собственных соображений и опыта Петр I понимал, что для развития русской промышленности необходимы подготовленные специалисты. Для решения этой задачи он предпринял ряд дополнительных мер:

1. Вызов иностранных мастеров и фабрикантов. Иноземных специалистов заманивали в Россию выгодными условиями и точным их исполнением со стороны русского правительства. Такие выгоды давались иноземным специалистам с одним непременным условием: «учить русских людей без всякой скрытности и прилежно».

2. Обучение русских людей за границей. В продолжение царствования Петра по всем главным промышленным городам Европы рассеяны были десятки русских учеников, за обучение которых Петр дорого платил иноземным мастерам.

В новейшее время эта практика получила широкое распространение в мире (покупка «мозгов»), примером чему служат США, Китай и ряд других крупных промышленных держав. К сожалению, Россия не очень активно использует этот опыт для развития своей экономики и науки.

Обсуждение и заключения

Подводя итоги, следует отметить, что опыт успешной государственной реформы Петра Великого в высшей степени поучителен для современной России. Русский монарх поставил цель превратить отсталую Московию в передовую великую державу и воплотил ее на протяжении собственной жизни. Преображение России состоялось на глазах изумленных россиян,

европейцев и азиатов при жизни одного поколения. Петр Великий сумел преодолеть на своем пути многочисленные объективные трудности. Сейчас особенно важно подчеркнуть, что царь смог решить вопрос нехватки денежных средств, используя другие преимущества Российского государства.

Есть мнение, что Петровские реформы носили спонтанный характер, были необдуманними и часто непоследовательными. На это можно возразить, что невозможно в живом обществе рассчитать все с абсолютной точностью на десятилетия вперед. Конечно, в процессе осуществления преобразований жизнь вносила свои коррективы, поэтому менялись планы и появлялись новые идеи. Порядок проведения реформ и их особенности были продиктованы ходом затяжной Северной войны, а также политическими и финансовыми возможностями государства в определенный период времени.

В итоге масштабной модернизации государственного механизма, создания мощных вооруженных сил, действенной и целенаправленной внешней политики страна заняла при Петре Великом положение великой державы. Россия вышла за пределы европейской «периферии» именно в итоге его преобразований.

Библиография

1. Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с. [Aksakov I.S. Nashe znamya – russkaya narodnost'. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. 640 s.].
2. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с. [Anisimov E. V. Vremya petrovskikh reform. L.: Lenizdat, 1989. 496 s.].
3. Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати: 1708–январь 1725 г. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 627 с. [Bykova T. A., Gurevich M. M. Opisanie izdaniy grazhdanskoi pechati: 1708–yanvar' 1725 g. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. 627 s.].
4. Вольтер. История Российской империи при Петре Великом / Пер. с фр. С. А. Мезина и А. Е. Кулакова; вступ. ст. и комм. С. А. Мезина и М. В. Ковалева. СПб.: Нестор-История, 2022. 376 с. [Vol'ter. Istoriya Rossiiskoi imperii pri Petre Velikom / Per. s fr. S. A. Mezina i A. E. Kulakova; vstup. st. i komm. S. A. Mezina i M. V. Kovaleva. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. 376 s.].
5. Герцен А. И. Кто виноват? М.: Худож. лит., 1977. 384 с. [Gertsen A. I. Kto vinovat? M.: Khudozh. lit., 1977. 384 s.].
6. Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с. [Kabuzan V. M. Narody Rossii v XVIII veke: Chislennost' i ehtnicheskii sostav. M.: Nauka, 1990. 256 s.].
7. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в.: опыт целостного анализа. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. 575 с. [Kamenskii A. B. Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII v.: opyt tselostnogo analiza. M.: Rossiiskii gos. gumanitar. un-t, 1999. 575 s.].
8. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с. [Karamzin N. M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh. M.: Nauka, 1991. 127 s.].
9. Кисляков Д. В. Оценка личности императора Петра I и его роли в церковных преобразованиях (краткий обзор мнений) // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2020. № 9–10. С. 94–98. [Kislyakov D. V. Otsenka lichnosti imperatora Petra I

i ego roli v tserkovnykh preobrazovaniyakh (kratkii obzor mnenii) // Sbornik trudov Yakutskoi dukhovnoi seminarii. 2020. № 9–10. S. 94–98.].

10. Ключевский В. О. Курс русской истории. 941 с. URL: https://nashavera.com/media/books/Ключевский_Курс_Русской_Истории.pdf (дата обращения: 15.01.2023). [Klyuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. 941 s. URL: https://nashavera.com/media/books/Klyuchevskii_Kurs_Russkoi_Istorii.pdf (data obrashcheniya: 15.01.2023)].

11. Книга Устав морской: о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб.: При Императорской Академии наук, 1778. 311 с. [Kniga Ustav morskoi: o vsem, chto kasaetsya dobromu upravleniyu v bytnosti flota na more. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1778. 311 s.].

12. Красиков В. А. Неизвестная война Петра Великого. СПб.: Нева, 2005. 477 с. [Krasikov V. A. Neizvestnaya voina Petra Velikogo. SPb.: Neva, 2005. 477 s.].

13. Кротов П. А. Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. М.: Наука, 1988. Т. 116. С. 313–331. [Krotov P. A. Sozdanie lineinogo flota na Baltike pri Petre I // Istoricheskie zapiski. M.: Nauka, 1988. T. 116. S. 313–331.].

14. Кротов П. А. Рождение Балтийского военно-морского флота // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 209–213. [Krotov P. A. Rozhdenie Baltiiskogo voenno-morskogo flota // Voprosy istorii. 1991. № 11. S. 209–213.].

15. Кротов П. А. Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // История отечественного судостроения. СПб.: Судостроение, 1994. Т. 1. Парусное деревянное судостроение IX–XIX вв. С. 121–125. [Krotov P. A. Sudostroitel'nye programmy Baltiiskogo flota 1707, 1715 i 1717–1718 godov // Istoriya otechestvennogo sudostroeniya. SPb.: Sudostroenie, 1994. T. 1. Parusnoe derevyannoe sudostroenie IX–XIX vv. S. 121–125.].

16. Кротов П. А. Опыт государственной реформы Петра Великого и современная Россия // Российское государство в историческом измерении. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Т. 15. СПб.: Ист. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010. С. 58–72. [Krotov P. A. Opyt gosudarstvennoi reformy Petra Velikogo i sovremennaya Rossiya // Rossiiskoe gosudarstvo v istoricheskom izmerenii. Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 15. SPb.: Ist. fak. Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2010. S. 58–72.].

17. Лебедева И. Н. Библиотека Петра I: описание рукописных книг. СПб.: Библиотека Российской АН, 2003. 431 с. [Lebedeva I. N. Biblioteka Petra I: opisaniye rukopisnykh knig. SPb.: Biblioteka Rossiiskoi AN, 2003. 431 s.].

18. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 702 с. [Milyukov P. N. Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reformy Petra Velikogo. 2-e izd. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1905. 702 s.].

19. Мининкова Л. В., Айдунова Т. Ю. От антихриста до революционера: Петр I в отечественном общественно-историческом дискурсе XVIII – нач. XX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 3. № 53. С. 974–985. [Mininkova L. V., Aidunova T. YU. Ot antikhrista do revolyutsionera: Petr I v otechestvennom obshchestvenno-istoricheskom diskurse XVIII – nach. XX v. // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2019. T. 3. № 53. S. 974–985.].

20. Население земли – счетчик населения земли. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 20.02.2023). [Naseleniye zemli – schetchik naseleniya zemli. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (data obrashcheniya: 20.02.2023)].

21. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с. [Pavlenko N. I. Petr Velikii. M.: Mysl', 1994. 591 s.].

22. Платонов С. Ф. Петр Великий: Личность и деятельность. Ленинград: Время, 1926. 113 с. URL: http://dugward.ru/library/platonov/platonov_petr_velikiy.html (дата обращения: 30.01.2023). [Platonov S. F. Petr Velikii: Lichnost' i deyatel'nost'. Leningrad: Vremya, 1926. 113 s. URL: http://dugward.ru/library/platonov/platonov_petr_velikiy.html (data obrashcheniya: 30.01.2023)].

23. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во Акад.наук СССР, 1951. 409 с. [Pososhkov I. T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya. M.: Izd-vo Akad.nauk SSSR, 1951. 409 s.].

24. Почему Александр III постоянно говорил своим приближенным: «Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот». 04 сентября 2019 г. URL: <https://dzen.ru/a/XW1vfvm5wCuprcI> (дата обращения: 28.12.2022). [Pochemu Aleksandr III postoyanno govoril svoim priblizhennym: «Vo vsem svete u nas tol'ko dva vernykh soyuznika – nasha armiya i flot». 04 sentyabrya 2019 g. URL: <https://dzen.ru/a/XW1vfvm5wCuprcI> (data obrashcheniya: 28.12.2022)].

25. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 225 с. [Solov'ev S. M. Publichnye chteniya o Petre Velikom. M.: Nauka, 1984. 225 s.].

26. Шатохина-Мордвинцева Г. А. Внешняя политика Нидерландов 1713–1763 гг.: Становление голландского нейтралитета. М.: Инс-т всеобщ. истории РАН, 1998. 175 с. [Shatokhina-Mordvintseva G. A. Vneshnyaya politika Niderlandov 1713–1763 gg.: Stanovlenie gollandskogo neutraliteta. M.: Ins-t vseobshch. istorii RAN, 1998. 175 s.].

27. Щербатов М. М. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М.: Наука, 1983. 340 с. [Shcherbatov M. M. «O povrezhdenii нравов v RossiI» knyazyu M. Shcherbatova i «PuteshestviE» A. Radishcheva. M.: Nauka, 1983. 340 s.].

28. Fuller William C. Jr. Strategy and power in Russia, 1600–1914. N. Y., Oxford, 1992. 576 p.

29. Kennedy Paul M. The Rise and Fall of the Great Powers: Econ. Change a. Milit. Conflict from 1500 to 2000. New York: Random house, Cop. 1987. 677 p.

30. Michael Roberts. Sweden's Age of Greatness, 1632–1718. L., St. Martin's Press, 1973. 314 p.

Примечание:

Устинкин С. В. – осуществление общего научного руководства реализацией проекта, написание раздела «Результаты исследования».

Никитин А. В. – написание разделов «Введение», «Материалы и методы», «Обзор литературы», «Обсуждение и заключение».

Седаев П. В. – написание раздела «Результаты исследования».

УДК 327

**ПОВОРОТ НА ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО
КРИЗИСА: ТЕОРЕТИКО-ИГРОВОЙ ПОДХОД**

А. А. Горюнова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

АННОТАЦИЯ. В настоящее время имеет место эскалация украинского кризиса, который выступил в качестве катализатора политических процессов по смещению внимания политического, экономического и культурного вектора развития РФ с Запада на Восток. Разбалансированность американоцентричной мировой системы стала следствием действий США, переоценивших свои возможности в качестве арбитра в мировом сообществе, что дискредитировало США как глобального лидера, способствовало трансформации мирового порядка, важнейшим трендом которого стал закат *Pax Americana*.

В центре внимания настоящей статьи – политическое прогнозирование, основанное на теоретико-игровом подходе.

Европейским странам после окончания специальной военной операции (далее – СВО), вне зависимости от ее результатов, необходимо будет решать проблемы в первую очередь по обеспечению безопасности и суверенитета. Государства и другие акторы мировой политики, которые заняли выжидательную позицию в отношении СВО, примкнули к победителю. Каким бы ни было окончание украинского кризиса, глобальное доминирование КНР видится предрешенным. Поддерживая экономические и политические инициативы Китая, Россия должна руководствоваться в первую очередь из своих внутренних и геополитических интересов. Экономическое лидерство Китая не должно перерасти в политическую гегемонию, что очень вероятно при обретении им контроля над трансграничными коммуникационными коридорами и международными транспортно-логистическими потоками, которые и являются целью проекта «Экономический пояс Шелкового пути». В этом контексте результат СВО повлияет на позиции, с которыми Россия войдет в новый формирующийся мировой порядок.

Ключевые слова: Украина, украинский кризис, внешняя политика, национальные интересы, евразийская геополитическая стратегия России, теория игр, закат *Pax Americana*.

Благодарности: автор выражает благодарность Е. П. Савруцкой за оказанную помощь в подготовке статьи.

**THE PIVOT TO THE EAST IN THE CONEXT OF THE UKRAINIAN
CRISIS: A GAME-THEORETICAL APPROACH**

Anna A. Goryunova

*N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

ABSTRACT. Currently, there is an escalation of the Ukrainian crisis, which acted as a catalyst for political processes to shift the attention of the political, economic and cultural vector

of development of the Russian Federation from the West to the East. The imbalance of the American-centered world system was the result of the actions of the United States, which overestimated its capabilities as an arbitrator in the world community, which discredited the United States as a global leader, contributed to the transformation of the world order, the most important trend of which was the decline of the “Pax Americana”.

To European countries after the end of a special military operation (hereinafter referred to as SVO) regardless of its results, it will be necessary to solve problems, primarily to ensure security and sovereignty. States and other actors of world politics who have taken a wait-and-see attitude towards their own will join the winner. Whatever the end of the Ukrainian crisis, China’s global dominance seems to be a foregone conclusion. While supporting China’s economic and political initiatives, Russia should be guided primarily by its internal and geopolitical interests. China’s economic leadership should not develop into political hegemony, which is very likely when it gains control over cross-border communication corridors and international transport and logistics flows, which are the goal of the Silk Road Economic Belt project. In this context, the outcome of the SVO will affect the positions with which Russia will enter the new emerging world order.

Keywords: Ukraine, Ukrainian crisis, foreign policy, national interests, Russia’s Eurasian geopolitical strategy, game theory, the decline of “Pax Americana”.

Acknowledgements: the author expresses his gratitude to Savrutskaya Elisaveta P. for her assistance in preparing the article.

Введение

В XX веке начал формироваться глобальный проект мировой экспансии США. Одним из его инструментов стал Совет по внешним сношениям, полномочия которого включали координацию интересов мировой банковской элиты, национальных интересов США и внешней политики стран Запада, основанной на использовании подрывных и / или несиловых методов внешней политики и глобального доминирования США.

Важнейшими принципами доминирования США в мире являются:

- формирование международных конфликтов, когда противоборствующие страны борются друг с другом, а не с зачинщиком конфликта;
- параллельная поддержка всех сторон конфликта, разжигание сепаратизма;
- действие под маской миротворца.

Осознав всю опасность усиления позиций СССР и мировой системы социализма, США после Второй мировой войны перешли к укреплению позиций западной цивилизации с использованием управляемых политических трансформаций или смены враждебных политических режимов [5]. Проведя апробацию этих действий в разных странах в XX веке, США в начале XXI века приступили к борьбе с серьезными внешнеполитическими соперниками – Россией и Китаем.

Разбалансированность американоцентричной мировой системы стала следствием действий самих США, которые, как полагает автор, переоценили свои возможности в качестве мирового арбитра. Бесконечные войны и инициированные ими конфликты, утечки секретной разоблачающей информации во всех сферах, подкованные игры, внешний долг, превышающий

ВВП в 1,5 раза – все это дискредитировало США как глобального лидера, способствовало трансформации мирового порядка, важнейшим трендом которого стал закат концепции *Pax Americana*. Ожидаемый «конец истории» (Ф. Фукуяма) не наступил, более того, начался новый постамериканизированный период, сопровождаемый возникновением новых полюсов и центров притяжения движущих сил мировой политики, составляющих острую конкуренцию американоцентричной концепции однополярного мира. Начало XXI века ознаменовалось не только ослаблением позиций США, но и укреплением позиций Китая, усилением его экономической мощи и политических позиций как региональной и мировой державы.

В последние десятилетия КНР перешагнула границу самообеспечения и в настоящее время находится в авангарде интеграционных и глобализационных процессов, осуществляемых «по-китайски» [2]. Одним из элементов стратегической инициативы Китая являются долгосрочные проекты – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» [8; 10], объявленные председателем Си Цзиньпином в 2013 году. Реализация указанных проектов, прочно свяжет Запад и Восток, Африку и страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). Это может привести к падению глобализационных процессов западного образца. 1 января 2022 года вступило в силу соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), ратифицирующее зону свободной торговли для 15 азиатских стран, население которых составляет 1/3 населения планеты, а общий объем торговли – 30 % от мирового ВВП. Таким образом, в настоящее время Россия географически оказалась между двумя крупнейшими государствами, которые проводят политику по экономическому и политическому сближению стран-партнеров.

В этих условиях США теряют свои позиции. Объективно порожденный США украинский кризис является глобальной провокацией, направленной на восстановление главенствующей роли Соединенных Штатов в мировых политических процессах. Неслучайно именно Россия оказалась на острие глобальной трансформации, предполагающей закат американоцентричного мироустройства, являясь одним из центров мирового сообщества, которое не воспринимает навязываемый извне диктат в мировой политике, экономике и культуре [1]. В контексте изменившейся внешнеполитической обстановки России необходимо разрабатывать и реализовывать новую эффективную геополитическую стратегию, отражающую ее интересы. Политика Европы, оказавшись в зависимости от США, потеряла свой экономический и партнерский потенциал. В таких условиях интересы России объективно переносятся в Азию [3].

У России из-за исключительного географического положения имеются реальные возможности занять достойное место в новой архитектуре мировой политики, реализуя свой экономический потенциал и используя партнерские отношения со странами ЮВА [9]. Активизация инвестиционного взаимодействия с восточными странами-соседями, в первую очередь с КНР, воспринимается Россией как один из приоритетов её развития [2; 8].

Учитывая изменения условий внешнеполитической среды, попробуем спрогнозировать поведенческую стратегию РФ в решении украинского кризиса на основе теоретико-игрового подхода.

Обзор литературы

Основные подходы к проблеме формирующейся геополитической картины мира в контексте украинского кризиса рассматриваются в настоящее время большим кругом ученых из разных областей знаний, в том числе политологических: И. В. Бочарников, Ю. Н. Гладкий, В. Б. Кашин, А. А. Кулаков, А. А. Сушенцов [1; 2; 3; 5; 8] и др.

Резкое изменение внешнеполитической обстановки поставило Россию в условия, когда разработка новой эффективной геополитической стратегии жизненно необходима [3]. Развивая эту мысль, А. А. Кулаков утверждает, что по результатам длительного ведения гибридной войны против РФ в настоящее время созрела острая необходимость развивать многоуровневую систему асимметричных возможностей силового и несилового противоборства со страной-агрессором США. Автор делает акцент на невозможности использования системного подхода к моделированию внешней политики государств в связи с большим количеством действующих факторов, значительными процессами вмешательства одного участника международных политических процессов в деятельность другого с целью защиты, обеспечения и продвижения своих национальных интересов.

В условиях, когда система международных отношений, характеризующаяся множественностью участников, столкнулась с шоковой ситуацией, перед исследователями встает задача адекватного использования различных методов анализа политических процессов и политического прогнозирования. Подробный анализ методов сравнительного эмпирического исследования мы находим в работах О. В. Поповой [6]. Среди методов политического анализа во второй половине XX века из экономической науки была заимствована теория игр, раздел математики, разработанный Дж. Фон Нейманом и О. Моргенштерном в 1944 году и изучающий оптимальные стратегии поведения участников конфликтных ситуаций. Эта теория стала активно использоваться в гуманитарных областях знаний для моделирования социальных процессов, в том числе политических. Использованию этого метода посвящены работы Н. В. Красницкого [4] и Б. О. Соколова [7].

Материалы и методы

Традиционными приемами исследователей в сфере сравнительной политологии являются методы сравнительного анализа и оценки динамики происходящих изменений. В перечне проблем сравнительных исследований можно выделить следующие:

– сравнение исследуемого объекта с объектом, признанным эталонным / идеальным, что выставляет в невыгодном свете исследуемый объект; недостоверность исходных данных;

– субъективные оценки экспертов, подверженных предрассудкам или некоему влиянию внешних сил;

– некорректные интерпретации полученных результатов исследований.

Вместе с тем применительно к сфере исследования национальной безопасности, особенно в контексте событий, происходящих в мире и не имеющих прецедента, представляется сложным применение политической экспертизы, контент-анализа, массовых опросов, наблюдений, сценарного метода [6].

За методологическую основу данного исследования был взят метод политического прогнозирования, нацеленного на решение особо сложных задач и связанного с высоким уровнем неопределенности, возникающей из-за множественности влияющих факторов, политических субъектов, которые преследуют конфликтующие и скрытые цели.

Также использовался метод теории игр [4; 7]. Его достоинства заключаются в том, что он позволяет изучать оптимальные стратегии поведения в конфликтных ситуациях, выбирать лучшие стратегии с учетом информации о других участниках, их ресурсах и возможных поступках, что дает возможность прогнозировать ситуацию. Отрицательными сторонами метода являются: принудительное упрощение происходящих процессов; необходимость придания «вероятности» каждому отдельному решению; множественность скрытых мотивов и обязательств участников; недостаток информации о политических договоренностях между игроками. В ходе настоящего исследования автором были выдвинуты условия, при которых достоинства метода нивелируют его недостатки.

Игра, разработанная для достижения целей исследования, имеет следующие характеристики:

1. Два игрока (участники конфликта): «Россия» и «США». В качестве предпосылки мы выдвигаем положение о том, что внешняя политика стран ЕС не является независимой и потому они не выступают независимыми акторами на политической арене. Под игроком «США» нами подразумеваются страны, проводящие антироссийскую политику в украинском кризисе.

2. Игроки реализуют свои стратегии последовательно во времени, а не одновременно.

3. Игра осуществляется в три тура:

Тур 0: 24 февраля 2022 года Россия начала СВО с целью обеспечения национальной безопасности и защиты прав русскоязычного населения Луганской народной республики (ЛНР) и Донецкой народной республики (ДНР).

Тур 1: Игрок «США» имеет две стратегии: продолжить или прекратить военное финансирование Украины. В первую очередь речь идет о предоставлении финансирования, военной техники, наемников, специалистов стран НАТО по ведению боя, разведанных, дальнейшем наложении санкций на Россию и прочих методах, затягивающих и усугубляющих конфликт.

Тур 2: Игрок «Россия» имеет две стратегии: добиться или не добиться целей и задач СВО. В ходе последовательной реализации игроками выбранных стратегий будет достигнут один из четырех возможных исходов (Исход 1, Исход 2, Исход 3, Исход 4). Изучение возможных исходов позволит спрогнозировать будущий геополитический ландшафт, расстановку сил после окончания украинского кризиса и предположить наилучший и наихудший исход для каждого игрока.

4. В ходе исследования не предполагается изучение средств достижения игроками выбранной стратегии.

Схематично теоретико-игровая модель тура 1 и тура 2 игры выглядит следующим образом:

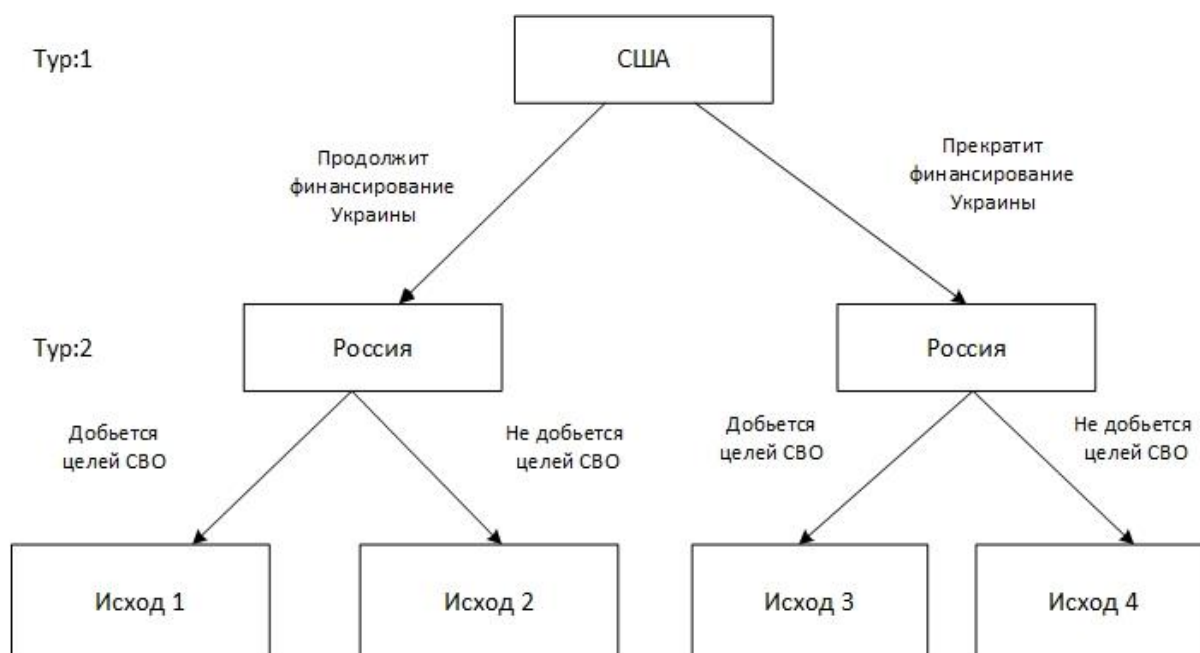

Рис.1. Теоретико-игровая модель украинского кризиса.

Результаты исследования

Результаты игры, описания исходов:

Исход 1: В случае дальнейшего продолжения финансирования и снабжения игроком «США» Украины и достижением Россией целей СВО, по мнению исследователей, мир столкнется с новым мировым порядком. В силу истощенности финансовых и политических ресурсов противоположной стороны произойдет окончательный закат *Pax Americana*. Страны Европы, активно инвестировавшие в экологические проекты с 2016 года в соответствии с Парижским климатическим соглашением, в систему здравоохранения в 2020 году в связи с пандемией COVID-19, осуществлявшие поставки военной техники для Украины, потерявшие возможность использовать мощности взорванного трубопровода «Северный поток-2» в 2022 году, столкнутся в среднесрочной перспективе с масштабным политическим и экономическим кризисом. Ускорится начавшийся процесс «переезда» европейских компаний в США к доступным ресурсам в виде рабочей

силы и стабильным ценам на электроэнергию и газ. Россия отстаивает свои геополитические интересы. Реализация этого наиболее затратного исхода является наихудшим вариантом для ЕС, произойдет раскол внутри блока НАТО. Эта ситуация предполагает, что страны Запада будут использовать все возможные ресурсы для его недопущения.

Исход 2: В случае дальнейшего продолжения финансирования и снабжения игроком «США» Украины и недостижением Россией целей СВО, по мнению исследователей, суверенное государство Украина перестанет существовать. Истощенная длительным финансированием националистически настроенного соседнего государства Европа столкнется с проблемой ее демилитаризации и денацификации, остро встанет вопрос миграционной политики. Ускорится начавшийся процесс «переезда» европейских компаний в США к доступным ресурсам в виде рабочей силы и стабильным ценам на электроэнергию и газ. Россия в силу своего огромного природно-ресурсного и экономического потенциала останется важным игроком на постсоветском пространстве.

Исход 3: В случае прекращения финансирования и снабжения игроком «США» Украины и достижением Россией целей СВО, по мнению исследователей, произойдет раскол политической элиты западных стран. В силу того, что на международном уровне будет признана неспособность США осуществлять роль мирового арбитра и лидера, произойдет окончательный закат *Pax Americana*. Страны ЕС сохранят ресурсы для преодоления политического и экономического кризиса, неминуемо последующим за настоящими событиями. Этот исход является нежелательным для игрока «США» и наилучшим для игрока «Россия», так как потребует меньше ресурсов для его достижения (по сравнению с исходами 1 и 2).

Исход 4: В случае прекращения финансирования и снабжения игроком «США» Украины и недостижением Россией целей СВО, по мнению исследователей, суверенное государство Украина перестанет существовать. Истощенная длительным финансированием националистически настроенного соседнего государства Европа столкнется с проблемой ее демилитаризации и денацификации, остро встанет вопрос миграционной политики. США продолжит вести борьбу против Китая, возможно, используя нарабатанный опыт для обострения конфликта между Китаем с Тайванем.

Обсуждение и заключения

В ходе исследования с использованием теоретико-игрового подхода были сделаны следующие выводы.

Реализация исходов 1 и 2, связанных с продолжением снабжения Украины ресурсами для ведения боевых действий, приведет к дальнейшим проблемам в самих же странах-спонсорах. Эти проблемы будут связаны со снижением уровня жизни в странах ЕС, притоком мигрантов-беженцев, мигрантов-националистов и сепаратистов, повышением уровня преступности, усилением социальной нагрузки на бюджеты принимающих стран. Вместе с оттоком предприятий после окончания украинского конфликта

Европа столкнется с политическим и экономическим кризисом, истощением оборонного и наступательного вооружения для обеспечения безопасности собственных границ. В случае недостижения Россией целей СВО, скорее всего, произойдет исчезновение Украины как суверенного государства. В случае достижения Россией целей СВО она станет значительным игроком на международной геополитической арене. Страна займет важное место в разворачивающемся новом мировом порядке, основанном на лидерстве промышленного гиганта КНР.

Вне зависимости от реализованного исхода европейским странам после окончания СВО необходимо будет решать многочисленные проблемы, в том числе по безопасности своих территорий по причинам: а) опустошенности складов военной техники; б) наплыва мигрантов – вчерашних боевиков; и так далее.

Государства и другие акторы мировой политики, которые заняли выжидательную позицию в ходе СВО, примкнут к победителю. Какой бы ни реализовался исход в украинском кризисе, глобальное доминирование КНР видится предрешенным. Поддерживая экономические и политические инициативы Китая, Россия должна исходить в первую очередь из защиты своих интересов, экономическое лидерство соседа не должно перерасти в политическую гегемонию, что очень вероятно при обретении контроля над трансграничными коммуникационными коридорами и международными транспортно-логистическими потоками, которые и являются целью «Экономического пояса Шелкового пути». В этом контексте исход СВО повлияет на позиции, с которыми Россия войдет в новый разворачивающийся мировой порядок. Несмотря на сплоченность западного сообщества, которое борется за сохранение современного миропорядка, в заявлениях западных лидеров прослеживается риторика, которая отходит от установленного США курса. Так, например, премьер-министр Нидерландов Марк Рютте 17 января 2023 года заявил, что после установления мира на Украине с Россией нужно будет восстанавливать отношения.

Последовательное осуществление странами своих политических стратегий и будет определять новый мировой порядок. Таким образом, украинский кризис и последовавшая СВО выступили катализатором политических процессов по смещению внимания политического, экономического и культурного векторов развития РФ с Запада на Восток.

Библиография

1. Бочарников И. В. Украинский кризис в условиях современных геополитических трансформаций // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1 (78). С. 4–12. [Bocharnikov I. V. Ukrainskii krizis v usloviyakh sovremennykh geopoliticheskikh transformatsii // Vestnik Akademii voennykh nauk. 2022. № 1 (78). S. 4–12.]
2. Гладкий Ю. Н., Бочарников В. Н. Новый «Шелковый путь» и место России в глобализации «По-китайски» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 2 (43). С. 22–28. [Gladkii YU. N., Bocharnikov V. N. Novyi «Shelkovyi put'» i mesto Rossii v globalizatsii «Po-kitaiski» // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2017. № 2 (43). S. 22–28.]

3. Кашин В. Б. Россия, Китай и украинский кризис // Россия в глобальной политике. 2022. № 2 (114). С. 204–212. [Kashin V. B. Rossiya, Kitai i ukrainskii krizis // Rossiya v global'noi politike. 2022. № 2 (114). S. 204–212.].
4. Красницкий Н. В. Теоретико-игровое моделирование политических процессов: проблемы развития в отечественной политической науке // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. № 8. С. 51–55. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14209.htm> (дата обращения: 31.01.2023). [Krasnitskii N. V. Teoretiko-igrovoe modelirovanie politicheskikh protsessov: pro-blemy razvitiya v otechestvennoi politicheskoi nauke // Kontsept. Nauchno-metodicheskii ehlektronnyi zhurnal. 2014. № 8. S. 51–55. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14209.htm> (data obrashcheniya: 31.01.2023)].
5. Кулаков А. А. Управляемые политические трансформации как инструмент внешней политики США // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1 (78). С. 13–23. [Kulakov A. A. Upravlyaemye politicheskie transformatsii kak instrument vneshnei politiki SSHA // Vestnik Akademii voennykh nauk. 2022. № 1 (78). S. 13–23.].
6. Попова О. В. Измерительный инструмент в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах // Политическая экспертиза: Политэкс. 2009. № 1. С. 271–291. [Popova O. V. Izmeritel'nyi instrument v sravnitel'noi politologii: k voprosu o nereshennykh problemakh // Politicheskaya ehkspertiza: Politehks. 2009. № 1. S. 271–291.].
7. Соколов Б. О. Теоретико-игровой подход в современной политической науке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 1. С. 300–303. [Sokolov B. O. Teoretiko-igrovoi podkhod v sovremennoi politicheskoi nauke // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2011. № 1. S. 300–303.].
8. Сушенцов А. А. Стратегические основания украинского кризиса // Россия в глобальной политике. 2022. № 4 (116). С. 110–113. [Sushentsov A. A. Strategicheskie osnovaniya ukrainskogo krizisa // Rossiya v global'noi politike. 2022. № 4 (116). S. 110–113.].
9. Belt and Road Initiative // The World Bank. March 29, 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/regional-integration/brief/belt-and-road-initiative> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
10. China says it won't join in financial sanctions on Russia // Associated Press News. March 2, 2022. URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-business-europe-china-beijing-66b77689b254080448f49ec77e588012> (data obrashcheniya: 31.01.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горюнова Анна Андреевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина 31А, лаборант-исследователь международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», аспирант, e-mail: asukhanova@list.ru

Евдокимов Артем Владимирович, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук (ВШСН), e-mail: Artemius2014@yandex.ru

Кочкуров Александр Сергеевич, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А, аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации ВШСН, e-mail: alexanderkochkurov@gmail.com

Кузнецова Юлия Ивановна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31А, старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и туризма ВШСН, e-mail: 2654317@mail.ru

Лагунова Ирина Сергеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А, старший преподаватель кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации ВШСН, e-mail: i.s.lagunova@yandex.ru

Никитин Александр Всеволодович, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А, доцент кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации ВШСН, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», доцент, кандидат юридических наук, ORCID ID 0000-0002-7049-7580, Researcher ID P-3569-2015, e-mail: kirill-lena@mail.ru

Самсонов Андрей Иванович, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), старший научный сотрудник, 603000, Россия, Нижний Новгород, ул. Костина, д. 4, научный сотрудник. ORCID ID 0000-0002-8059-5344, e-mail: cipt@mail.ru

Седаев Павел Валерьевич, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А, доцент кафедры философии, истории

и теории социальной коммуникации ВШСН, доцент, кандидат философских наук, ORCID ID 0000-0003-4775-0311, e-mail: pvsedaev@mail.ru

Устинкин Сергей Васильевич, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А, начальник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», профессор, доктор исторических наук, ORCID ID 0000-0003-1481-3208, Researcher ID A-8955-2016, e-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Федорова Марина Владимировна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А, декан Высшей школы социальных наук, доцент, кандидат философских наук, РИНЦ AuthorID: 639249, Researcher ID AAT-3070-2020, Scopus Author ID: 57203182838, ORCID ID: 0000-0003-4750-598, e-mail: marafed2204@mail.ru, mfedorova@lunn.ru

Information about the authors

Goryunova Anna A., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, laboratory assistant-researcher of the International Interdisciplinary Research Laboratory “Study of World and Regional Socio-Political Processes”, postgraduate student, e-mail: asukhanova@list.ru

Evdokimov Artem V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication of the Higher School of Social Sciences, e-mail: Artemius2014@yandex.ru

Kochkurov Alexander S., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Postgraduate student, e-mail: alexanderkochkurov@gmail.com

Kuznetsova Yulia I., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Senior Lecturer of the Department of Advertising, Public Relations and Tourism, e-mail: 2654317@mail.ru

Lagunova Irina S., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, e-mail: i.s.lagunova@yandex.ru

Nikitin Alexander V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Senior Researcher at the International Interdisciplinary Research Laboratory “Study of World and Regional Socio-Political Processes”, Associate Professor, Candidate of Law, ORCID ID 0000-0002-7049-7580, Researcher ID P-3569-2015, e-mail: kirill-lena@mail.ru

Samsonov Andrey I., Volga Branch of the Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FSTAC RAS), senior researcher, Kostina, 4, Nizhny Novgorod, Russia, 603000, ORCID ID 0000-0002-8059-5344, e-mail: cipt@mail.ru

Sedaev Pavel V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Candidate of Philosophical Sciences, ORCID ID 0000-0002-7049-7580, Researcher ID P-3569-2015, e-mail: pvsedaev@mail.ru

Ustinkin Sergey V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Head of the International Interdisciplinary Research Laboratory “Study of World and Regional Socio-Political Processes”, Professor, Doctor of Historical Sciences, ORCID ID 0000-0003-1481-3208, Researcher ID A-8955-2016, e-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Fedorova Marina V., Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina 31A, Nizhny Novgorod, Russia, 603155, Dean of the Higher School of Social Sciences, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, RSCI AuthorID: 639249, Researcher ID AAT-3070-2020, Scopus Author ID: 57203182838, ORCID ID: 0000-0003-4750-598, e-mail: marafed2204@mail.ru, mfedorova@lunn.ru